Эльдар РЯЗАНОВ
Эмиль БРАГИНСКИЙ

Гараж

АЗБУКА-КЛАССИКА

Гараж

Эльдар Александрович Рязанов, Эмиль Вениаминович Брагинский

Аннотация
Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Гараж: киноповести
Гараж. Сатирическая комедия
  Действие первое
  Действие второе
Старики-разбойники. Юмористическая повесть
  Глава первая
  Глава вторая
  Глава третья
  Глава четвертая
  Глава пятая
  Глава шестая
  Глава седьмая
  Глава восьмая
  Глава девятая
  Глава десятая
  Глава одиннадцатая
  Глава двенадцатая
  Глава тринадцатая

Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Зигзаг удачи. Юмористическая повесть
27 декабря, день
27 декабря, вечер
28 декабря
29 декабря, день
29 декабря, вечер
30 декабря, день
30 декабря, вечер
31 декабря
Январь
Эпилог

Аннотация

В книгу вошли три киноповести великолепного творческого дуэта Эльдара Рязанова и Эмиля Брагинского, ставшие основой комедий, вошедших в золотой фонд отечественного кинематографа: «Гараж», «Старики-разбойники», «Зигзаг удачи».

Эльдар Рязанов так вспоминал о своей работе с Брагинским: «В своих сценариях и пьесах мы с Брагинским пытались сделать смешной и описательную часть, а не одни лишь диалоги. Мы надеялись (может быть, тщетно!), что наши сочинения для кино и театра будут не только играться артистами, но и читаться публикой. Во всяком случае, мы считали, что пьеса и киносценарий – полноценный вид литературы, не требующий никаких скидок. И автор, пишущий для кино или для театра, обязан относиться к слову с такой же тщательностью и ответственностью, как и прозаик». Время доказало, что надежды соавторов были вовсе не тщетными. Их киноповести – это не просто сценарная основа для комедий, но полноценные литературные

произведения, способные покорить самого взыскательного читателя.

Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский
Гараж: киноповести

Серия «Азбука-классика»

© Э. В. Брагинский (наследник), Э. А. Рязанов (наследник), 2025

© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

Издательство Азбука®

Гараж
Сатирическая комедия

Действующие лица

Сидорин — председатель правления. Главный ветеринар Института по охране животных от окружающей среды. Кроме того, он преуспевает в частной практике. Сидорин активно обаятелен, любит быть в центре внимания, уверен в своей неотразимости, краснобай, хвастун и позер.

Аникеева — заместитель председателя. Тот заместитель, который на самом деле главнее председателя. И не только потому, что руководит научной деятельностью института, но и потому, что по характеру Аникеева — фельдфебель. Одета строго. Губы не красит, ресницы не мажет, глаза не подводит. При всех этих мужских качествах у Аникеевой есть муж, дети и внуки.

Секретарь правления — подходит правлению тем, что умеет не выносить сор из избы.

Малаева — внешность у нее неказистая, но на ее бледном личике сияют огромные мятежные глазищи, в которых есть свет, смелость и притя-

гательность.

Смирновский — ему, увы, уже за пятьдесят, но, ура, еще нет шестидесяти. Он умен, насмешлив, иногда циничен, но всегда осторожен. К тому же он член-корреспондент Академии наук.

Марина — дочь Смирновского. Молода и привлекательна. От нее недавно ушел муж. Ушел потому, что полюбил другую, несмотря на то, что у нее нет папы-академика. В то, что творится на душе у Марины, она не разрешает заглянуть никому.

Наташа — симпатичная и умненькая. Как и все аспирантки Смирновского, влюблена в своего учителя. Но с бо`льшим успехом, чем остальные.

Жена Гуськова — растрепанное, милое существо — доброе, ласковое, бесхарактерное, безвредное и безопасное.

Хвостов — лысоватый мужчина, который в настоящий момент потерял дар речи, то есть немой.

Фетисов — человек простой, говорит без подтекста. У него золотые руки.

Карпухин — верный клеврет правления. Человек решительный, правильный, умеет проложить себе дорогу. В общем, знает, как надо жить.

Якубов — ему за шестьдесят. У него сморщенное,

умное и печальное лицо, на котором написано, что многое уже выстрадано за долгую и пеструю жизнь.

Тромбонист — это не какой-нибудь заурядный лабух, из тех, что вечерами трубят в ресторанах. Наш музыкант — дипломант Всесоюзного конкурса, солист Самого Что Ни На Есть Большого симфонического оркестра. Вместе с коллегами по оркестру он будил звуками тромбона слушателей всех континентов.

Сын Милосердова — молод и дьявольски хорош собой. Помимо открытого лица и дорогой заграничной одежды, обладает непринужденностью и уверенностью, что именно он хозяин жизни.

Кушакова — большеглазая, большеротая, большеногая (нет, это неграмотно, правильно — длинноногая) женщина тридцати пяти лет, стильно обернутая в джинсовую материю.

Толстый пайщик — личность загадочная. Проспал все собрание.

Муж Аникеевой — нежно любит жену и восхищается ею.

Жених — очень хочет жениться и вовсе не хочет вместо этого находиться на собрании.

Действие первое

Общее собрание пайщиков гаражно-строительного кооператива происходит в зоологическом музее. Здесь, в музее, принадлежащем Всесоюзному научно-исследовательскому институту охраны животных от окружающей среды, разнообразные пыльные чучела млекопитающих, птиц и пресмыкающихся выгодно оживляют унылую атмосферу собрания.

Вперемежку с мертвыми волками, черепахами и горными орлами понуро сидят пока еще живые члены кооператива.

За столом президиума — товарищ Сидорин — председатель правления, который произносит сейчас отчетный доклад, товарищ Аникеева, его заместитель, и Секретарь правления.

Сидорин *(монотонно)*. А потом мы вылетели из титула третьего квартала. Детский сад номер восемь, видите ли, написал письмо, чтобы мы не строили гараж рядом с детьми… Пришла комиссия… Возникли непредвиденные расходы в виде угощения; сами понимаете, их отменить нельзя. Дальше… Жильцы соседнего дома ночью

засадили строительный участок саженцами быстрорастущих деревьев, а сами тем временем накатали телегу в исполком, что мы уничтожаем зеленую зону… Слава богу, одиннадцать деревьев не привились… Ну, опять пришла комиссия, но мы были соответственно подготовлены и три дерева, которые пустили побеги, предварительно обработали мазутом… пришлось уплатить штраф за три погибших дерева, но участок удалось отстоять… Большую помощь оказал нам лично товарищ Милосердов… Таким образом, мы снова попали в план сдачи объекта этим годом. Это значит, что гараж будет закончен, в лучшем случае, во втором квартале будущего года, но мы обещали строительному тресту подписать акт о приемке строительства этим годом… тогда они получат прогрессивку, но это их дела. Было совершено два поджога. Первый раз сгорела сторожка с рабочими инструментами и спецовками. Во время второго поджога, когда запылали деревянные секции забора, нашим дежурным активистам удалось поймать поджигательницу… ею оказалась многодетная мать, которую, конечно, пришлось отпустить. Товарищи! Во время строительных работ был, совершенно случайно, поврежден телефонный кабель… Жильцы

соседних домов, оставшиеся без телефонной связи… пытались разгромить строительство и нанести физические увечья некоторым членам правления… Опять возникли непредвиденные расходы… Но мы решили оплатить стоимость пальто…

Малаева *(появляясь в зале)*. Здравствуйте!.. *(Проходя к свободному месту, раскланивается с сослуживцами.)*

Сидорин…одного из членов правления, уничтоженного во время установления контактов с обестелефоненными жильцами… Я имею в виду пальто, а не члена правления… В настоящее время кабель восстановлен, строители взяли на себя повышенные обязательства, но на прошлой неделе бригада опять на стройку не вышла… ее временно перебросили на аварийный объект. Но вчера, товарищи, четырех рабочих нам вернули. Так что дела идут неплохо…

Аникеева *(поднимается со стула)*. Ну, товарищи, кто за то…

Пайщики дружно и привычно вскидывают руки, не дожидаясь конца фразы.

…За что? *(Смеется.)* Кто за то, чтобы признать работу правления гаражно-строительного коопе-

ратива «Фауна» — удовлетворительной?

Фетисов *(с энтузиазмом)*. Почему удовлетворительной? Признать работу хорошей!

Тромбонист. Верно!.. Славно потрудились! Можно и хорошей!

Карпухин *(одобрительно)*. Большие молодцы!

Жених *(надевает пальто)*. Признать прекрасной и пойти домой…

Аникеева. Товарищи, у нас не может быть хорошей работы. Бывает удовлетворительная и неудовлетворительная. Кто за то, чтобы признать удовлетворительной?!

Пайщики дружно голосуют.

Сидорин. Так, принято единодушно! Благодарю вас всех от имени правления.

Жена Гуськова. Можно идти? Можно?

Пайщики один за другим поднимаются со своих мест.

Сидорин. Но, товарищи, собрание еще не окончено… Слово имеет наш секретарь, Алла Петровна.

Секретарь. Прошу сесть, товарищи. Правление просит заслушать доклад по хозяйственно-финансовой деятельности правления гаражно-строительного кооператива «Фауна» за истекший

год.

В зал входит Наташа.

В прошедшем году был проделан…

Марина и Смирновский замечают Наташу.

…определенный цикл строительных работ в объеме, предусмотренном сметой строительно-эксплуатационных расходов, утвержденной…

Марина *(Смирновскому)*. Твоя прискакала, папочка, совсем обнаглела. Уже на собрания является…

Наташа проходит через зал. Подходит к Смирновскому и Марине.

Наташа *(тихо)*. Добрый вечер, Павел Константинович! Ну сколько можно заседать?

Смирновский *(смущенно)*. Вы зачем пришли?

Наташа *(конспиративно)*. Есть срочное дело. Зайдем за белого медведя!

Секретарь. Машинисту крана была выплачена премия, которая проведена строго по смете как оплата дневного сторожа. Дневной сторож был оплачен строго по смете как укладка асфальта. А работы по… укладке асфальта были оплачены строго по смете как работы по озеленению.

Смирновский *(Наташе. Они уже спрятались за белым медведем)*. Ты ставишь меня в неловкое положение.

Наташа. О твоей больной печени знает весь институт, от вахтера до директора! Ешь! *(Заставляет есть творог, который принесла с собой.)*

Смирновский. Я сейчас говорю не о моей больной печени…

Наташа. А о чем?

Смирновский. Ты прекрасно знаешь, о чем.

Наташа. Не понимаю.

Смирновский. Здесь столько людей и все всё видят!

Наташа *(притворяясь наивной)*. Что видят? *(Кормит Смирновского.)*

Смирновский *(нежно)*. Наташка, не балуйся!

Наташа. О наших отношениях знает весь институт. Я должна бояться за свою репутацию, я женщина… Ну а ты-то чего дрожишь? Ты человек холостой, свободный.

Секретарь. Все расходы производились согласно смете, но, товарищи, имеется перерасход… Например, шпаклевка, в сумме пятидесяти шести рублей, которая на нас висит. Пятьдесят шесть рублей — это, конечно, мелочь, но она висит, товарищи. Согласно решению общего собрания,

прошлый раз мы собрали по тридцать рублей на административные расходы.

Толстый пайщик. В «черную» кассу, что ли?

Секретарь. Давайте не будем это называть «черная касса», это вполне чистая касса. Мы можем отчитаться в каждой копейке. Более того. Расходы по непредвиденному угощению составили пятьсот пятьдесят три рубля, что превышает сумму, которую мы собрали в прошлый раз, а расходы на транспорт…

Малаева. Кошмар какой-то… Когда это кончится? Мой бандит один дома заперт.

Якубов. А сколько ему лет?

Малаева. Да семь уже.

Якубов. Пока мы отсюда выберемся, ему стукнет все восемь, а то и десять. Не боитесь одного оставлять?

Малаева. Он привык быть дома один… Совершенно самостоятельный мужчина. И потом, я успела заехать покормить его. *(Улыбается.)*

Секретарь. Правление просит утвердить отчет по хозяйственно-финансовой части.

Аникеева. Кто «за», товарищи, прошу голосовать!..

Пайщики опять дружно проголосовали.

…Все прекрасно, спасибо.

Сидорин *(встает за столом президиума)*. И еще один маленький, но довольно-таки большой вопрос.

Марина *(со вздохом)*. Жизнь состоит из одних вопросов… А хочется, чтобы она состояла из одних ответов.

Сын Милосердова *(он сидит рядом с Мариной)*. Разумеется, положительных?..

Марина *(иронически)*. Да! Но не от вас!

Сын Милосердова *(якобы сокрушенно)*. Так!.. Для начала получил отрицательный ответ…

Жена Гуськова. Представляете, я достала курицу, живого карпа и ветчину.

Сидорин. Я понимаю, что курица — это очень важно, но я прошу тишины.

Жена Гуськова *(убирает курицу в авоську)*. Извините… Но все-таки…

Сидорин. Товарищи, это вопрос очень деликатный… Где-то огорчительный…

Наташа и Смирновский возвращаются из-за белого медведя, садятся на свои места.

Меня лично это просто убивает.

Толстый пайщик прислоняется к бегемоту, закрывает глаза.

Сидорин *(медоточиво).* Как вы знаете, родные мои, у нас по проекту тридцать три бокса, поэтому у нас тридцать два пайщика. Один гараж предназначен для ремонта. Так вот… Несколько дней назад утвердили генеральный план реконструкции нашего района. Впритык к площадке, на которой возводится гараж, пройдет скоростная транспортная магистраль… Она, к сожалению, задевает часть нашего участка. *(Со вздохом.)* Поэтому нам уменьшили гараж на пять боксов…

Карпухин *(озадаченно)*… Магистраль нельзя отодвинуть?

Сидорин *(развел руками)*. Товарищи!.. Мы пытались убедить районные организации не трогать наш участок… Но вы сами понимаете, это магистраль, она прямая, она нужна всему городу, и нам объяснили: единственный выход — это… сократить число пайщиков на пять человек.

Смирновский *(дочери и Наташе, тихо).* Сейчас начнется бог знает что.

Сидорин. Мы сразу собрали экстренное заседание правления. Первое, что мы решили, это отказаться от ремонтного бокса.

Аникеева *(елейно)*. Для нас главное люди, а не машины, естественно.

Сидорин. И поэтому нам придется сократить

только четырех… человек, а не пять.

Фетисов. Ну что ж, четыре — это лучше, чем пять, но хуже, чем три. *(Смеется.)*

Аникеева. Фетисов!..

Толстый пайщик *(перед тем как заснуть)*. Что за смех такой! Мешаете!

Сидорин. Товарищи, мы тщательно взвешивали каждую кандидатуру. Мы принимали во внимание все… Кто, когда вносил деньги. Оказывал помощь строительству. Ездил хлопотать в различные инстанции, участвовал в субботниках, сторожил по ночам… Сейчас я… зачитаю список лиц, которых мы предлагаем исключить… то есть вывести.

Аникеева *(вносит ясность)*. Ну что там миндальничать, ведь дело есть дело — исключить, к сожалению.

Сидорин *(с притворным энтузиазмом)*. И тут же внести в новый список, в наш резерв. Мы будем добиваться второй очереди… Извините, жизнь есть жизнь, кто-то может умереть…

Марина *(к отцу)*. Так, сейчас меня вышибут, на одну семью два гаража…

Наташа. На Павла Константиновича никто не посмеет замахнуться.

Марина *(Наташе)*. Тебя не спрашивают. *(Снова*

отцу.) Но его дочери могут запросто дать под зад коленом. Пап, как ты считаешь, могут?

Смирновский. Я считаю, что ты разговариваешь как пьяный дворник.

Марина. Папочка, ныне все так разговаривают. Даже твоя подружка.

Наташа *(виновато)*. Иногда приходится употреблять сильные слова, иначе не поймут.

Сидорин. Итак, зачитываю список с болью с сердце.

Аникеева. Зачитывайте!

Сидорин *(как бы не решаясь)*. С болью в сердце зачитываю список…

Аникеева *(жестко)*. Зачитывайте.

Жених. Зачитывайте, в конце концов!

Сидорин. Хвостов Семен Александрович.

Все пайщики, как по команде, оборачиваются и смотрят на Хвостова.

Мы все боролись за товарища Хвостова, пытались его защитить, отстоять, мы сделали все, все возможное…

Аникеева. Но есть пределы и нашим возможностям, товарищи!

Хвостов, озираясь, растерянно встает.

Сидорин. Номер второй, Гуськов Евгений Иваныч.

Теперь все смотрят на жену Гуськова.

Мы относимся к товарищу Гуськову с большой симпатией…

Жена Гуськова *(кричит дурным голосом)*. Как Гуськов? Почему Гуськов? Я так и знала. *(Подбегает к столу президиума.)* Хватит. Я вам не позволю издеваться над моим мужем.

Аникеева. Жена Гуськова, не нервничайте!

Жена Гуськова выхватывает у Сидорина список и рвет его в клочья.

Жена Гуськова. Мой Гуськов в нашем институте известный козел отпущения. Он делает научные открытия, а лауреатство хапают другие, которые примазались к открытию, а в результате мой Гуськов имеет фигушки…

Сидорин. Успокойтесь вы, успокойтесь! *(Протягивает стакан воды.)*

Жена Гуськова *(отталкивает руку со стаканом)*. Нет, оставьте, не надо мне… Мой муж пишет научный доклад для симпозиума в Париже, а едете за шмотками вы, товарищ Аникеева!.. А моего Гуськова вместо Парижа загоняют в Ниж-

ний Тагил. Командировочные два шестьдесят в день. *(Плачет.)* И вообще, мой Гуськов в Нижнем Тагиле радикулит заработал…

Аникеева. Жена Гуськова, успокойтесь, сядьте, не мешайте вести собрание. Что касается Парижа, то в соответствующих сферах было решено, что еду именно я! Во-первых, я доктор наук; потом, мои труды по орнитологии переведены на французский. Я очень хотела, чтоб поехал Гуськов… тоже, но насчет шмоток — я лично все деньги потратила на научные книги.

Жена Гуськова *(перестает рыдать, язвительно)*. Да? А кассетный магнитофон кто привез?

Аникеева. Вы его видели?

Жена Гуськова. Видела.

Аникеева…Вы его слышали?

Жена Гуськова. Слышала!

Аникеева…Вы его включали?

Жена Гуськова. Да!

Аникеева *(взяв себя в руки, снова ласково)*…Ну как вам не совестно, ну сядьте…

Жена Гуськова отходит от стола.

Ну как ребенок, честное слово.

Сидорин *(к секретарю)*. Будьте любезны, передайте мне копию списка. *(Берет копию.)* Спасибо!

(Называет следующую жертву.) Фетисов Виталий Кузьмич. Ну, знаете, товарищ Фетисов… попал в этот скорбный список…

Фетисов *(медленно поднимается)*. Да вы что? Как же можно меня выгонять? Я за машину родину продал!

Такого не ожидал никто, и наступает мертвая тишина. Долгая мертвая тишина. Затем тишину нарушает дробный звук отодвигаемых стульев. Царапая пол, стулья вместе со своими седоками все дальше и дальше отъезжают от Фетисова. Вокруг него образуется выразительная пустота.

Карпухин *(приходит в себя первым)*. Если это так, то тебя правильно турнули!

Аникеева *(секретарю, тихо)*. Попрошу факт продажи родины зафиксировать в протоколе!

Тромбонист *(Фетисову)*. И сколько вам за это заплатили? В свободно конвертируемой валюте или в рублях?

Фетисов. В рублях. Хватило на «запорожец» и на гараж.

Марина. Что же вы так продешевили? За родину можно было взять и дороже!

Фетисов. Так ведь это не пригородная дача под Москвой, как у некоторых… А дом в деревне…

участок пятнадцать соток… Дом в два этажа, но вот удобства… во дворе… А этого теперь не любят, все образованные стали, и потом, от железной дороги семь с половиной километров, пока с авоськами допрешь, зато из дома вид на реку.

Аникеева *(к секретарю, тихо)*. Из протокола про продажу вычеркните.

Тромбонист возвращается к Фетисову, снова садится рядом.

Фетисов…А за рекой луг, этот дом мой дед построил, и отец там родился, и я — предатель. Когда мать умерла, мне жена все уши пробубнила — продадим, продадим. Кому эта рухлядь нужна? А там во дворе сарай железом крытый, а погреб какой!..

Аникеева *(Сидорину)*. Это лирическое отступление надо бы кончать.

Фетисов…Да у нас, если хотите… До сих пор в реке рыба водится, несмотря ни на что, несмотря ни на какие институты! А я продал, а меня правление продало…

Положив голову на бегемота, сладко захрапел толстый пайщик.

Карпухин *(поглядел на спящего)*. Во дает на-

чальник отдела насекомых!

Жених. Набегался за бабочками.

Фетисов…Во кому хорошо-то…

Сидорин *(завершает «казнь»)*. И последний — Якубов Александр Григорьевич, как это ни прискорбно…

Все повернули головы в сторону Якубова.

…Лично я знаю… товарища Якубова, как говорится, сто лет.

Аникеева. Да, и все эти сто лет мы знаем его с самой лучшей стороны…

Сидорин. И тем не менее кто-то должен, то есть, простите, кого-то мы должны…

В этот момент к столу президиума угрожающе приближается Хвостов. Это тот самый Хвостов, которого в списке исключенных назвали первым и который только сейчас осознал, что произошло, и перешел в атаку. Он взволнованно жестикулирует и открывает рот, что-то говоря, но не слышно ни единого слова.

Аникеева. Хвостов, не напрягайте связки, вам вредно.

Кушакова. Откуда взялся этот болтун?

Наташа пружинисто вскакивает со стула.

Наташа *(пылает благородным гневом)*. Нехорошо, некрасиво, непорядочно так говорить. Семен Александрович — наш лучший лаборант.

Сын Милосердова. А лучшие всегда идут впереди.

Наташа. Да я вам все расскажу подробно.

Сын Милосердова. Подробно не надо.

Марина. Наташа, ты не член кооператива, сядь и успокойся, я вообще не понимаю, что ты здесь делаешь!

Жених *(громко)*. Товарищи! Домой хочу, к невесте! Я, между прочим, сюда прямо из загса пришел.

Наташа подбегает к столу президиума.

Наташа *(горячо)*. Семен Александрович Хвостов работает с фауной Ледовитого океана. И нежно любит нашего тюленя Борю… И вот когда Боря заболел, то Семен Александрович прыгнул в бассейн с ледяной водой, чтобы дать тюленю лекарства… Так Хвостов простудился и потерял голос, врачи говорят — надолго.

Кушакова *(язвительно)*. Очень трогательная история…

Тромбонист. А какие лекарства дают тюленю?

Наташа. Семен Александрович громко проте-

стует против несправедливости и бессовестного исключения Хвостова. Я вас правильно перевела?

Хвостов многократно кивает головой.

Марина. Вот он и кивает, как дрессированный тюлень.

Аникеева. Хвостов, отойдите, от вас слишком большой шум!

Сидорин…Товарищи! Голосуем каждого в отдельности или списком?…

Голоса пайщиков. Да, да, да, голосуем.

Карпухин. Списком, списком, чего там волынку тянуть.

Малаева *(Якубову)*. Александр Григорьевич! Надо бороться!

Якубов. Бесполезно. Тех, которых не исключили, вон их насколько больше. И каждый, естественно, проголосует против нас…

Малаева. Нет, не может быть, чтоб каждый.

Сидорин. Итак, дорогие друзья, будем голосовать списком…

Жена Гуськова *(поднимает надсадный крик).* Подождите, не поднимайте руки, вы их потом всю жизнь не отмоете!..

Аникеева *(прибегает к испытанному дема-*

гогическому приему). Жена Гуськова, ну что вы так волнуетесь, может быть, еще собрание и не согласится с правлением?

Смирновский. В нашем кооперативе всегда согласны с любым правлением.

Тромбонист. Да не соглашаться с правлением… это все равно что против ветра… плевать.

Жена Гуськова подлетает к столу президиума.

Жена Гуськова. Товарищи, я умоляю вас, ну пожалейте же Гуськова, он застенчивый человек. А у нас во дворе с машины каждую ночь что-нибудь воруют, вчера подфарники открутили…

Сидорин. Товарищи! Кто — за?

Секретарь…Раз, два, три, четыре…

Жена Гуськова *(кричит).* Сначала надо голосовать, кто против! *(Поднимает обе руки.)*

Сидорин. Что же вы обе руки-то тянете, ласковая моя?

Жена Гуськова. Да потому, что здесь у вас подхалимов, прилипал, подголосников, лизоблюдов и лиходеев много, а нас, честных, мало, если б я была в брюках, я бы и две ноги задрала. *(Всхлипывает.)*

Аникеева. Жена Гуськова! Уйдите отсюда. Вы ведете себя безнравственно. Покиньте собрание.

Жена Гуськова. Только под конвоем…

Сидорин. Товарищи, я понимаю, что это очень плачевная процедура, но она неизбежна… Давайте голосовать, иначе мы так никогда не кончим.

Малаева. Не совсем красиво получается у вас…

Тромбонист. Да, стыдно, товарищи, но голосовать надо!

Выкрики с мест. Конечно!.. Голосуем! Ну давайте, в конце концов! Ну сколько можно!

Якубов *(нервно, отрывисто).* Позвольте! Мне нужно кое-что… выяснить! По имеющимся у меня сведениям, в списке пайщиков появился какой-то там Милосердов, но никакого Милосердова мы на собрании не принимали…

Аникеева *(в ужасе).* Как вы смеете называть товарища Милосердова какой-то и никакой?

Сидорин…Даю уважаемому собранию справку… Правление действительно кооптировало в члены гаражно-строительного кооператива сына товарища Милосердова. *(С намеком.)* Мы не сомневались и не сомневаемся, что по этому поводу не может возникнуть никаких возражений.

Фетисов. Да что же это делается-то, а? Сынка большого начальника по блату впихнули, а меня, работника института, выпихнули.

Карпухин. Разрешите мне сказать! *(Каждое*

правление всегда имеет своих верных клевретов.) Мы здесь все свои люди, давайте говорить начистоту. Вот приняли сына товарища Милосердова в кооператив, и гараж быстро начал строиться, вспомните, сколько лет мы… мыкались.

Якубов. Вы так об этом говорите, будто наш гараж какое-то левое строительство. А я во всем и везде привык идти законным путем.

Марина. Законным путем идти можно, дойти трудно! Товарищи из правления! Предъявите нам сына нашего благодетеля!

Сидорин переглянулся с Аникеевой. Аникеева вздохнула.

Сидорин. Товарищ Милосердов-младший, вы не возражаете против того, чтоб показаться на глаза собравшимся?

Сын Милосердова. Нет, нет, не возражаю. *(Лениво встает.)*

Кушакова. Хорошенький какой!

Тромбонист. Где такой пиджачок рванули?

Сын Милосердова. В Сингапуре.

Тромбонист. Далеко!

Сын Милосердова. Я могу сесть?

Фетисов. Почему он не поставил себе гараж где-нибудь посреди площади!

Аникеева. Конечно, садитесь!

Сын Милосердова. Благодарю за внимание. *(Садится рядом с Мариной, встречаясь с ее ироничным взглядом.)* Ну я же не виноват, что я его сын. Родителей не выбирают, хотя я лично своими доволен. А вас как зовут?

Марина. Марина. Только… я вас умоляю. Не называйте своего имени. Вы для меня навсегда останетесь… сын Милосердова. В этом романтика нашего времени.

Сидорин. Прошу голосовать.

Пайщики поднимают руки.

Хвостов решительно идет к столу президиума. Берет графин, отдает Сидорину, стакан — Аникеевой, поднос — секретарю.

Аникеева. Хвостов! Уйдите! Вы уже выступали!

Но Хвостов не уходит, а… взбирается на стол и плашмя ложится на бумаги. Поначалу все опешили. Но вскоре раздается нестройный смех.

(В ярости.) Хвостов, покиньте стол президиума немедленно!

Жена Гуськова *(громко и радостно)*. А он не слезет. Он лежит в знак протеста!

Наташа. Бедняга, да он не может протестовать

иначе.

Аникеева пытается спихнуть Хвостова со стола. Сидорин с извинительной улыбкой помогает Аникеевой. Секретарь тянет Хвостова за ноги.

Карпухин. Ничего себе кооперативчик. Ничего себе собраньице!

Присутствующие с нескрываемым интересом следят за поединком.

Сын Милосердова *(Марине).* Махнемся по рублику? Вы на кого поставите — на Хвостова или на правление?

Жена Гуськова. Товарищи! У меня курица потекла.

Сидорин *(раздраженно).* Уймитесь вы со своей курицей!

Аникеева *(обессилев в борьбе с Хвостовым).* Все! Пусть лежит, если ему так нравится! Давайте голосовать, товарищи!

Фетисов *(во все горло).* Не дам голосовать! Не дам! Чем я хуже других. Я простой человек, и деньги у меня такие же.

Тромбонист *(Фетисову).* Тише, тише!

Фетисов. Уйди отсюда, труба!

Тромбонист. Да не труба, а тромбон!

Фетисов. Я дом продал, у меня там на участке двенадцать яблонь, и все ухожены, и все приносят. Я во всех субботниках участвовал. Я вам еще покажу!

Аникеева *(командирским голосом)*. Молчать! Хватит! Смирно! Одна бумаги рвет, другой на столе валяется, третий истерики устраивает, про яблони тут рассказывает, частный собственник. Вам что, порядки наши не нравятся?

Якубов *(грустно)*. Ваши — не нравятся. И не отождествляйте себя с советской властью. То, что вытворяет ваше правление, — это произвол. Только собрание вправе решать, кто здесь четверо лишних!

Карпухин. Хватит болтологии, товарищ председатель! Мы что, здесь до утра намерены торчать?

Выкрики из зала. Голосовать! Голосовать!

Наташа *(Смирновскому)*. Все это бессовестно. Ну неужели вы не заступитесь, Павел Константинович? Вас-то они послушают?

Марина. Папа в своей жизни уже достаточно заступался. Это дорого обошлось и ему и тем, за кого он заступался…

Смирновский. Что было, то было.

Марина…И не лезь в драку, у нас у самих рыло

в пуху!

Смирновский *(в сердцах)*. Да я и не лезу!

Фетисов *(не унимается)*. В конце концов, имею я право узнать, кто в нашем гараже не из нашего института?

Сидорин *(ласково)*. Золотой мой! Что-что, а право-то вы имеете.

Фетисов *(непреклонно)*. Тогда огласите!

Сидорин *(Хвостову, который по-прежнему лежит на столе)*. Будьте любезны, приподнимите животик! Я достану список!

Вместо ответа Хвостов еще сильнее прижимается к столу.

Аникеева. Черт с ним, с этим малахольным! *(Сидорину.)* Вы же наизусть помните.

Сидорин. Ну хорошо. *(Обращается ко всем.)* Кооператив «Фауна» находится под эгидой нашего института. Но вначале у нас просто не хватало заявлений. Вы знаете, люди всегда долго раскачиваются. Поэтому мы приняли несколько человек, не работающих в нашем институте, но живущих неподалеку от будущего гаража. У нас есть замечательный храбрый полковник. У нас есть очаровательный крупный дипломат. Сейчас он за границей. И небезызвестный заслуженный

артист-тромбонист из знаменитого оркестра, он перед вами…

Тромбонист раскланивается.

Мы их всех утверждали на общем собрании и не имеем права исключить из нашего кооператива лишь потому, что они не из нашего института. Тем более что они-то принимали самое активное участие.

Якубов *(саркастически)*. Странная у вас память… Вы забыли упомянуть о щедром и могущественном директоре рынка.

Жена Гуськова *(визжит)*. Каком еще директоре рынка? Мы рынок не принимали. Не принимали рынок!

Малаева. Правильно она говорит!

Фетисов. Трубач был!

Тромбонист *(на нерве)*. Тромбонист!

Фетисов. Ну все равно! Генерал был!

Секретарь *(поправляет)*. Полковник!

Фетисов. Все равно. Дипломата помню! Рынка не было!

Аникеева. Нет, был! Если этот псих слезет со стола, я вам предъявлю протокол.

Якубов. Директора рынка вы после вписали в протокол. В наше время секретов не бывает.

Сидорин. Дорогой мой, как вы смеете?

Якубов. Смею, и вам я не дорогой!

Жених. Да закругляйтесь, я домой хочу, к невесте, она такая, в белом платье…

Фетисов. Правильно! Вы все в белом, а мы?..

Жена Гуськова *(кричит)*. Товарищи, в этом правлении все жулики. Вам директор рынка всем сунул…

Сидорин *(пытается призвать всех к порядку)*. Прекратите этот базар!!

Марина. Уточняю — это не базар, а рынок!

Аникеева. Вы, жена Гуськова, ответите мне за клевету!

Жена Гуськова. А вы, товарищ Аникеева, за полученные взятки!

Фетисов *(голосом громилы)*. Где директор рынка? Дайте мне его! Я из него мясной ряд сделаю!

Кушакова встает с места и, слегка улыбаясь, подходит к столу президиума. Короткое замешательство. Все ожидали увидеть нечто хамское, объевшееся, а вместо этого видят хорошенькую, элегантную даму.

Тромбонист. Ух ты!

Кушакова *(Фетисову, с ласковой улыбкой)*. Пожалуйста, делайте из меня мясной ряд…

Сын Милосердова присвистнул.

(По-прежнему обращаясь к Фетисову.) Почем же вы будете брать за кило? Не знаете? Я вам скажу. Вот эта часть *(показывает)* называется голяшка. Здесь не дороже четырех рублей, идет только на студень, дальше…

Фетисов. Я знаю!

Кушакова. Вы не знаете! *(Задирает юбку.)* Это огузок! Здесь вы можете взять по пять рублей, идет и на первое, и на второе.

Тромбонист *(оценивающе)*. Ничего огузок!

Кушакова. А вот дальше, вы знаете, это задняя часть, все всегда любят именно заднюю часть. Там много мяса и мало костей, можно содрать и по шесть, и по семь рублей!

Жена Гуськова. Какая бесстыжая баба!

Кушакова. По-вашему, по-мещанскому, если человек работник торговли, значит это обязательно вор и взяточник?

Аникеева *(недоумевающе)*. Что она может украсть на рынке? Это ж не магазин, в конце концов!

Кушакова. Что я могу украсть на рынке? Весы? Белый халат? Прилавок?

Аникеева. Действительно! Рынок открывается в семь утра, она встает в половине шестого.

Кушакова. В половине пятого, я работаю как каторжная!

Фетисов. Это правда, вид-то у нее тюремный. *(Смеется.)*

Жена Гуськова. Это точно, по ней тюрьма плачет.

Аникеева *(укоризненно)*. Человек встает чуть свет для того, чтобы вы, жена Гуськова, могли покупать свежие овощи, мясо, творог, фрукты.

Жена Гуськова. Я не могу покупать по рыночным ценам, я в отличие от вас, товарищ Аникеева, в правлении не состою, мне в лапу не суют.

Кушакова *(наконец-то вспылила).* Заткнитесь вы, истеричка!

Аникеева *(к жене Гуськова)*. Слушайте, вы эти грязные намеки прекратите и у меня перед лицом ручонками не размахивайте.

Якубов. А что это вы, товарищ Аникеева, так страстно защищаете ее, это наводит на подозрение…

Аникеева. На подобную тему я вообще разговаривать не желаю.

Жена Гуськова. Это почему же?

Аникеева не удостаивает ее ответом.

Фетисов…Я предлагаю взять директора рынка

и вышвырнуть!

Кушакова издевательски смеется.

Карпухин. Я возражаю. Правление подготовилось к собранию!..

Жена Гуськова *(перебивает)*. Ну да! Верно, на рынке готовилось, среди помидоров…

Марина. Я б сейчас съела помидорчик!..

Карпухин. При чем здесь помидоры, я не понимаю! Я настаиваю…

Якубов. Мы вас достаточно наслушались, прихвостень правления!

Карпухин *(убежденно)*. Да, мне нравится наше правление, мне нравится руководство нашего института, потому что я против анархии, я за порядок и дисциплину. Я из большинства. На таких, как я, держится все. А для вас самое главное — личные интересы, будь, мол, у меня гараж, а остальное все пропади пропадом!

Якубов. Как раз у нас-то и не будет гаражей.

Карпухин. Это частность, которая к общему делу не имеет никакого отношения.

Жена Гуськова. Ну, знаете, вы совсем уже… нахальство какое!

Фетисов. Товарищи, товарищи! Я предлагаю для пользы общего дела переизбрать правление.

Малаева. Правильно!

Марина *(азартно)*. Сейчас дойдет до драки!

Жена Гуськова. Правильно! Переизбрать! *(Поднимает руку.)*

Карпухин. Как это так? Что такое? А ну опусти руку! *(Силой пригибает поднятую руку жены Гуськова.)*

Жена Гуськова. Вы прохиндей!

Фетисов заливисто свистит.

Аникеева. Фетисов, прекратите хулиганство!

Жена Гуськова *(к Хвостову, задыхаясь от волнения)*. Ну-ка, подвинься, друг, я лягу рядом с тобой, в знак протеста!

Хвостов послушно отодвигается, и жена Гуськова укладывается на столе рядом с ним.

Смирновский. Какой маразм!

Марина *(смеется)*. То ли еще будет!

Жених *(подлетает к Сидорину)*. В конце концов, вы председатель или рыба мороженая?

Тромбонист. Ну голосуйте хоть что-нибудь. Что угодно. Ну господи! Уже четыре часа здесь сидим. Это невозможно.

Шум. Выкрики: «Кончайте волынку! Наведите порядок!»

Сидорин. Кто за список, предложенный правлением?

Аникеева. Да, да!

Сидорин. Я прошу поднять руку!

Жена Гуськова и Хвостов стучат по столу президиума. Фетисов снова свистит. Кушакова, Сидорин, Аникеева голосуют.

Жена Гуськова *(кричит)*…Долой, долой!

Тромбонист достал инструмент и дудит изо всех сил. Карпухин зажимает уши.

Карпухин *(Тромбонисту)*. Ну прекратите! Что вы, офонарели, что ли?

Тромбонист *(перестает дудеть)*. Кто за список правления, прошу голосовать. *(И первый поднимает руку.)*

Карпухин. Ну, это другое дело.

Пайщики голосуют. Немой Хвостов пытается засвистеть. Сидорин и Аникеева зажимают ему рот. Секретарша считает голоса пайщиков.

Секретарь. Раз, два, три… замолчите! Четыре, пять, шесть, семь, восемь…

Жена Гуськова. Возмутительно!

Секретарь. Девять, десять. Не мешайте! Один-

надцать…

Сын Милосердова. Подумать только, среди тех, кого не исключили, не нашлось ни одного порядочного человека.

Марина. А вы-то сами?

Сын Милосердова. А я не претендую.

Сидорин. Кто против?

Против голосуют только исключенные: Фетисов, Якубов и двое лежащих.

Кто воздержался?

Малаева. Я воздержалась.

Сын Милосердова. Нашелся хоть один полупорядочный, и то слава богу.

Малаева. Я не желаю участвовать в этом безобразии.

Сидорин *(не обращая внимания на слова Малаевой)*…Слава богу, поздравляю, товарищи, на этом вопрос, так сказать, закончен.

Пайщики начинают расходиться.

Смирновский *(с досадой)*. Надо было и мне голосовать против. Конечно, это ни к чему бы не привело, но я бы не чувствовал себя так мерзко. Испугался. Два гаража на одну семью.

Марина. Ладно, не мучайся. Совесть сегодня не

в моде, к сожалению.

Наташа. Нам, интеллигентам, свойственно делать пакости, а потом долго себя терзать.

Сидорин *(обращается с призывом ко всем)*. Товарищи! Минуточку! Нет, ничего страшного, но мы опять вынуждены вас ограбить. Сдавайте по сорок рублей на непредвиденные расходы.

Оживленно обмениваясь репликами, пайщики дружно становятся в очередь к секретарю правления.

Аникеева *(устало)*. Жена Гуськова, Хвостов, слезайте со стола. Вы уже посторонние…

Тромбонист. Спать на столе президиума имеют право только члены кооператива.

Карпухин *(смеется)*. Отлично сказано!

Жена Гуськова и Хвостов покорно сползают со стола, Сидорин, Аникеева и секретарь в ужасе смотрят на стол, который сверкает полированной пустотой.

Аникеева. Где список?.. Что это?

Сидорин. Где?.. Что?.. Как?..

Аникеева *(в панике)*. Товарищи! Они украли все наши документы, все до единого!

Карпухин *(с возмущением)*. Вы знаете, это уже

чересчур! Ведь это ж подсудное дело!

Тромбонист. Отдайте бумажки, вы уж свое отыграли!

Сидорин. Хвостов, голубчик, зачем вам понадобились наши документы?

Жена Гуськова. Да не крал он ваши документы. *(Злорадно.)* Он их съел, я лежала на столе рядом с ним и видела, как он дожевывал последний список.

Общий переполох. Смех.

Смирновский. Я дрогнул.

Тромбонист. Вот почему у нас бумаги-то не хватает.

Малаева. Семен Александрович, вы действительно все съели?

Хвостов утвердительно кивает.

Малаева. Спасибо! *(Незаметно для всех метнулась к двери.)*

Сидорин *(Хвостову)*. Как ветеринар я обещаю вам, прожорливый мой, заворот кишок.

Жена Гуськова *(в ажиотаже)*. Да, у него будет заворот кишок… В знак протеста.

Фетисов. Ох, вы у меня попляшете, я до верхов дойду, я еще вас выведу на чистую воду.

Кушакова. Лично я хочу на свежий воздух как можно скорее.

Жена Гуськова. Правильно, одно ваше присутствие загрязняет окружающую среду.

Кушакова *(передергивает изящными плечиками)*. Замолчите! Как вас только муж терпит!

Жена Гуськова *(ее переполняет негодование)*. А вы… а вот… а у вас бриллианты на руке на ворованные деньги!

Так же незаметно Малаева вернулась обратно, однако теперь не может больше оставаться в стороне от событий. Ей нужно привлечь к себе внимание, и с этой целью она взбирается на стул.

Малаева *(пытаясь перекрыть общий галдеж)*. Я хочу сказать вам несколько слов, это очень важно.

Сидорин. Кончилось собрание. Вы опоздали, милочка!

Тромбонист. Ваш поезд ушел. *(Подражает гудящему паровозу.)* Ту-у-у!

Якубов. Да дайте человеку сказать!

Карпухин. Вы что, очумели, что ли, вечно, что ли, здесь сидеть? Надоела эта говорильня. Лично я вот сдаю сорок рублей *(расписывается в ведомо-*

сти) и исчезаю…

Малаева. Подождите, мне… мне необходимо выступить. Мы поступили, ну честное слово, несправедливо.

Аникеева. Домой ступайте! У вас там ребенок один, вспомните, что вы мать.

Фетисов. А вы ей глотку не затыкайте!

Сидорин *(как обычно, предельно вежлив)*. Елена Павловна, пожалуйста, мы дадим вам слово. Мы сейчас разойдемся, и выступайте сколько вам заблагорассудится, пожалуйста.

Малаева *(на нерве)*. Прекрасно, уходите, я все равно скажу все, что я об этом думаю.

Тромбонист *(похохатывая)*. Вы перед чучелами все скажите, они уже давно созрели.

Карпухин изо всех сил дергает входную дверь, бьет плечом, толкает всем телом, но солидная дубовая дверь не поддается.

Карпухин. Товарищи, вы знаете, кто-то запер дверь!

Жених. Вы что там, спятили, что ли?..

Карпухин. Да, это дурная шутка.

Жених. Откройте же немедленно, в конце концов.

Аникеева *(холодно анализируя ситуацию)*. Эту

бесстыдную акцию наверняка совершил кто-нибудь из исключенных.

Жена Гуськова *(орет)*. Правильно! В знак протеста.

Якубов. Мы вас живыми не выпустим!

Фетисов *(озорно напевает)*. Как я сам не дотумкал, как я сам не дотумкал…

Аникеева. Правильно вас все-таки исключили, правильно! Я чувствую, это Хвостов. Вы посмотрите, как у него бегают глаза, вы видите?

Все поглядели на Хвостова, у которого действительно бегают глаза.

Тромбонист *(жалобно)*. Это возмутительно. У меня завтра в десять утра запись на радио, фондовая.

Карпухин *(с угрозой)*. Ну вот что, Хвостов, или кто там еще, немедленно откройте дверь. У меня жена больная, вы понимаете? Она с ума сходит, куда это я подевался. Ключ! Немедленно отдайте!

Жених *(с отчаянием)*. Друзья, выпустите меня отсюда, у меня сегодня брачная ночь.

Малаева. Ну и что?

Жених *(оторопел)*. Как это «ну и что»?

Карпухин. Товарищи, давайте… взломаем

дверь!

Смирновский. Это не так-то легко сделать. Это здание ведь не теперь строилось.

Аникеева. Да вы что? Вы понимаете, что вы говорите? Вы, как выражаетесь, высадите дверь, а кто будет охранять эти бесценные экспонаты? Нашему бегемоту сто двадцать лет. Я как заместитель директора категорически запрещаю это делать!

Сидорин *(с лисьими интонациями)*. Дорогие мои бывшие члены кооператива. Я отлично понимаю и где-то, поверьте мне, разделяю ваши чувства. Но, пожалуйста, перестаньте своевольничать и верните ключ.

Малаева *(продолжая настаивать на своем)*. Слушайте! Ну мы все равно уже заперты. Ну дайте мне толкнуть речь. Ну пожалуйста!

Сидорин *(срываясь, раздраженно)*. Дома толкнете, соседям, родственникам, там толкайте сколько хотите. *(К исключенным.)* Пожалуйста, родные мои, признайтесь, кто совершил этот разбой. Будет хуже, мои серебряные…

Малаева *(совершенно спокойно)*. Ну я заперла, я!

Карпухин. Что?

Малаева. Ну, легче вам от этого?

Сидорин. Что значит вы?

Сын Милосердова *(восхищенно)*. Сильна малышка!

Сидорин *(кипя от злости)*. Вы понимаете, что вы говорите?.. Понимаете или нет? «Я заперла дверь!»

Аникеева. Да болтает, успокойтесь.

Кушакова *(с неподдельным изумлением)*. Зачем вы это сделали, вас же не исключили?

Малаева. Вам, боюсь, этого не понять.

Жена Гуськова *(вдруг)*. А ветчина уже позеленела. *(Показывает.)*

Сидорин. Да уйдите вы с вашей ветчиной!

Марина. А я действительно есть хочу. Я не обедала и тем более не ужинала. Я в гости собиралась.

Сын Милосердова *(обрадовался)*. Со мной не пропадете, Марина! *(Открывает чемоданчик «дипломат».)*

Марина *(заглянула в чемоданчик)*. Из чего пить будем?

Сын Милосердова. Из горла, как в подворотне!

Марина. Тогда зайдем за белого медведя!

Скрываются.

Тромбонист. Товарищи, давайте отберем у нее

ключи!

Кушакова. Конечно.

Малаева *(с усмешкой, Тромбонисту)*. Вы что же будете… женщину обыскивать?

Кушакова. Зачем? Это сделаю я.

Жена Гуськова. Вот личность, ни стыда, ни совести!

Малаева. Не надо, не затрудняйтесь, я могу сама раздеться, без посторонней помощи. Просто боюсь, что это не доставит удовольствия присутствующим.

Аникеева *(едко)*. Да, уж это действительно.

Карпухин налетает на Малаеву.

Карпухин. Отдай ключи, гадюка!

Исключенные встают стеной на защиту Малаевой.

Малаева *(из-за спин защитников)*. Не настолько я глупа, чтобы в обществе таких благородных людей держать при себе ключи. Товарищи… я их спрятала в надежном месте.

Аникеева. Я ей не верю. *(С усилием.)* Придется все-таки обыскать!

Смирновский *(Аникеевой)*. Лидия Владимировна, вы что, в своем уме?

Малаева. Ничего, Павел Константинович, успокойтесь, пускай устраивают шмон.

Сидорин *(схватился за голову)*. Какой кошмар!

Карпухин. Боже мой!

Сидорин. Запертые мои! Мы не имеем права самовольничать! Если это делать, то с разрешения общего собрания.

Малаева *(весело)*. Товарищи, кто за то, чтоб меня обыскать? Давайте, товарищи, не робейте…

Карпухин. Я хочу вырваться отсюда, у меня жена больная, и я проголосую за что угодно, только бы отсюда смотаться. *(Поднимает руку.)*

Жених. У него жена больная, а у меня невеста здоровая, я — за! *(Голосует.)*

Тромбонист. Товарищи, конечно, вам этого не понять, но у меня завтра утром запись на радио; если я не высплюсь, я такое сфальшивлю. Ужас. *(Голосует.)*

Секретарь. Другого выхода нет. *(Голосует.)*

Кушакова. Я вообще встаю ни свет ни заря, половина пятого… *(Голосует.)*

Аникеева. Обыск — отвратительная штука, но это вынужденная необходимость, товарищи! *(Голосует.)*

Сидорин. На что только не приходится идти, чтобы вернуть пайщиков их семьям. (Голосует.)

Смирновский. Прошу внести в протокол, я протестую!

Сидорин. Профессор, мы запомним, что вы протестуете, но записать некуда, ведь протокол съели.

Воспользовавшись общей суматохой, Хвостов пробрался к дальней форточке, тихонько вынимает из-за пазухи документы, похищенные, но, разумеется, не съеденные, комкает, выбрасывает в форточку.

Малаева. Ну, так кто будет меня обыскивать?

Тромбонист. Сейчас начнется стриптиз!

К Малаевой молча приближаются Аникеева и Кушакова.

Аникеева. Начнем с сумочки…

Малаева. Пожалуйста…

Аникеева, не стесняясь, заглядывает в сумку.

Жалость какая, фотографа нету! *(Задирает руки.)* Ну а теперь щупайте меня!

Смирновский. Товарищ Аникеева, неужели вы осмелитесь! Позор!

Аникеева *(с металлом в голосе)*. В интересах коллектива, Павел Константинович, осмелюсь

и не на такое!

Малаева. Павел Константинович, не горячитесь. Представьте, что я на таможне и у меня ищут наркотики или бомбу!

Аникеева *(извиняясь)*. Товарищи, у меня нет опыта! Я это делаю непрофессионально. *(Начинает личный досмотр.)*

Сын Милосердова *(они с Мариной вышли из-за белого медведя)*. Лиха беда начало!

Малаева. Да смелей, смелей… Ой, щекотно! Не надо, ну щекотно! *(Хохочет.)*

Якубов не выдерживает, подбегает и отталкивает Аникееву.

Якубов. Вы совсем зарвались! Я этого не позволю!..

Аникеева. Все видели, он меня ударил!

Якубов. Еще не ударил, но сейчас…

Малаева *(Якубову)*. Александр Григорьевич, не пачкайте руки. Товарищи, вы же видите, единственный способ… предотвратить рукопашную — это предоставить мне слово…

Сидорин *(застонал)*. Какое еще слово? Зачем? Господи! Где ключ, ключ где, паршивая моя?

Тромбонист. Может, она с приветом, как Хвостов, тот все документы слопал, а эта малявка

ключ проглотила?

Марина. Что вы, ключ здоровенный. Она бы подавилась.

Аникеева. Слушайте, товарищи! Знаете что? Придется уступить силе. Ну о чем вы собираетесь говорить?..

Малаева. Значит, вы даете слово?

Карпухин. Да пропади она пропадом, пусть мелет все, что угодно. Вы только установите ей регламент. У меня жена больная. Кстати, есть здесь телефон? Я хочу позвонить!..

Аникеева. Да нет здесь телефона!

Тромбонист. Действительно, чего мы ее боимся, эту курицу? Пусть кудахчет, только покороче!

Сидорин *(к Малаевой)*. Сначала, лапушка моя, правление должно одобрить тезисы вашего выступления.

Малаева. Могу вас заверить, мои тезисы вы не одобрите!

Сидорин *(официально)*. Ну хорошо, открываем вторую серию нашего многосерийного собрания. Я предоставляю слово товарищу Малаевой. *(К Малаевой.)* Только, пожалуйста, говорите быстрее, не размазывайте, а то у нас дома поднимется переполох.

Жених *(к Малаевой)*. Прежде чем вы начнете

говорить, выпустите меня одного, меня невеста дома ждет.

Малаева. Я очень хорошо понимаю ваше нетерпение, но если я открою дверь для вас одного…

Жених. Да, пожалуйста…

Малаева…Вырвутся все.

Тромбонист. Товарищ жених, вы совершили… грубейшую ошибку.

Жених. Почему?

Тромбонист. Надо было закончить сначала все дела с невестой, а уж потом идти на собрание.

Жених *(отмахнулся)*. Да ладно!..

Малаева *(начинает свою речь)*. Мы работаем в институте, который занимается охраной животных. Человек — это тоже животное…

Карпухин. Что это такое? А?

Сидорин. Как что — лекция!

Малаева. Его тоже надо охранять!

Сын Милосердова. От кого?

Малаева *(ее не сбить)*. Человека надо охранять от человека, от жадности, которая нас съедает… от желания захватить, захапать. Мы поступили низко. Это мягко сказано. Мы — подлецы!

Кушакова. Так, начала читать морали!

Малаева. Вы подумайте, никто, ни один человек из тех, кого не тронули…

Аникеева. Короче можете?

Малаева. Да!.. Не выступил против, я даже не знаю, как это сказать, против… нечистоплотности правления. Правление, конечно, выбрало четверых самых беззащитных. И вы подумайте, ведь речь-то идет не об угрозе жизни, не о свободе, не о работе, не о квартире… *(Говорит горячо, с чувством, с болью.)* Речь идет о коробке, в которой можно хранить груду штампованного железа.

Карпухин. Между прочим, это железо стоит семь, даже девять тысяч.

Малаева. Это ваше, мое дешевле.

Аникеева *(ядовито)*. Что же вы предлагаете?

Малаева. Я предлагаю жить по демократическим советским принципам. Для этого надо начать все сначала.

Марина. Да, в час ночи — это в самый раз!

Сын Милосердова. Оказывается, белые вороны еще существуют.

Карпухин *(не понимая, о чем речь)*. В природе это большая редкость, но, по счастью, у нас есть. *(Показывает на чучело белой вороны.)*

Сын Милосердова. По счастью, у вас есть!

Малаева *(продолжает)*. Обсудить каждого пайщика в отдельности.

Тромбонист. Да она же чокнутая!

Малаева. Каждого голосовать и по числу голосов решить, кто тут лишний!

Собрание охнуло.

Сидорин *(к Малаевой)*. Ласточка моя, маленькая, нам для этого потребуется несколько недель.

Малаева *(непреклонно)*. Хоть год! Для правды времени не жалко.

Тромбонист достает инструмент и оглашает зоологический музей зловещими раскатами.

Сидорин. Не дудите, музыкальный вы мой! С ума можно сойти — что вы раздуделись на ночь глядя?

Тромбонист. Я трублю панику, потому что наше дело — труба!

Кушакова *(Малаевой)*. Если ты такая принципиальная, отдай свой гараж и выметайся добровольно.

Малаева. Если собрание решит меня исключить, я выметусь и жаловаться не буду.

Кушакова. У тебя дома ребенок голодный. А ты юродствуешь!

Малаева. Мой ребенок, хочу кормлю, хочу нет!

Кушакова. Видите, она и в семье такая…

Малаева *(на ее глазах слезы, голос дрожит)*.

К примеру, вы вычеркнули Александра Григорьевича. Ясное дело. Человек вышел на пенсию, и списали человека, а то, что он тридцать лет в нашем институте отышачил…

Сидорин *(поправляет)*. Отработал!

Малаева. Отработал! То, что он всю войну разведчиком прошел? Два ордена Славы, медаль за взятие Берлина… Это, конечно, значения не имеет!

Жена Гуськова. Имеет!

Малаева. Или возьмем злосчастного Гуськова!

Жена Гуськова. Гуськова! Да, товарищи, возьмем Гуськова!

В Аникеевой просыпается перестраховщик с солидным стажем. Она перехватывает инициативу.

Аникеева. Товарищи! Правление о военных заслугах товарища Якубова, к сожалению, понятия не имело. *(К Якубову.)* Александр Григорьевич, миленький, ну почему же вы нам ничего не сказали о своем славном военном прошлом? Ну почему?

Якубов. Да какое имеет значение это военное прошлое для получения гаража?

Аникеева. Но как же?

Сидорин *(с ласковым укором)*. Ну что вы?

Аникеева *(с пафосом)*. Товарищи! У нас тут страшная недоработка, просто страшная. Нужно было просмотреть личное дело каждого.

Сидорин. Да, конечно, конечно.

Аникеева *(лицемерно)*. Спасибо вам, товарищ Малаева…

Малаева *(с сарказмом)*. Пожалуйста!

Аникеева…за своевременный сигнал. Вот только теперь я поняла, как вы правильно поступили, заперев дверь. *(Обращается ко всем.)* Товарищи! Мы совершили грубейшую, я бы просто сказала, политическую ошибку…

Якубов. Хорошо! Но как вы думаете все это исправить?

Сидорин *(Якубову)*. Мы, разумеется, вас восстановим.

Аникеева. Да, Александр Григорьевич!

Сидорин. Я не знаю, как это сделать. Но, вероятно, за счет… кого-нибудь другого?

Аникеева. Естественно…

Жена Гуськова. А как же с нами будет?

Тромбонист *(тревожно)*. Так, кого именно вы хотите вышвырнуть?

Аникеева. Товарищи!.. Правление просто зашло в тупик. Я объявляю перерыв.

Марина. Ну нет…

Аникеева…Мы прервемся…

Тромбонист *(рассердился)*. Какой перерыв в половине второго ночи?!

Карпухин *(в гневе)*. Товарищи! Я не понимаю, что, собственно говоря, здесь происходит? Выскочила эта *(показывает на Малаеву)* шмакодявка, и теперь мы что, должны все перестроиться, перековаться? Отдавать друг другу гаражи? Мы всего эдакого наслушались и начитались. Мы, чего тут скрывать, боремся здесь за место под солнцем в виде гаража!

Сидорин *(наводя порядок, кричит)*. Место под солнцем на юге! В Сочи! Перерыв!

Якубов. Позвольте! Меня восстановили или нет?

Аникеева. Александр Григорьевич! Считайте, что ваша машина уже стоит в гараже.

Якубов *(первый раз улыбнулся)*. Что ж, спасибо, лучше поздно, чем никогда.

Сидорин. Поздравляем, вы восстановлены!

Жена Гуськова. А мы-то как же?

Фетисов. Во жизнь! Каждый счастлив в одиночку!..

Правление уходит куда-то вглубь. Волнуются растерянные пайщики.

Конец первого действия

Действие второе

Второе действие начинается с того, чем кончилось первое. Тромбонист начинает играть нежную и печальную мелодию. Усталые пайщики разбрелись по музею, разбились на группы.

К Кушаковой подсаживается Карпухин.

Кушакова *(показывает на Малаеву)*. Кто вот эта вот идейная пигалица, которая устроила всю эту заваруху?

Карпухин. Эм. Эн. Эс…

Кушакова. Что это такое? С чем это едят?

Карпухин *(расшифровывает)*. Младший научный сотрудник. Кандидат наук, специалист по ядовитым змеям.

Кушакова *(шутит)*. Она многого от них набралась…

Карпухин *(тоже шутит)*. Или змеи от нее…

Кушакова *(смеется)*. Если женщина с такими внешними данными борется за правду, она наверняка не замужем.

Карпухин. Угадали!

Кушакова. Муж давно ее бросил?

Карпухин. Мужа отродясь не было.

Кушакова *(эти двое явно нашли общий язык)*. Как так? Я слышала, ребеночек-то имеется.

Карпухин *(пошло смеется)*. Мир не без добрых людей. Я не люблю всякие эти слухи, всевозможные пересуды, но у нас говорили, что ребеночек-то… *(Шепчет на ухо Кушаковой.)* Понимаете?..

Кушакова. Какой ужас! Раньше мужчины платили женщинам, это было нормально, а теперь… Какое падение нравов!

К Малаевой подходит Фетисов.

Фетисов. Елена Павловна!

Малаева. Да… *(Она все еще переживает свое выступление.)*

Фетисов *(скрывая теплое чувство к Малаевой)*. Я ведь в автомобилях дока. Всякую профилактику и любой ремонт…

Малаева *(улыбнулась сквозь слезы)*. Я знаю, вы великий народный умелец.

Фетисов. Так что для вас я все сделаю. Бесплатно, конечно.

Малаева. Спасибо…

Фетисов *(нежно)*. Да я ваш чахлый «москвичонок» в «мерседес» превращу.

Малаева *(растроганно)*. Спасибо, Виталий, но мое выступление, оно ведь ничего не изменит.

Фетисов. А это вне зависимости!

Малаева. Спасибо.

Подошел Хвостов, по-братски погладил Малаеву по голове. Она тоже его погладила, как сестра милосердия, утешая. На окне сидит Наташа, возле нее Смирновский.

Наташа. Ну почему ты на мне не женишься?

Смирновский *(чувствуется, что этот разговор происходит не впервые)*. А чего тебе не хватает? Отпуск мы и так проводим вместе. Если куда выбираемся в театр, тоже вдвоем, и в кино. Тебе нужно официальное положение профессорской жены?

Наташа. Надоело быть любовницей, унизительно.

Смирновский. Но это ханжеская точка зрения.

Наташа *(с грустной улыбкой)*. А я сама ханжа.

Смирновский *(вздохнув)*. Я же старше тебя, уж не будем подсчитывать, на сколько.

Жених *(подбегает)*. Скажите, там нет выхода?

Наташа *(с сочувствием)*. Нет, там тупик.

Жених. У-у-у! Полный тупик. *(Убегает.)*

Смирновский *(невесело)*. Через несколько лет вообще превращусь в старика. А ты все еще останешься молодой, сильной женщиной. Начнешь

исчезать по всякому удобному и неудобному случаю.

Наташа. Извини, но ты несешь такую ерунду, на которую я даже отвечать не желаю. Я тебя люблю и хочу за тебя замуж. Ну, я на этом заклинена.

Смирновский кладет голову на плечо Наташе. Неожиданно раздается громкий стук в дверь. Тромбонист перестает играть. Все вскочили.

Тромбонист. Кто там?

Марина. Выпустите нас!

Жених. Откройте, ради бога!

Голос из-за двери. Позовите товарища Аникееву. Я ее муж!

Аникеева, Сидорин и секретарь подбегают к двери.

Аникеева. Петр Петрович, это ты?

Муж Аникеевой *(из-за двери)*. Лидусик, это я!

Сидорин *(с мольбой)*. Петр Петрович, спасите нас!

Муж Аникеевой. Лидусик, там внизу толпа родных и близких. Все психуют! Что у вас происходит?

Аникеева. Петр Петрович, тут одна дефективная нас заперла…

Сидорин. И у нас получилось закрытое, то есть запертое, собрание.

Муж Аникеевой. Вахтер пропустил меня одного, он знает, что я муж заместителя директора.

Жених *(влезая в разговор)*. Товарищ муж Аникеевой, там у вахтера есть запасные ключи…

Муж Аникеевой. Он не отдаст. Ваш вахтер идиот!

Сидорин. Да, но он на посту!

Жених *(чуть не рыдая)*. Но почему мое счастье должно зависеть от какого-то вахтера?!

Аникеева *(гаркнула на жениха)*. Да перестаньте вы! *(Снова к мужу.)* Скажи ему, Петя, что я приказываю отдать ключи. Слышишь?

Секретарь *(с уверенностью)*. Это бесполезно. Он подчиняется только начальнику охраны.

Муж Аникеевой *(понизив голос, интимно)*. Лидусик, Сашенька никак не засыпает, требует бабушку.

Аникеева *(тоже тихо)*. Ну скажи ему что-нибудь, ну придумай! Скажи, что бабушка улетела на ковре-самолете.

Жених. Позвоните по телефону сто сорок три…

Аникеева *(перебивая жениха)*. Помолчите!.. *(Опять к мужу.)* А вы привыкайте жить без меня…

Муж Аникеевой. А что передать родным и близким?

Сидорин. Передайте, пусть расходятся по домам. Ведь собрание когда-нибудь кончится.

Жених. Я… Я сейчас закричу. *(Вопит.)* Ка-ра-у-у-у-ул!

Сидорин *(утешает)*. Подождите, миленький, не кричите, миленький… Все кончается на этом свете, рано или поздно.

Муж Аникеевой ушел. Все снова разбрелись по музею. Опять заиграл Тромбонист. Мелодия грустная, трогательная. Сын Милосердова и Марина сидят в стороне.

Сын Милосердова *(иронически)*. Какая романтическая ночь!

Марина *(сразу подхватывает интонацию)*. У меня такое ощущение, что мы с вами в джунглях.

Сын Милосердова. Кругом звери и дикари.

Марина. Слышите? Явно трубит слон.

Сын Милосердова. Наверное, у него брачный период, как у нашего жениха. В этих джунглях могут съесть в любую минуту. Ну давайте хоть познакомимся перед смертью.

Марина *(пожимает плечами)*…Про вас все ясно. Закончили Институт международных от-

ношений.

Сын Милосердова. Вы мне льстите.

Марина. Ну восточных языков.

Сын Милосердова. Опять промахнулись.

Марина. Ну я не знаю. Кинематографии… что ли?

Сын Милосердова. Вы идете по стандарту. Раз сын Милосердова, значит что-то очень модное.

Марина *(с радостным изумлением)*. Неужели вы слесарь?

Сын Милосердова. Нет, это чересчур! Я археолог, меня как-то слабо интересует настоящее… Я предпочитаю копаться в прошлом… А вы, дочка профессора, кто?

Марина *(с горечью)*. У меня все по штампу, окончила факультет… филологический… Его называют — факультет невест. Занимаюсь сатирой.

Сын Милосердова. Русской или иностранной?

Марина. Нашей.

Сын Милосердова. Девятнадцатым веком?

Марина. Нет, современной.

Сын Милосердова. У вас потрясающая профессия. Вы занимаетесь тем, чего нет.

Марина *(бросила оценивающий взгляд на собеседника)*. Знаете, а вы занятный.

Сын Милосердова. Знаю. Вы тоже.

Тромбонист кончил играть и пытается овладеть всеобщим вниманием.

Тромбонист. Послушайте, я расскажу замечательную историю. Были мы с оркестром на гастролях в одном областном центре. Там есть над обрывом смотровая площадка, что ли… и видна панорама… красивая… Туда молодожены приезжают… ну, обычай такой. И я вот сам видел… из одной машины вышла молодая в фате… вполне подходящий кадр… а из другой — обе машины в лентах, с шариками, — выскочил муж… здоровенный бугай… но тоже симпатичный… Муж идет немного сзади и нечаянно наступает на белую… ну, не на марлю… а кружевной шлейф, и с невесты слетает не только фата, но и парик…

Наташа *(с любопытством)*. И что она, лысая оказалась?

Тромбонист. Сильно облезлая. Она поглядела на мужа, ох, нехорошо поглядела, и, не говоря ни слова, влепила ему по физиономии. Тогда верзила, тоже молча, вынул из кармана брачное свидетельство, порвал его и развеял по ветру, а потом они пошли каждый в свою машину и разъехались в разные стороны.

Карпухин *(уныло)*. Ну и зачем вы эту белиберду нам рассказали?

Тромбонист. Развеселить хотел.

Якубов. Не вышло.

Жених. Варвары, выпустите меня. Меня невеста ждет.

Тромбонист *(усмехнулся)*. Оптимист!

Фетисов *(жениху)*. Ну что ты кипятишься, чего тебе так приспичило? Ты же не мальчик уже.

Малаева. Вы уж в который раз небось женитесь?

Жених. В первый! *(Отозвал Малаеву.)* Можно вас на секундочку?

Малаева *(приблизилась к жениху)*. Да что же вы так терзаете себя?

Жених *(доверительно)*. Понимаете, я добивался ее семнадцать лет.

Малаева. А сколько вам сейчас?

Жених. Много, я люблю ее с девятого класса, она дважды выходила замуж, а я ждал. И вот видите, дождался. Понимаете? *(Переходит на шепот.)* Я умоляю вас… на коленях.

Малаева. Ну что вы! Перестаньте! *(Тоже переходит на шепот.)* Я выпущу вас.

Жених *(заговорщически)*. Все, я понял, спасибо…

Карпухин первым замечает перешептывание Малаевой и жениха.

Малаева. Идите к дверям и стойте там как ни в чем не бывало.

Малаева и жених крадучись идут к дверям.

(Громко, как бы ведя светскую беседу.) Где вы достаете свечи?

Жених *(не сразу сообразил).* Какие свечи? У меня электричество. *(Спохватывается.)* Ах, свечи, у меня есть сосед, он все может достать…

Малаева *(продолжает жеманно).* А как вы поступаете с карбюратором?

Жених *(в тон).* С карбюратором я поступаю великолепно.

Карпухин настороженно следит за действиями Малаевой и жениха. И когда Малаева вставляет ключ в замочную скважину…

Карпухин *(радостно вскрикивает).* Ага, попалась!

Малаева отскакивает от двери.

Малаева *(жениху).* Извините, не судьба!

Жених. Я прошу вас!

Карпухин *(преследует Малаеву).* Ну-ка, поз-

вольте! Отойдите!..

Малаева с трудом отбивается от него. Жених заступается за Малаеву, но Карпухин отбрасывает жениха в сторону. Малаева убегает от Карпухина и, чувствуя, что ее настигают, передает ключ жене Гуськова, та мчится в другую сторону. Теперь преследователи, число которых все увеличивается, бросаются за женой Гуськова, та успевает передать ключ Фетисову, тот — Якубову, Якубов — Хвостову, тот опять Малаевой…

Жених *(в отчаянии рвет на себе волосы)*. Боже мой! Пока я здесь бегаю, она же запросто выйдет замуж за другого. Я ее знаю!!!

Преследователи и преследуемые образовали кучу-малу.

Малаева *(торжествующе)*. А мы ключ в другом месте спрятали!

Общий стон. Лишь сообщники Малаевой торжествующе хохочут.

Аникеева *(пытается найти выход из тупика)*. Товарищи! Уже глубокая ночь…

Сидорин. Положа руку на сердце, очень хочется спать.

Аникеева. Пороху мы сегодня все равно не изобретем, давайте перенесем собрание на другой день.

Малаева *(неожиданно для всех поддерживает предложение)*. Я тоже «за». Никто ничего не соображает, утро вечера мудренее, предлагаю лечь поспать!..

Жених. Как поспать?

Фетисов. А где спать-то?

Малаева. Да здесь, конечно, на полу, на столе…

Раздается нестройный смех пайщиков.

…А утром на свежую голову…

Кушакова. Да она просто издевается над нами!

Тромбонист *(подбегает к Малаевой)*. Сейчас я вас тромбоном ударю.

Хвостов оттесняет Тромбониста в сторону.

Карпухин *(к Малаевой)*. А я тебя… убью.

Фетисов *(становится между Карпухиным и Малаевой)*. Если ты ее хоть пальцем тронешь, я тебе все ребра переломаю!

Рядом с Карпухиным грозно вырастают Тромбонист, Аникеева, Кушакова. Рядом с Фетисовым и Малаевой не менее грозно вырастают Якубов, немой Хвостов, жена Гуськова. Стенка на стенку.

Смирновский, оценивая обстановку, берет Наташу под руку и становится в строй отверженных.

Аникеева *(дружелюбно)*. Павел Константинович, вы ошиблись, вы встали не туда.

Смирновский (твердо). Я в жизни очень часто ошибался, но сейчас я встал именно туда, куда нужно.

Жених сначала встал рядом с Аникеевой, теперь перебегает к Смирновскому. Потом снова в строй Аникеевой.

Жених. Ага, я тоже встану туда, куда нужно. *(Перебегает на сторону Смирновского.)*

Фетисов *(хлопает жениха по плечу)*. Молодец, жених!

Секретарь. Он добегается! *(Становится возле Аникеевой.)*

Сидорин *(занимает миротворческую позицию, то есть стоит точно посередине)*. Люди добрые… Дайте нам разойтись, мы соберемся снова. *(По-прежнему стоит между двумя враждующими сторонами.)*

Малаева. Если мы сейчас отопрем дверь, то второй раз по этому поводу вы собрание не созовете.

Стенки надвигаются друг на друга.

Фетисов. Ключики мы вам не отдадим. Мы вам не Буратины.

Сидорин *(разнимает враждующих)*. Люди мои! Вы дороги мне, и те и другие. Кровопролития и междоусобицы я не потерплю. *(Принимает решение.)* Все! Давайте спать!.. *(И показывает пример. Достает из кармана газету и расстилает на полу.)* Ах, подстилка коротковата, жаль! Сейчас и подушечку принесем… *(Берет с тумбы чучело обезьяны.)*

Аникеева. Не трогайте макака суматранского, председатель правления! Это же единственный экземпляр у нас в стране, вы что?

Сидорин *(укладывается на полу, подложив макаку под голову)*. Спокойной ночи, малыши! Давайте укладывайтесь кто как может.

Аникеева *(склонилась над Сидориным)*. Слушайте, вы, председатель, вы что, с ума сошли? Да вы что, действительно хотите повергнуть всех во всеобщий повальный сон?

Сидорин. А вы что, предпочитаете спать стоя, как боевая лошадь?

Тромбонист *(в истерике)*. Будь проклят тот день, когда я купил машину…

Марина. До чего довели человека.

Тромбонист…Будь проклят тот день, когда я вступил в этот проклятый кооператив…

Наташа. Да успокойтесь, пожалуйста.

Тромбонист…Будь проклят этот проклятый гараж.

Фетисов. Все, был музыкант, и нет музыканта!

Тромбонист…Будь проклято это проклятое собрание!..

Жених *(наклоняется над Сидориным)*. Товарищ председатель, я не хочу спать один и не буду. Я выброшусь в окно. Под вашу ответственность я покончу с собой…

Малаева *(останавливает жениха)*. Куда, здесь высоко, вы разобьетесь.

Карпухин *(кричит)*. Товарищи! Правление пошло на поводу у шизофренички… *(Показывает на Малаеву.)*

Секретарь. Верно!

Карпухин. И потом, что это значит? Спать-то? Как это — спать?

Жена Гуськова. Ну, спать!

Марина. Спать. *(Начала сдирать с постамента муравьеда.)*

Смирновский и Наташа занимают скамейку.

Смирновский. Будем устраиваться на сон

здесь.

Аникеева *(тщетно пытается остановить разгром).* Не трогайте… Фетисов! Оставьте архара в покое. Как вам не стыдно, ведь вы же ученые. Товарищи! Марина, поставьте муравьеда на место!

Но пайщики, боясь, что не хватит «подушек», налетают на чучела, отдирают от постаментов и валят на пол. Никто не обращает внимания на призывы Аникеевой. Аникеевой неожиданно пытается помочь жених.

Жених *(призывает к сознательности).* Товарищи, мы должны защищать животных, а не наоборот.

К столу президиума подходит Карпухин. Пытается улечься рядом с женой Гуськова. Жена Гуськова решительно отпихивает Карпухина.

Жена Гуськова…Хам, грубиян, отойдите! *(Зовет Малаеву.)* Леночка! Идите сюда, я приготовила вам царское ложе. *(К Карпухину.)* Нахал!

Малаева *(тоже к Карпухину).* Развратник! Подкрался!

Карпухин *(даже растерялся).* Да почему! У меня жена дома… *(Вдруг сам отскакивает от стола.)* Господи боже мой, ведь запах же отвра-

тительный…

Жена Гуськова *(расстроена)*. В кои веки достала живого карпа, такую очередь отстояла. И теперь из-за этого собрания все продукты испортились… *(Уносит куда-то сумку.)*

Тромбонист. Я вспоминаю эвакуацию, ташкентский вокзал.

Кушакова подсаживается к Сидорину, лежащему на полу.

Кушакова. Прежде чем вы заснете, извольте дать мне справку, тряпка.

Сидорин. Какую еще справку, рыночная моя?

Кушакова. Вот вам бумага, ручка, пишите. *(Протягивает блокнот Сидорину.)*

Сидорин. Что писать?

Кушакова. Пишите, я продиктую. *(Диктует.)* Справка дана гражданке Кушаковой А. А. в том, что она провела ночь в зоологическом музее на общем собрании гаражно-строительного кооператива «Фауна»…

Сидорин. Куда справка?

Кушакова *(цедит сквозь зубы)*. Для мужа моего. У меня муж ревнивый… В присутствии такого-то количества свидетелей…

Сидорин. Свидетелей чего?

Кушакова. Подпишитесь и поставьте печать, пошляк.

Сидорин *(ехидно)*. Завидую… Как вы с мужем-то живете. Не жизнь, а именины сердца. Печать у нее, верная моя. *(Показывает на секретаря.)*

Кушакова находит секретаря, которая улеглась на бегемоте.

Кушакова. Шлепните печать!

Секретарь достает из-под головы сумочку, из сумочки печать, прижимает к бумаге, которая становится отныне документом, прячет печать и мгновенно засыпает.

Сын Милосердова…Раз пошла такая спячка, может, мы свет погасим?

Тромбонист. Правильно…

Марина *(с издевкой)*. Только давайте голосовать сначала, можно ли погасить свет.

Хвостов выключает свет. Теперь все пайщики страдают в темноте.

Тромбонист. Ой, в темноте страшно.

Карпухин *(ворочаясь)*. Мне жестко…

Марина. А я не умею спать одетой.

Наташа. Лишь бы никто не захрапел.

И будто в ответ на ее слова храпит спящий толстый пайщик.

Тромбонист. Эй, кончай там безобразничать!

Наташа. Карпухин, это вы храпите?

Карпухин. Ты за собой последи. Чем ты вообще занимаешься, аспиранточка? Тема твоей диссертации лженаучна, ты типичный псевдоученый. Изучаешь серебристого журавля, а он, между прочим, гнездится за границей, у нас бывает только пролетом… Этот журавль в небе вообще не наша птица.

Смирновский *(с легкой насмешкой)*. Вы уж не серчайте, дорогой Карпухин. Серебристый журавль — птица темная, она газет не читает и поэтому представления не имеет, наша она или капиталистическая.

Неразборчивые голоса и смех пайщиков.

Фетисов *(вдруг запел)*. Темная ночь, ты, я знаю, родная, не спишь…

Аникеева. Этого еще не хватало, Фетисов, замолчите.

Тромбонист. Перестань фальшивить, певец!

Малаева *(задумчиво)*. Есть такой детский стишок: «У верблюда два горба, потому что жизнь — борьба».

Фетисов *(тоскливо)*. Зачем я только в город переехал? На родине все неподдельное: дома деревянные, воздух свежий, лес зеленый, звери бегают, а здесь…

Сын Милосердова *(поет)*. Спи, моя радость, усни…

Фетисов и пайщики смеются.

Марина и Сын Милосердова *(поют вместе)*…в доме погасли огни-и-и…

Сын Милосердова. Товарищи, подхватывайте!

Хвостов поднимается, садится, затем уходит куда-то вглубь…

Хор пайщиков *(поют недружно)*.

Дверь ни одна не скрипит, мышка за печкою спит…

Рыбки уснули в пруду, птички уснули в саду…

Кто там вздохнул за стеной? Что нам за дело, родной.

Глазки скорее сомкни! Спи, моя радость, усни…

Смирновский *(вдруг)*. Товарищи! А я не согласен с Малаевой! Как это определить: кто лучше, кто

хуже? По какой шкале? Все внесли одинаковую сумму, у всех одинаковые права. Вы знаете, я предлагаю бросить жребий.

Аникеева *(безапелляционно)*. Жребий — это не наши методы. Мы не в карты играем.

Смирновский. Причем жребий должны тянуть все, даже правление.

Голоса пайщиков. Верно, верно, жребий. Пусть и правление тянет. Пусть тянут все.

Сидорин *(садится на полу)*. Насколько я понимаю, полусонные мои, собрание стихийно продолжается. Ну что же, давайте продолжим прения. Но я не могу ходить в потемках.

Кто-то включил свет. Однако замученные пайщики продолжают валяться на своих лежанках, и собрание возобновляется, но на этот раз в биваачно-туристском стиле.

(Смирновскому.) Павел Константинович! Вы крупный ученый, говорят с мировым именем. Вы член-корреспондент, в институте все зависят от вас, кроме меня. Я всего-навсего ветеринар. Если вас даже академиком изберут, звери от этого болеть не перестанут, их надо лечить. Поэтому, бесценный мой, я вам скажу правду в глаза: у вас на одну семью два гаража.

Смирновский. Ну что ж, мы с Мариной будем испытывать судьбу так же, как и все.

Сидорин…Но правление-то имеет преимущества.

Смирновский. Галантерейный мой, правление дискредитировало себя.

Аникеева *(кряхтя поднимается на скамейке)*. Ох, Павел Константинович, бок отлежала… Я глубоко уважаю вас как ученого, но ваш моральный облик…

Смирновский *(думая, что разговор пойдет о Наташе)*. Так, интересно.

Аникеева…Мне как заместителю директора института звонили из весомой организации… В овощном магазине номер шестьдесят два люди покупали картофель в пакетах — и что они там находили?

Сын Милосердова. Неужели ананасы?

Марина громко смеется.

Аникеева *(сыну Милосердова)*…Не шутите, мальчик, не шутите. *(Снова обращается к Смирновскому.)*…Они находили там визитную карточку Павла Константиновича со всеми его регалиями, званиями, адресом и домашним телефоном.

Пайщики обрадованно засмеялись.

Что это за выходки? Во-первых, вас никто на овощную базу не отправлял.

Смирновский *(кротко)*. Послали всю мою лабораторию, всех моих научных сотрудников. И я считал невозможным не пойти с ними. Я привык работать добросовестно. Если я при окладе пятьсот рублей в месяц пакую картофель, то я отвечаю за каждую картофелину. Жалобы на качество были?

Аникеева *(растерялась)*. Вроде нет…

Смирновский. Когда вы покупаете коробку конфет, там лежит бумажка: укладчица номер такой-то. А на овощной базе ни мне, ни докторам наук, ни кандидатам, никому номеров не выдавали. Вот я и вкладывал в пакеты визитную карточку.

Сидорин *(пошел в атаку)*. Восхищаюсь вашей принципиальностью, Павел Константинович. Сегодня на собрании вы раскрылись вовсю. То вы за правление, то против. Я-то думал, что вы, извините, большой ученый, а вы, извините, элементарный собственник.

Смирновский *(печально)*. Да, Сидорин, я и собственник, и большой ученый, и, что обидно, трус. Казалось бы, чего мне бояться? Но меня в молодо-

сти столько били! Били за то, за что потом премии и звания давали. Но испугали на всю жизнь. Мне уже много лет — пора перестать бояться кого бы то ни было.

Аникеева. Исповеди вашей, Павел Константинович, невелика цена. Вы ведь сейчас все это говорите только для того, чтобы спасти второй гараж.

Наташа *(вспыхивает)*. Как вы смеете так беспардонно разговаривать с самим Павлом Константиновичем! Павел Константинович — бескорыстная душа. Он плевать хотел на все эти ваши гаражи. А вы все… вы просто озверелые мещане!

Карпухин. Да, действительно, докатились. Нам смазливые любовницы проповеди читают.

Наташа изменилась в лице. От запальчивости не осталось и следа. Глаза ее наполняются слезами. Смирновский с болью и любовью смотрит на Наташу, и в наступившей тишине отчетливо слышны негромкие слова Смирновского.

Смирновский. Я не знал, что должен отчитываться перед гаражным кооперативом о своей личной жизни. Но моя Наташа не любовница, а жена… Карпухин, извинитесь перед ней немедленно!

Карпухин переводит растерянный взгляд со Смирновского на Наташу, которая не сводит глаз со своего кумира. Карпухин понимает, что переборщил. Он подходит к Наташе и говорит, глядя в сторону.

Карпухин. Извините, пожалуйста. Я не знал, что вы жена.

Марина. Чего только в биологии не бывает. Мама ровесница дочери! *(Наташе, тихо.)* Мамочка, поздравляю. Ты добилась своего. Ухватила богатого и знаменитого.

Наташа *(тихо, Марине)*. Ты бесстыдница, доченька! Я просто люблю твоего отца.

Марина. Не спорю, любишь! Богатых и знаменитых всегда любят.

Наташа. Что мне, его из-за этого разлюбить?

Смирновский *(тревожно, жене и дочери)*. Девочки, не ссорьтесь!

Малаева снова становится центром внимания.

Малаева. Карпухин, вы чудовище! И вообще — зачем вам гараж в Москве?

Карпухин. А где мне, по-твоему, нужен гараж?

Малаева. В Сибири. Вы же собираетесь расселить своих несчастных обезьян в сибирской тайге.

Фетисов. Что за хреновина! Обезьяны там перемерзнут.

Карпухин. Дилетантская точка зрения. Я создаю специальный вид обезьян — морозоустойчивый!

Тромбонист. Господи, чего не приснится ночью.

Сын Милосердова. А зачем? Кому это надо?

Малаева *(издевательски)*. Это имеет огромное значение для нашего народного хозяйства.

Карпухин. Ты свои подковырки брось! В Индии обезьяны собирают кокосы. А мои макаки в сибирской тайге будут собирать кедровые шишки, лущить их, складывать орехи в ящики…

Смирновский *(подсказывает)*. Наклеивать ярлыки…

Сын Милосердова. Наклеивать ярлыки — это мы обезьянам не отдадим!

Карпухин *(Смирновскому)*. А вы, Павел Константинович, между прочим, дали на мою работу положительный отзыв!

Смирновский *(грустно)*. Это лишний раз доказывает мою неразборчивость.

Карпухин. Это лишний раз доказывает вашу принципиальность.

Малаева *(с озорством)*. Товарищи, я предлагаю исключить Карпухина! Ему нужен гараж где-то

между Томском и Хабаровском. Он будет ездить по тайге на «жигулях» и проверять — выполнили ли его обезьяны квартальный план!

Карпухин. А тебе, лилипутка, нужен гараж в пустыне среди твоих гремучих и дремучих змей. Тебе будет удобнее добывать твой яд!

Жених *(нервно вскакивает)*. Я сейчас пишу кандидатскую — «Поведение животных в условиях повышенной опасности». Животные, в отличие от людей, не уничтожают себе подобных. Тигр не ест тигра, медведь не пожирает медведя, а заяц не убивает зайца. Вот, к примеру, овцебыки. Когда на них нападают волки, то самцы образуют каре, внутри которого прячутся самки и детеныши, а овцебыки рогами отгоняют хищников. Если кит ранен и не может всплыть на поверхность, чтобы глотнуть воздуха, то другие киты подплывают под него и как бы выносят его наверх. А мы, наоборот, топим друг друга. Животным свойственно чувство товарищества… Отпустите меня к невесте, я сейчас на стенку полезу!

Хвостов где-то раздобыл палку, прикрепил к ней плакат, на котором написал «Я вам покажу», и выходит на первый план. Привлекая к себе внимание, он гремит ведром, которое, наверное, забыла уборщица. Хвостов шагает с плакатом,

как на демонстрации, а за ним следуют в едином строю Фетисов и жена Гуськова.

Сидорин. Что это значит? Что вы нам покажете?

Фетисов. Он вам все покажет!

Жена Гуськова. В знак протеста!

Аникеева. Мы вам не позволим ничего показывать! Мы вам сами все покажем!

Сидорин *(утомленно)*. Товарищи, уже светает, и пора подводить неутешительные итоги. Признаюсь, это была не лучшая ночь в моей жизни. Музей разгромлен. Все осатанели и несут черт-те что! А этот олух стоит с плакатом! *(К Хвостову.)* Ну что ты тут торчишь?

Жена Гуськова. Это нечестно! Он не может вам ответить!

Фетисов. Он же безголосый!

Сидорин. Все! Меня довели. Я сдаю позиции и согласен на жеребьевку при условии, что вы пожалеете родное правление.

Аникеева понимает, что время работает против нее и пришла пора уступить.

Аникеева *(новым для всех ласковым тоном)*. Мы столько для вас сделали! Боже мой, сколько кабинетов мы обходили, скольких людей

уламывали, сколько времени и нервов на это потратили. Чтобы достать цемент, мы всю бригаду в Большой театр водили.

Сидорин. По счастью, у дирижера такса болела стригущим лишаем.

Аникеева. Иногда мы даже закон нарушали. Совали кому пятерку, кому десятку, кому флакон духов, кому коробку конфет. Но делали это для общего блага.

Сын Милосердова *(Марине)*. Когда эта бодяга кончится, поедем ко мне завтракать?

Марина. На завтрак меня еще никогда не приглашали. Обычно зовут ужинать.

Сын Милосердова. У нас с вами начинается новаторски.

Марина *(усмехнулась)*. Я знаю, что произвожу впечатление женщины, с которой можно начать за ужином, за обедом и даже за завтраком.

Сын Милосердова. Сейчас вы скажете, что вы не такая.

Марина. Нет. Не скажу. Но и завтракать не поеду. Я уже свое отзавтракала.

Сын Милосердова. Не рано ли?

Марина *(глядя в сторону)*. Мой недавний муж отбил у меня всякую тягу к еде в любое время суток.

Сын Милосердова. Марина, вместе с вами я согласен даже голодать.

Наташа и Смирновский смотрят в окно на заспанный город.

Наташа. Если бы не этот гаражный симпозиум, ты бы на мне не женился?

Смирновский *(полушутя).* Ни за что на свете!

Наташа. Надо же! И собрание может принести пользу.

Постепенно идея жребия овладевает массами. Пайщики бурно обсуждают эту возможность как единственный и спасительный выход.

Якубов *(встает).* Черт побери! Я все молчал, молчал. Как же, меня ведь купили — обратно приняли, и я… растаял. И предал… товарищей по несчастью… Подумать только, что со мною стало… В войну я разве бы так поступил… там я ничего не боялся, а сейчас… из-за паршивого гаража… Есть такая избитая фраза: я бы с ним в разведку не пошел. Так вот сегодня я бы сам с собой не пошел в разведку. Не нужно мне ваших подачек! Конечно, жребий! И только жребий!

Фетисов. Молодец, Александр Григорьевич. Я тебя снова зауважал.

Тромбонист. Черт подери, я тоже с вами. Надоело играть под дирижерскую палочку. Что мне все время указывают? Мы здесь все солисты!

Малаева. Ладно, давайте сыграем в жребий. Но только сначала избавимся от блатных — от сына, страшно сказать, самого Милосердова и…

Сын Милосердова. Так. Папе моему врезали ни за что ни про что.

Малаева *(продолжает)*…и от директора рынка.

Жена Гуськова. Верно, тогда из порядочных только двое пострадают.

Смирновский. Разумно.

Фетисов. А больше у нас блатных нету?

Секретарь. Больше нет. Я как секретарь правления за это ручаюсь. А Кушакову я сама вписывала в протокол после собрания по указанию товарища Аникеевой.

Аникеева *(возмущенно).* Вы ренегатка!

Секретарь. Да, я ренегатка. И горжусь этим!

Малаева. Предлагаю голосовать мою идею, то есть спровадим блатняг.

Кушакова *(выходит вперед для нанесения удара)*. Ах ты какая передовая! Сколько ты заплатила мужику за то, что он тебе дитя сотворил? Мужичонка-то был храбрец!..

Сидорин *(Кушаковой)*. Ну знаете! Вы перешли

все границы.

Якубов *(брезгливо)*. Пойдите вон!

Кушакова. Я бы ушла, да заперто.

Малаева *(побледнев, с трудом удерживается от слез, но пытается говорить беззаботно)*. Обыскивать меня обыскивали, теперь давайте залезем ко мне в кровать. Мужа у меня не было, нет… и не будет… наверное… А ребенок… Захочу… еще одного заведу. Муж на сегодня — это не обязательно. Главное для женщины — дети… Таких, как я, знаете сколько… *(Плачет.)* Я счастлива… и сын мой счастлив… А насчет денег, которые я платила… как это только ваш липкий язык повернулся… такое брякнуть… Если хотите знать истину, был у меня банальный роман с женатым. А он выбрал семью… Вы хотели оскорбить меня? Но оскорбили вы себя!

Марина *(к сыну Милосердова)*. Эта рыночная гнида своим выступлением решила вашу судьбу. Вас обоих сейчас вышибут.

Сын Милосердова *(беспечно)*. Пусть себе развлекаются. Им же надо выпустить пар.

Аникеева. И все-таки жребий — это не наш путь. Мы не можем продвигаться вперед вслепую.

Смирновский. Мы только это и делаем.

Аникеева. Надо вывести из кооператива чет-

верых. И эта задача нам по плечу. Я согласна с общим мнением об исключении так называемых «блатных». Только я не согласна с формулировкой, это не блатные, это — полезные люди. Что такое Кушакова? Это не директор рынка. Кушакова — это бетон. Кушакова — это железные ворота. Кушакова — это бульдозер. Что такое сын Милосердова — не мне вам объяснять. Но… *(Улыбается.)*…Что стоит услуга, которая уже оказана? Они свое дело сделали, гараж уже почти готов. Мы должны их исключить, но вынести им при этом благодарность.

Кушакова *(с угрозой)*. Видела я вашу благодарность в гробу в белых тапочках. Мы с вами еще посчитаемся.

Аникеева *(Кушаковой)*. Мне с вами считать нечего.

Кушакова *(с издевкой)*. Так уж прямо нечего. А когда у вас якобы не хватало денег на «жигули» и вы у меня заняли полторы тысячи…

Аникеева *(жестко)*. Это поклеп! Вы грубо лжете! Это дешевая месть!..

Кушакова. Не такая уж дешевая. Зря я у вас расписки не взяла.

Аникеева. Вы — кляузница!

Кушакова. Значит, плакали мои денежки.

Малаева. Ничего, красавица, вы их быстро наверстаете.

Кушакова. Ну и нравы в этом научном кооперативе. Хуже, чем на рынке.

Аникеева. Я вас привлеку к суду. У меня вон сколько свидетелей!

Кушакова *(смеется)*. А у меня ни одного!

Жена Гуськова. Я — свидетель!

Фетисов *(изумленно)*. Неужели при тебе давали?

Жена Гуськова. Я не видела, но у меня чутье. Я говорила, что правлению в лапу суют!

Кушакова. Мало того что деньги зажилила, еще судом грозится! Вот смехота!

Аникеева. На суде, гражданка Кушакова, вам будет не до смеха.

Сын Милосердова *(к Марине, тихо)*. По-вашему, Аникеева брала взятку?

Марина. Вне всяких сомнений.

Сын Милосердова. А я не уверен. Доктор наук из-за денег мараться не будет.

Марина. А из-за чего будет?

Сын Милосердова. Из-за продуктов, например.

Аникеева продолжает зачитывать список, с трудом сохраняя видимое спокойствие.

Аникеева *(ко всем)*. Номер три — дочка Смирновского. Хватит им одного гаража на семью.

Марина *(Смирновскому)*. Папа, я тебя предупреждала — не высовывайся! Но меня это все не касается. Ты мне подарил машину, так будь последователен: я ее буду ставить в твой гараж. Тем более что ты молодожен, а с милой рай и без гаража.

Смирновский *(отшучивается)*. Не выйдет, малыш. Я лягу при входе. Ты же не переедешь папочку?

Марина *(показывая на себя)*. Эта? Эта кого хочешь переедет!

Сын Милосердова добродушно смеется. Аникеева заканчивает чтение списка кандидатов на выброс.

Аникеева. И номер четвертый… *(После паузы.)* Гуськов!

Жена Гуськова *(благим матом)*. Опять Гуськов! Почему Гуськов?

Аникеева *(хладнокровно)*. Потому что нужен кто-то четвертый. Прошу голосовать!

Карпухин. Я категорически «за»! Предложение Аникеевой хорошее: двое блатных, дочка профессора и кто там четвертый… я забыл…

Малаева. Четвертый, конечно, Гуськов…

Карпухин. Гуськов для этого годится! Давайте голосовать.

Жена Гуськова *(на пределе отчаяния)*. Как Гуськов? Почему Гуськов? Опять Гуськов… *(Подходит к Карпухину и как-то по-новому долго и странно глядит на него.)* Толик, почему у тебя джинсы разорваны? Ты опять дрался?

Карпухин *(ухмыляется)*. Какой я вам Толик? Вы что, спятили?

Жена Гуськова. Толик, не груби маме! Садись делать географию. *(Оборачивается к Малаевой.)* А ты, Людочка, ешь овсяную кашу. В твоем возрасте очень полезно есть овсяную кашу.

Аникеева. Жена Гуськова, не паясничайте!

Поначалу всем кажется, что это со стороны Гуськовой лишь глупая неуместная шутка.

Сидорин *(жене Гуськова)*. Неутомимая наша, перестаньте нас разыгрывать!

Жена Гуськова *(на этот раз Сидорину)*. Гуськов, ты почему пришел вчера в одиннадцать вечера? Только не ври, что у тебя было собрание. Ты что, завел женщину? *(Всхлипывает.)* Я понимаю, что после всей этой домашней каторги я уже не такая хорошенькая. Но у нас же двое детей. *(Плачет.)*

Это твои дети, это наши дети! Что же ты молчишь, отвечай!

Присутствующим стало страшно.

Смирновский. Господи, да она помешалась!

И тут в Сидорине просыпается человеческое начало.

Сидорин *(обнимает жену Гуськова)*. Разумная моя, кроме тебя одной… у меня никого нет. Не было и не будет. Я люблю только тебя, и, пожалуйста, успокойся *(с душой)*. Пожалуйста, не нервничай. Все будет хорошо. *(Карпухину.)* Толик! Садись учить географию!

Фетисов *(многозначительно, Карпухину)*. Толик! Не огорчай маму…

Карпухин *(растерянно)*. Да вы что, товарищи…

Фетисов…А то врежем!

Карпухин *(покорно)*. Ну хорошо, папы.

Сидорин *(Малаевой)*. А ты, Люда, ну-ка, ешь кашу!

Малаева *(включается в эту печальную игру)*. Овсяная каша — моя любимая каша.

Жена Гуськова *(Сидорину)*. Гуськов! У нашей Людочки пальто совсем износилось, а девочки теперь ходят такие модные… *(Вздыхает.)*

Сидорин гладит ее по голове.

(Вдруг, будто очнувшись, вздрагивает.) Ой! Господи, что это со мной? Мне что-то холодно.

Жених быстро отдает свое пальто Сидорину. Сидорин укрывает им жену Гуськова.

Тромбонист *(жене Гуськова)*. С тобой все в порядке… Тебя здесь никто в обиду не даст. Хочешь, я для тебя сейчас сыграю что-нибудь хорошее…

Жена Гуськова. Сыграй! *(Всхлипывает.)*

Тромбонист играет для жены Гуськова нежную, щемящую мелодию.

Вы простите меня. Простите меня, пожалуйста, товарищи!

Сидорин. Ничего.

Жена Гуськова. Товарищи, простите меня, ну пожалуйста.

Сидорин. Ничего, ничего…

Хвостов прерывает Тромбониста.

Хвостов *(хриплым голосом)*. Люди! Человеки! Одумайтесь! Вон утро уже! Так мы вообще тут с ума все посходим! *(Сам изумляется тому, что с ним произошло.)* Заговорил!..

Фетисов. Фантастика! Немой заговорил.

Хвостов. Это у меня от всего этого кошмара голос прорезался. Пайщики! Давайте голосовать сразу три пункта: первое — вышвырнем к чертовой бабушке блатных. Это раз.

Сын Милосердова *(встает по стойке смирно)*. Чту память о моем гараже.

Хвостов. Второе — переизберем правление. Это два.

Сидорин. Так, кажется, нас свергают.

Секретарь. А меня за что? Я давно перешла на сторону народа!

Хвостов. И третье — давайте, кто из нас лишний, пусть все-таки решает жребий. Голосуем сразу три пункта. Кто «за», прошу поднять руки.

Сидорин с барской снисходительностью первым поднимает руку. Потом голосуют Малаева и секретарь, Смирновский, Марина, жена Гуськова. Один за другим голосуют пайщики.

Карпухин *(поднимает руку)*. Ничего не поделаешь, я из большинства.

Хвостов. Понятно! Кто против?

Против голосует только Аникеева. Все смотрят на нее.

Сидорин *(дает совет)*. Так, значит, нужно на-

резать бумажки и две из них, несчастливые, пометить, ну, скажем, крестиком…

Хвостов *(Сидорину)*. Мы это сделаем без вас, ладно, многоликий вы наш! Кто пожертвует для этого торжественного случая свою шапку?

Фетисов. У меня есть ушанка.

Хвостов. Спасибо!

И тут слышится отчаянный стук в дверь.

Муж Аникеевой *(из-за двери)*. Случилось несчастье, откройте!

Аникеева *(бежит к двери)*. О господи! Неужели что-нибудь с внуком?

Малаева. Сейчас… я сейчас. *(Тоже бежит к двери.)*

Муж Аникеевой. Откройте, в конце концов!

Марина. Это опять муж Аникеевой.

Муж Аникеевой. Лидусик! Лидусик!

Аникеева. Что случилось?

Малаева наконец-то отпирает дверь. Входит муж Аникеевой.

Муж Аникеевой. Пока ты тут заседаешь, нашу машину угнали!

Аникеева *(с облегчением)*. Боже мой! Я-то думала, что-нибудь с Сашенькой. Как я испугалась!

Муж Аникеевой. Машина стояла, как всегда, около третьего подъезда…

Аникеева. Ты… в ГАИ был?

Муж Аникеевой. Я позвонил, сообщил им номер нашей машины.

Аникеева. Позвонил! Бежать же надо! Дай пальто!

Муж Аникеевой. Давай одевайся! Где твое пальто? *(Находит, подает.)*

Сидорин *(его осенила идея)*. Товарищи! Поскольку по закону человек, не имеющий машины, не может быть членом гаражного кооператива, товарищ Аникеева автоматически выбывает. И теперь помечать крестиком нужно только одну бумажку!..

Смех и неразборчивые голоса пайщиков.

Аникеева. Какая прелесть! Предаете, фальшивый мой?

Сидорин. Неподкупная моя, вовремя предать — это не предать, а предвидеть!

Сын Милосердова *(весело)*. Повторите эту ценную мысль, я запишу!

Карпухин *(встает на защиту Аникеевой)*. Товарищи! Не надо торопиться, машину могут найти.

Сидорин. Если машина найдется, мы тут же

вставим товарища Аникееву в резерв.

Муж Аникеевой *(Сидорину)*. Вы же у нас дома бываете!

Малаева *(Сидорину)*. Как вас только животные терпят?

Сидорин. Животные меня любят! Им я ничего плохого не делаю.

Тромбонист. Как это все некрасиво!

Аникеева *(Сидорину)*. Ничего, дорогой мой, мы с вами поговорим завтра в другом месте и на другом уровне.

Муж Аникеевой. Пойдем, Лидусик!

Аникеева. До свидания, товарищи!

Аникеевы уходят, им сейчас не до жребия.

Сидорин. Да что вы на меня накинулись, закон есть закон, не я его писал…

Хвостов. Товарищи! Вот у всех на глазах я помечаю одну бумажку крестом…

Жена Гуськова *(обреченно)*. Вы увидите, что эту единственную несчастливую бумажку вытащу именно я.

Хвостов *(кладет бумажки в шапку-ушанку)*. Так, приступаем к жеребьевке. *(Встряхивает.)* Кто первый?

Жених. Товарищи, позвольте мне первым, у

меня очень уважительная причина…

Фетисов. Не бойся, давай!

Хвостов. Смелее! Не дождется невеста.

Жених *(тащит бумажку, рассматривает)*. Счаст-ли-и-ива-а-я! *(Смеется.)* Спасибо. До свидания. *(Мчится к выходу и исчезает.)*

Кушакова *(ко всем)*. Вы еще горько пожалеете обо мне. Я добьюсь, что магистраль перенесут и она пройдет по вашему участку. А частные гаражи мы снесем как уродующие лицо города.

Возмущенные неразборчивые голоса пайщиков.

И по этому месту будут мчаться автобусы и троллейбусы… *(У входа оборачивается и плюет в сторону пайщиков.)* Тьфу.

Карпухин *(трет глаз, как бы вытирая плевок)*. Смотрите, ведь она так могла и в глаз попасть!

Секретарь. О господи!

Смирновский. Да, уникальный экземпляр.

Пайщики снова тащат жребий.

Секретарь *(радостно разглядывая бумажку)*. Пусто, пусто.

Малаева *(вытянула жребий)*. Чисто!

Тромбонист *(нервно)*. Поздравляю.

Тащит Сидорин. Все затихли.

Фетисов *(Сидорину)*. Чтоб вы крестик вытянули! *(Смеется.)*

Сидорин вздрогнул и все-таки вытащил счастливый билет.

Сидорин *(с облегчением)*. Я чист!..

Карпухин *(расталкивая пайщиков)*. Позвольте…

Фетисов. Ну, сейчас вот этому достанется!

Малаева. Ну, Карпухин!

Карпухин колеблется.

Секретарь. Быстрее!

Карпухин медленно, как картежник, разворачивает бумажку.

Тромбонист. Как в очко играет.

Карпухин *(наконец-то развернул — и у него чистая бумажка)*. Ну правильно, так и должно быть, потому что правда всегда на нашей стороне.

Нервно смеются те, кто еще не тащил. Тянет жребий жена Гуськова.

Жена Гуськова. Я боюсь.

Хвостов. Давайте, смелей!

Жена Гуськова. Сейчас, тьфу. *(Стучит по дереву, сплевывает через левое плечо.)* Я боюсь.

Тромбонист. Давай!

Сидорин. Смелее!

Жена Гуськова *(вытянула, медленно разворачивает, вскрикивает)*. У меня чистая, честное слово, посмотрите! Первый раз повезло.

Хвостов. Давайте, товарищи, тяните…

Тянет Смирновский. Чистая…

По одной бумажке берите, по одной!

Тянет Марина. Чистая бумажка. Показывает свой фантик Смирновскому. Сын Милосердова, он не ушел с собрания, с улыбкой смотрит на Марину.

Товарищи! Кто еще не вытянул?

Тромбонист. Я не тащил! *(Вытаскивает, и радостная улыбка плывет по его лицу.)*

Вытаскивают счастливые билеты Якубов и Фетисов.

Фетисов. Вот она, моя родимая! *(Размахивает удачной бумажкой.)*

Хвостов. Крестов ни у кого нет?

Тромбонист. Вроде ни у кого.

Якубов. Вот у меня пустая бумажка. *(Показывает.)*

Фетисов. А кто же крестик-то вытянул?

Хвостов *(в ужасе)*. Товарищи! Я не тянул.

Марина. Сейчас он опять голос потеряет.

Карпухин смеется.

Малаева *(Карпухину)*. Вам, конечно, его не жалко?

Хвостов *(обреченно тянет и… радостно изумляется)*. Чисто?!

Сидорин. Как чисто?

Хвостов. Посмотрите! Пожалуйста…

Смирновский. Что же опять произошло? Вроде все тянули.

Хвостов *(пошарил в ушанке)*. Товарищи! Кто-то не тянул жребий. В шапке одна бумажка, еще…

Сидорин. Кто-то все-таки не тяну-у-ул жребий…

Смирновский. Кто не тянул жребий?

Жена Гуськова. Неужели все начнется сначала?

Малаева. Товарищи! Кто не тянул жребий? Кто?

Карпухин. Товарищи, кто-то все-таки не тянул.

У бегемота мирно спит толстый пайщик. Все становится ясным. И пайщики дружно направляются к нему. Впереди с шапкой-ушанкой в руках движется Хвостов. Пайщики смеются. Смех будит толстого. Он приоткрывает глаза и тупо таращится на своих коллег, не понимая происходящего.

Хвостов *(протягивает шапку толстому пайщику)*. Тяните жребий.

Сидорин. Вытащите эту бумажку, счастливый вы наш!

Конец
1977

Старики-разбойники
Юмористическая повесть

Глава первая

Люди делятся на тех, кто доживает до пенсии, и на остальных. Пенсия — это сумма денег, которую безвозмездно выплачивают в период между окончанием работы и окончанием жизни. Человек, которому платят за то, чтобы он не работал, называется пенсионером. Пенсионеры бывают союзного значения, республиканского значения, местного значения и те, кто значения не имеют.

А старость надо уважать, хотя бы потому, что каждый, если повезет, станет стариком или старухой…

Николаю Сергеевичу Мячикову повезло. Неделю назад ему исполнилось шестьдесят лет.

Внешность у Николая Сергеевича была такая же, как возраст, а фамилия такая же, как жизнь. Мячикова швыряли, гоняли, пинали и, случалось, надували. Но, несмотря на это, на лице Николая Сергеевича светились голубые, детские глаза. По ним можно было догадаться, что Николай Сергеевич — человек добрый, мягкий, доверчивый, ясный и поэтому недалекий. Совершенно непонятно, как человек, обладающий такими качествами, мог работать следователем по уго-

ловным делам.

В следователи Мячиков попал не по своей воле. Когда он учился в юридическом институте, то мечтал стать адвокатом и произносить речи, от которых рыдали бы и судьи, и преступники. Но в то время адвокаты были не нужны, а следователей не хватало. И Мячикова направили работать следователем. Он попросил, чтобы его послали на борьбу с уголовниками. Шли годы… Кривая преступности неуклонно ползла то вниз, то вверх. Менялись начальники Мячикова — районные прокуроры, тоже ползли то вверх, то вниз, а наш Мячиков достиг должности старшего следователя и застрял.

Семнадцатый начальник Мячикова, Федор Федорович Федяев, вызвал однажды своего подчиненного и сказал:

— Николай Сергеевич, ограбили обувной магазин! — При этом Федор Федорович улыбнулся. — Украли так много сапог, что хватило бы на женский кавалерийский полк!

— А разве женщины служат сейчас в кавалерии? — изумился Мячиков.

— Извините, я забыл, что чувство юмора не ваша стихия! — сказал Федор Федорович.

— Извините, — ответил Мячиков, — я не по-

нял, что вы пошутили! Что это у вас на щеке? Фурункул?

Щеку прокурора украшал пластырь, неряшливо наклеенный крест-накрест.

— Ерунда! Бандитская пуля! — отмахнулся Федяев и перешел к делу. — Закажите оперативную машину! Сейчас мы с вами поедем!

Николай Сергеевич вышел из кабинета выполнять распоряжение, а Федяев стал надевать югославский плащ с темно-зеленым отливом, точно такой же, какой носил сам Андрей Никанорович. Как настоящий начальник, Федяев не пользовался общим гардеробом. В углу кабинета он держал свою, персональную вешалку. Станиславский, говоря, что театр начинается с вешалки, ошибался. С вешалки начинается начальник.

Надеть шляпу Федяев не успел. Помешал телефонный звонок.

Этот телефонный звонок, как и положено в детективе, послужил завязкой для нашей истории под названием «Старики-разбойники».

Федор Федорович снял трубку и сказал: «Я вас слушаю!» В ответ раздалось:

— Здравствуй, Федяев! Как живешь?

— Добрый день, Андрей Никанорович! — В

отношениях с вышестоящими лицами Федор Федорович пытался держаться независимо. Был вежлив, приветлив, но не подобострастен и даже позволял себе некоторые вольности. — Ловлю жуликов, Андрей Никанорович!

— Вот я тебе и подброшу в помощь одного человечка! Ты его прими на работу!

— Кем, Андрей Никанорович? — осведомился Федяев.

— Не бойся, не районным прокурором, — хохотнул собеседник, — а только лишь следователем!

— Вакантного места у меня нет! — бесстрашно ответил Федяев.

— Найдешь! — коротко сказал Андрей Никанорович и повесил трубку. Чехов, говоря, что краткость — сестра таланта, ошибался. Краткость — сестра начальства…

Нетрудно догадаться, что этот будничный, скучный разговор изменит жизнь Мячикова, которому так не вовремя исполнилось шестьдесят лет.

Федяев надел ворсистую темно-зеленую шляпу, точно такую, как носит Андрей Никанорович, вышел из кабинета и сказал секретарю:

— Я на объект!

Вскоре оперативная машина мчалась на место

преступления. В машине ехали четверо — водитель, Федяев, Мячиков и фотограф…

Через двадцать минут автомобиль, набитый блюстителями закона, прибыл к дверям ограбленного магазина. Перепуганный директор услужливо распахнул дверцу автомобиля и затараторил:

— Мы пришли утром. Магазин был заперт, пломба не сорвана, окна не выбиты, двери не взломаны. А внутри не хватало двухсот пар голландских сапог на меху. По семьдесят рублей пара.

— Голландских? — задумчиво переспросил Николай Сергеевич. Он уже вышел из машины и внимательно изучал входную дверь.

— Все отечественные сапоги на месте! — заверил директор.

— Пройдемте к вам в кабинет! — распорядился Федяев. — А вы, Николай Сергеевич, осмотрите место преступления!

У себя в кабинете директор, явно боясь, что его арестуют, говорил, запинаясь и нервно вертя в руках обувной рожок:

— Ключи всегда у меня. Я их никому не доверяю, потому что я материально ответственный. Кстати, вашей жене не нужны голландские сапоги?

— Из тех, что украли? — ехидно спросил Федяев.

— Нет, из тех, что еще не успели! — наивно ответил директор.

— Спасибо, не нужны. Продолжайте!

— На чем мы остановились? — Директор был вконец растерян.

— На том, что вы материально ответственный…

— Да-да… если что-нибудь пропадет, то отвечать мне…

— Уже пропало! — напомнил Федяев. — Самая пора отвечать!

Директор побледнел и принялся жадно глотать воздух.

В дверь заглянул Мячиков и заговорщически поманил Федяева.

Николай Сергеевич привел начальника в подвал, где складывали тару. Там Мячиков приподнял линолеум, которым был покрыт пол, и показал на железную крышку люка. Прокурор и следователь с трудом откинули ее, и перед ними открылась черная дыра колодца, ведущая в неизвестность. Сыщики переглянулись и бесстрашно полезли в отверстие.

Они медленно продвигались по узкому и

темному тоннелю. Под ногами чавкала вода, поблескивали водопроводные трубы, переплетались зачехленные провода. Потом тоннель сузился, сжался, идти стало уже невозможно, пришлось ползти. Мячиков полз впереди, за ним пыхтел Федяев.

Неожиданно Федор Федорович схватил подчиненного за ногу. Тот испуганно вздрогнул.

— Мне нужно с вами серьезно поговорить… — начал Федяев.

— Другого места вы не нашли? — спросил Николай Сергеевич, вырывая ногу.

— Здесь очень удобно: никто не мешает, а темноты я не боюсь, — подробно объяснил Федор Федорович. На самом деле он хотел говорить с Мячиковым именно в темноте, чтобы не видеть его честных глаз. — Когда вы собираетесь уходить на пенсию?

Вместо ответа Николай Сергеевич быстро пополз вперед.

— Подождите, не уползайте! — приказал прокурор, наступая руками на пятки подчиненного. — Надо наконец позаботиться о своем здоровье!

— Я здоров! — бодро произнес впереди ползущий.

— Вам трудно работать! — настаивал Федяев. —

За последние два года вы не раскрыли ни одного преступления!

— Как так! — возмутился Мячиков. — А дело о пересортице раков? Я перемерил сантиметром тринадцать тысяч семьсот двадцать штук!

— Это был титанический труд! Боюсь, что на нем вы и сломались!

Впереди забрезжил свет. Тоннель заканчивался. Мячиков извивался, как змея, протискиваясь к выходу. В этот момент он наткнулся на улику. Когда Николай Сергеевич первым выбрался на волю, то в руке он держал черный кожаный сапог. Мячиков огляделся. Тоннель привел в глухой двор, отгороженный от парадной жизни сплошным забором.

Вслед за Мячиковым появился на свет божий и Федяев.

— Хотите, чтобы я подал заявление об уходе на пенсию? — убитым голосом спросил Мячиков.

— Хочу! — кивнул Федяев.

— Значит, вы меня увольняете?

— Я вас не увольняю.

— Ну, отправляете на покой. Потому что я плохо работаю?

— Да! — соврал Федяев.

— А если бы я продолжал хорошо работать, то

вы бы меня не уволили на пенсию? — спросил простодушный Мячиков.

— Нет! — соврал Федяев.

— А я вот сапог нашел!

— Так он под ногами валялся!

— Под руками! — уточнил Мячиков. — Но я раскрыл знаменитое дело шайки Сидорчука!

— Я это проходил в институте!

— Именно я вел дело о плюшевых медведях…

— Об этом написано в учебнике! — безжалостно прервал Федяев. — Все это было до нашей эры.

— Значит, я для вас ископаемое! — обиделся следователь.

— Полезное ископаемое! — уточнил прокурор.

— Поручите мне дело с кражей сапог! — взмолился Николай Сергеевич.

— Тут раскрывать нечего! — пожал плечами Федор Федорович. — Ясно, что кражу совершил тот, кто знает про этот тоннель… А найти его, как говорится, дело техники…

— Поручите мне что-нибудь другое! Я не могу уйти… Что я стану делать дома? — В голосе Николая Сергеевича появились трагические интонации.

— Ну хорошо, хорошо! — великодушно сказал Федяев, который, как и все работники прокура-

туры, любил беззащитного Мячикова. — Давайте договоримся так: поработайте еще месяц. Если вы себя проявите, мы вернемся к этому разговору!

— Я проявлю! — пообещал Мячиков. — Я еще на многое способен.

— Ну и прекрасно! — благодушно сказал Федяев, решив про себя, что за этот месяц не поручит Мячикову ни одного дела.

В течение последнего часа к Федяеву обратились с просьбами два человека: один нужный, а другой ненужный.

А ненужные люди не должны обращаться с просьбами. Только они этого не знают.

Глава вторая

В то время как Николая Сергеевича взашей выталкивали на пенсию, его друг инженер Воробьев уходил на пенсию добровольцем.

Проводы на пенсию — это трогательное мероприятие. Чтобы больше никогда не видеть юбиляра, сотрудники скидываются на подарки, остаются после работы и произносят речи о заслугах бывшего сослуживца.

Комиссия по проводам В. П. Воробьева хорошо подготовила представление.

Валентин Петрович сидел сейчас в президиуме, да не просто сидел, а между референтом министра и управляющим трестом.

Был зачитан заранее организованный телеграфный поток приветствий от всех филиалов треста. И юбиляр принял все за чистую монету.

После приветственных телеграмм над залом появился плакат: «На кого ты нас оставляешь?» Нестандартный текст плаката был предварительно согласован с управляющим трестом.

Юбиляр оглядел президиум и подумал, что действительно оставить не на кого.

На сцену вышел главный бухгалтер. Он должен

был выступать первым.

— Дорогой Валентин Петрович! — проникновенно начал главный бухгалтер, прижимая к сердцу электрическую кофеварку.

Перед заседанием Валентину Петровичу объяснили, что, когда его станут приветствовать, он должен вставать.

Валентин Петрович встал.

— Я не представляю себе, что дважды в месяц буду подписывать ведомость на получение заработной платы без вашей фамилии! — улыбнулся бухгалтер.

Он вручил кофеварку и расцеловался с Воробьевым, который мысленно представил себе ведомость, где между Барашом и Добродеевым нет фамилии Воробьева.

Не успел Валентин Петрович поставить кофеварку на маленький столик, специально подготовленный для подношений, и сесть, как на сцене появился начальник планового отдела.

— Дорогой Валентин Петрович! — восторженно закричал начальник планового отдела, прижимая к груди мельхиоровый подстаканник.

Валентин Петрович встал.

— Я не представляю себе, что приду завтра на работу и не увижу тебя! — вздохнул оратор

и вручил подстаканник Воробьеву. Они расцеловались, и Валентин Петрович с некоторым удивлением подумал, что не испытывает огорчения от разлуки с начальником планового отдела. «Все-таки я нехороший человек», — отметил про себя Воробьев, поставил подарок на стол и сел.

Плановика сменил главный инженер.

— Друг ты мой, Валентин Петрович! — печально сказал главный инженер, прижимая к груди рыболовный набор.

Валентин Петрович встал и внимательно слушал, стараясь не упустить ни одного слова.

— Ты человек необыкновенный. Я вспоминаю, — закатил глаза главный инженер, — как понадобилось перевезти из Свердловской области глыбу мрамора весом двести с лишним тонн для памятника Фонвизину, который «Недоросля» написал, — пояснил оратор аудитории, — ну, на Фонвизинской площади, — и вдруг выяснилось: этот мрамор перевезти невозможно!

Валентин Петрович покивал головой: мол, действительно, было невозможно.

— Мраморная глыба не помещалась на железнодорожной платформе, — увлеченно продолжал главный инженер, — не проходила под мостами, а ее надо было перевезти целиком, а не кусками.

Понимаете, для постамента. Все специалисты зашли в тупик. И тогда эту сложную техническую задачу, которая, кстати сказать, к профилю нашего треста не имела ни малейшего отношения, решил Валентин Петрович. У него вообще светлая голова, в которой полным-полно разных идей.

Оратор повернулся к юбиляру и спросил глухим голосом:

— Зачем ты, Валентин Петрович, преждевременно закапываешь в землю талант инженера?

Воробьев вспомнил про свой талант и подумал, что на самом деле добровольно закапывает его в землю. От этой мысли у Валентина Петровича больно сжалось сердце. Дрожащей рукой он положил рыболовный набор рядом с кофеваркой и подстаканником, налил боржома и выпил.

На этот раз сесть Воробьев не успел. На сцену выскочила секретарь комсомольской организации и запричитала, прижимая к груди трехрожковый подсвечник:

— Дорогой Валентин Петрович! Сколько раз мы, молодежь, пользовались вашими советами. Вы щедро делились с нами своим опытом. Мы осиротели сегодня!

— Это верно, — неожиданно для самого себя вслух сказал Воробьев. — Бедная вы сиротка! —

Он нежно поцеловал девушку и сел, забыв взять подарок.

В зале зашушукались. Оторопевшая комсомолка сама поставила подарок возле остальных жертвоприношений.

Пытаясь прийти в себя после неожиданного заявления юбиляра, управляющий трестом наклонился к референту министра:

— У нас заготовлен номер художественной самодеятельности. Вы не возражаете?

Референт министра кивнул.

Тотчас на сцену взобрались двое — парень с гитарой и девица в брюках.

— Не уезжай ты, мой голубчик, —

затянула девица, прижимая к груди руки. Ее подарком была песня.

Валентин Петрович встал.

Печально жить мне без тебя. Дай на прощанье обещанье, Что не забудешь ты меня… Скажи ты мне, скажи ты мне, Что любишь меня, что любишь меня…

Нервы у Валентина Петровича сдали окончательно, он заплакал, пролепетал: «Спасибо» — и сел.

— Дорогой Валентин Петрович! — тихо начал управляющий трестом, прижимая к груди ника-

лированный самовар.

Валентин Петрович встал.

— Мне трудно говорить, сегодня у меня траурный день, — драматически продолжал управляющий. — Мы проработали с тобой двадцать лет. Ты — моя правая рука. Сегодня ее безжалостно отрубают…

Мысль о том, что управляющий станет однруким, доконала плачущего юбиляра, и он перестал соображать.

— Дорогой Валентин! — попросил управляющий. — Разреши в трудные минуты обращаться к тебе за помощью…

Голос управляющего дрогнул, он махнул рукой, как бы показывая, что нет у него сил довести до конца эту мучительную речь. Он трижды облобызал юбиляра и вручил самовар. Они вдвоем водрузили его на подарочный столик. Воробьев всхлипывал как ребенок, не стыдясь слез.

Наконец поднялся референт министра.

Референт начал говорить еще тише, чем управляющий трестом. Давно известно: чем выше, тем тише! Сначала был зачитан благодарственный приказ по министерству. Потом референт министра говорил от себя лично. Он ничего не прижимал к груди. Его подарком было его присутствие.

Он не мог замыкаться в узких рамках такого частного происшествия, как уход на пенсию. Он смотрел на жизнь шире и глубже. Он долго говорил о поднятии производительности труда, привычно призвал коллектив к новым трудовым успехам, под конец спохватился, вспомнил, ради чего проводится совещание, пожал Валентину Петровичу руку, вручил ему приказ и пошутил:

— Я не понимаю, какие трудовые успехи могут быть у «Промстальпродукции» без вас!

Но Валентин Петрович уже не понимал шуток. Он вышел на авансцену и громко сказал:

— Товарищи!.. Я так растроган... Я и не представлял себе, что вы меня любите так сильно... Я жалею, что не позвал сюда жену, дочь, ее жениха Володю и моего лучшего друга Колю Мячикова. Я вас тоже люблю...

Он взял самовар и молча вернул его управляющему трестом.

— Тебе не понравился самовар? — растерянно спросил управляющий.

— Мне сейчас не до самовара! — загадочно ответил Воробьев.

Зал, до этого скучавший, заинтересованно притих.

Валентин Петрович подскочил к столику с

подарками, сгреб их в охапку и сошел со сцены к народу.

— Вы меня убедили! — растроганно сказал Валентин Петрович, отдавая главному инженеру рыболовный набор.

— Я понял, что я еще нужен! — признался Воробьев секретарю комсомольской организации, возвращая трехрожковый подсвечник.

— Пусть у меня больное сердце, пусть мне шестьдесят два, пусть я заслужил отдых — я не уйду на пенсию, я остаюсь с вами! — И Валентин Петрович всучил главному бухгалтеру мельхиоровый подстаканник.

— Минуточку! — остановил распоясавшегося юбиляра главный бухгалтер. — Во-первых, я дарил вам не подстаканник, а кофеварку…

— Извините! — Воробьев быстро исправил ошибку.

— Во-вторых, — продолжал бухгалтер, — кофеварка приобретена на средства из директорского фонда. Списать я ее не могу. А в-третьих, что мне теперь делать с этой кофеваркой?

— Положите ее на депонент! — хулигански посоветовал Валентин Петрович.

Раздав сувениры, он возвратился на сцену и в упор спросил референта министра:

— А вы мне что дарили?

— Приказ министра! — неуверенно ответил референт.

— Ну, это не страшно! Не все приказы выполняются!

— Если я тебя правильно понял, Валентин, — заикаясь, спросил управляющий трестом, — ты отказываешься уходить на пенсию?

— Коллектив не может обойтись без меня, а я не могу жить без коллектива! — гордо объяснил Валентин Петрович.

— Но ты должен понять… Неужели ты не догадываешься?.. — начал путаться в словах управляющий трестом. — Ведь это… так сказать… ритуал… это…

— Ты что же, — безжалостно оборвал управляющего саботажник, — хочешь сказать, что все лицемерили, упрашивая меня остаться?

— Нет, этого я не хотел сказать. — Управляющий не знал, как выпутаться из создавшейся ситуации. — Но мы… все…

Воробьев обратился к залу:

— Товарищи! Вы хотите, чтобы я ушел на пенсию?

— Не-ет! — озорно ответил зал, как и всякий другой зал, обожавший побузить.

— Вы хотите, чтобы я остался с вами?

— Хо-отим! — дружно откликнулся зал.

— Вот видишь, как ты скверно думаешь о людях! — Валентин Петрович укоризненно взглянул на управляющего и покинул собрание в роскошном настроении.

Молодой человек, которого уже назначили на должность Воробьева, влез на стул и отчаянно закричал:

— А как же я?

Зал безжалостно расхохотался.

— Вашим подарком товарищу Воробьеву будет отказ от должности! — пошутил референт министра. Он был большой шутник.

Неожиданно вернулся Воробьев. Зал встретил его смехом и аплодисментами. Валентин Петрович подошел к управляющему трестом и громко сказал:

— Между прочим, банкет не отменяется!

— А по какому случаю банкет? — сердито осведомился управляющий трестом.

— По случаю моего неухода на пенсию!

Количество банкетов в нашей стране неуклонно растет, как и все остальное. Банкеты даются по любому поводу и без повода. Банкеты устраиваются на уровне кофе, на уровне водки и,

наконец, самые ответственные банкеты — на уровне коньяка. Банкеты бывают в складчину, за счет подчиненных, а иногда, к сожалению, за свой собственный счет.

Но самые приятные банкеты — это дармовые, за счет богатого отечества. И льются на них водочные реки среди колбасных берегов сырого копчения… К человеку, надравшемуся на таком банкете, отношение иное, чем к человеку, который наклюкался в магазине, деля пол-литра на троих. И это понятно. Потому что этот, в магазине, напивается в свободное от работы время, а тот, банкетный, — при исполнении служебных обязанностей, что почетнее.

Валентин Петрович давал банкет на свои трудовые деньги. Валентин Петрович торопился попасть домой до прихода гостей и поэтому взял такси.

Когда он открыл дверь квартиры, жена взволнованно кинулась навстречу:

— Ну, как прошло?

— Великолепно! — гордо выпятил грудь Воробьев. — Маша, поздравь! Они меня не отпустили!

— Как — не отпустили? — ахнула жена.

— Они в ногах у меня валялись! — скромно сообщил муж.

— И ты согласился?

— Что мне оставалось делать? — невольно начал оправдываться триумфатор, горестно подумав при этом, что полного взаимопонимания не бывает даже в самых лучших семьях.

— Безобразие! — возмутилась Мария Тихоновна. — Как они смели! У тебя больное сердце!

— Ты пойми! — пытался утешить жену Воробьев. — Сам референт министра приехал специально, чтобы сказать: «Какие могут быть успехи у „Промстальпродукции“ без вас», то есть без меня!

Мария Тихоновна всхлипнула:

— На тебе всю жизнь ездят!

Глава третья

Дружба Мячикова и Воробьева перевалила за серебряную дату. Они познакомились в госпитале, где долго лежали на соседних койках, и было это больше чем четверть века тому назад. А подружились потому, что были не похожи друг на друга. Активный и задиристый Воробьев сразу же взял деликатного Мячикова под свое покровительство, и эти отношения продолжались до сих пор.

Николай Сергеевич, конечно, был приглашен на банкет, который давал Воробьев, и очень обрадовался тому, что Валентина Петровича не отпустили на пенсию.

Когда наконец-то гости разошлись, Воробьев и Мячиков остались наедине, Валентин Петрович увлек друга в маленькую комнату и красочно расписал, как коллектив «Промстальпродукции» стоял перед ним на коленях, заклиная остаться.

Николай Сергеевич слушал с нескрываемым восторгом и всему верил.

Когда настала его очередь, Мячиков пожаловался на судьбу.

— Ты растяпа! — высказался Валентин Петро-

вич. — Ты должен бороться!

— Если говорить по-честному, — признался Мячиков, — то Федяев прав. Я уже никуда не гожусь! Я зря получаю зарплату…

— Не ты один! — вставил Воробьев.

— От этого мне не легче. Конечно, если бы я мог раскрыть крупное преступление…

— Возьми себя в руки и раскрой! — посоветовал Валентин Петрович.

— А где я его раздобуду, это преступление? Федяев мне ничего не поручает. Я уже балласт!

Валентин Петрович ничего не сказал в ответ и зашагал по комнате. Николай Сергеевич следил за ним, не отрывая глаз. Воробьев понимал, что тоскливый взгляд Мячикова взывает о помощи, хотя вслух Николай Сергеевич на помощь не позовет. Воробьев представил себе, как Николай Сергеевич проснется по привычке ровно в четверть седьмого, встанет и начнет бродить по пустой квартире, потому что делать ему нечего и идти ему некуда. Потом будет глазеть в окно на людей, которые торопятся на работу. Потом он не вынесет домашнего одиночества, выйдет на улицу, забредет на бульвар и будет маячить возле других стариков, которые играют в шашки или шахматы. А потом он станет мучительно

думать, как же убить время, и пойдет в кино на первую попавшуюся картину, потому что больше пойти некуда…

— Ты не умеешь за себя постоять! — подытожил свои раздумья Валентин Петрович. Мячиков хотел было что-то сказать в оправдание, но Воробьев не позволил. — Слушай меня и не перебивай! Ты честный и неподкупный человек! А это для вашего следовательского дела важнее всего!

Мячиков засмущался.

— Выше голову! — прикрикнул на него Воробьев. — И если таких, как ты, бюрократы Федяевы вздумают выпихивать за дверь… я этого так не оставлю! Для меня это вопрос принципа, и ты тут ни при чем! Он тебе дал месяц срока? Да или нет, что ты молчишь?

— Ты сам не велел перебивать!

— Отвечай, когда тебя спрашивают!

— Дал месяц, — подтвердил Николай Сергеевич, снова обидевшись на Федяева. — Это вроде как испытательный срок! Обычно его назначают при поступлении на работу.

— И именно в этом наше спасение! — воскликнул Валентин Петрович. — Значит, Федяев сам не уверен, что ты уже совсем плох! За этот месяц мы его умоем!

— А как мы его умоем? — Мячиков поглядел на друга с надеждой.

— Не мешай мне сосредоточиться! — попросил Воробьев.

Николай Сергеевич покорно поднялся с кресла и направился к выходу:

— Пойду помогу Маше…

— Я всегда говорил, что ты баба! — с грубоватой нежностью загремел вдогонку Воробьев.

Хозяйка дома в соседней комнате пыталась уложить в постель расшалившегося внука Витю, сына старшей дочери. Дочерей у Воробьевых было две. Старшая вместе с мужем-геологом постоянно моталась по экспедициям, а младшая, Люся, жила с родителями.

— Давай, Маша, я его утихомирю! — предложил Николай Сергеевич.

— Ты вот что, Коля, поди-ка и помоги Анне Павловне! — Мария Тихоновна и не подозревала, что это поручение будет иметь далеко идущие последствия как для ее подруги, так и для Николая Сергеевича.

Анна Павловна мыла на кухне посуду, Люся ее вытирала, а сын Анны Павловны Володя мешал обеим.

— Ну пойдем! Ну поговорим! — приставал он

к Люсе.

На что Люся отвечала:

— О чем с тобой разговаривать? Ты же хоккеист.

Друзья называли Анну Павловну народным умельцем.

И действительно, Анна Павловна умела делать все: варить обед, чинить электричество, лечить родственников и знакомых, шить, клеить обои, вязать, стрелять из револьвера и в сорок восемь лет выглядеть на тридцать шесть.

Анна Павловна была женщиной жизнестойкой, потому что могла рассчитывать только на себя. У нее не было ни мужа, ни образования. Так уж сложилась жизнь. Профессия у Анны Павловны была редкостной. Она работала инкассатором. Каждый вечер с револьвером на поясе она объезжала булочные и продовольственные магазины и собирала холщовые мешки с дневной выручкой.

— Меня послали к вам на подмогу! — объявил Николай Сергеевич, входя на кухню.

— А вы умеете мыть посуду? — У Анны Павловны была такая заразительная улыбка, что Николай Сергеевич улыбнулся в ответ:

— К сожалению, умею!

— Вы наденьте фартук! — Люся обрадованно

стянула его с себя и отдала Мячикову. — Ну пойдем, надоел! — сказала она Володе.

И молодые люди быстро ушли.

— Анна Павловна, — попросил Мячиков, — завяжите мне, пожалуйста, тесемки!

Едва Анна Павловна успела справиться с тесемками, как в кухню заявился сияющий Воробьев.

Он презрительно оглядел Мячикова в дамском фартуке:

— Выйди!

— Извините! — сказал Николай Сергеевич Анне Павловне. — Я скоро вернусь! — И послушно пошел за Воробьевым.

В комнате Воробьев торжественно провозгласил:

— Для того чтобы тебя оставили на работе, ты должен раскрыть преступление, но не рядовое, а преступление века!

Мячиков поглядел на друга с немым укором:

— Я с тобой согласен! — И вернулся на кухню.

— Селедочные тарелки нельзя мыть горячей водой! — сказал Николай Сергеевич, снова включаясь в работу. — Их надо мыть только холодной и обязательно с мылом. А вот для жирных тарелок нужна горячая вода… Вытирать посуду не стоит, полотенец не наберешься, и вообще…

Анна Павловна внимательно слушала Мячикова. Это был первый случай в ее жизни, когда мужчина проявлял подобные познания.

— Вы работаете судомойкой? — лукаво спросила Анна Павловна.

Мячиков ответить не успел. Голос друга вернул его к суровой действительности:

— Ну-ка, иди сюда!

— Извините! — сказал Мячиков Анне Павловне. — Я сейчас!

— Преступление века на улице не валяется! Его надо организовать. Но для того, чтобы его мог раскрыть именно ты, организовать его должен именно я! Здорово, а? — Воробьев был в восторге от собственной выдумки.

Николай Сергеевич пошатнулся. Такого предложения он не получал за всю многолетнюю юридическую практику.

— Но тогда я буду вынужден упрятать тебя за решетку!

— А без этого нельзя? — спросил Воробьев.

Николай Сергеевич покачал головой.

— В тюрьму я не хочу! — сказал Валентин Петрович и задумчиво добавил: — И все-таки мы должны доказать, что не возраст определяет цену человека.

— Тогда подумай еще! — посоветовал Николай Сергеевич, возвратился на кухню и снова взялся за посуду. — Сегодня был очень хороший студень! — заметил он. — Правда, я делаю студень не так, как Мария Тихоновна. Я покупаю на рынке телячью ногу. Важно не забыть, чтобы ее разрубили, а то дома это трудно…

В этот момент Мячиков случайно коснулся руки Анны Павловны и покраснел, хотя Анна Павловна и не заметила этого секундного прикосновения.

Сегодня, после невеселого разговора с Федяевым, Николай Сергеевич чувствовал себя одиноким, как никогда. Вот уже шесть лет после смерти жены он жил один. Дочь была далеко, в Красноярске. Николай Сергеевич, конечно, привык находиться один, но сейчас это стало ему невмоготу. Именно поэтому он внезапно созрел для последней любви.

— Ногу я варю с морковью и луком, — заставил себя продолжать Николай Сергеевич. — Варю я долго, часов восемь, полный рабочий день, поэтому занимаюсь студнем только в субботу или в воскресенье и только для гостей. Для себя я возиться не стану…

— Я тоже… — вставила Анна Павловна, а про

себя подумала: «Мужчине одному тоже тяжело».

Известно, что если женщина начинает жалеть мужчину, то это может далеко завести.

— А когда я разливаю бульон по тарелкам, — Мячиков не мог остановиться, — то добавляю чеснок, перчик и еще хорошо — зелень от петрушки. И вкусно, и витамины…

— А я люблю делать студень из курицы! — сказала Анна Павловна. Собеседники явно нашли общий язык.

— Никогда не ел студня из курицы! — признался Николай Сергеевич, набиваясь на приглашение.

В кухне вновь, и на этот раз совершенно не вовремя, появился Валентин Петрович.

— Иди сюда, шеф-повар!

— Извините! — сказал Мячиков Анне Павловне. — Я сейчас! — И покорно поплелся за другом.

— Я нашел выход! Я совершу преступление. — Изобретатель продолжал развивать оригинальную идею. — Ты его раскроешь, но меня не поймаешь!

— Какое же это должно быть преступление, — сказал Николай Сергеевич, уже сердясь на друга и думая о том, как бы поскорее вернуться к мойке, — чтобы его можно было раскрыть, не

обнаружив при этом виновного!

— Так это ты придумай!

— Я не умею придумывать преступлений!

Теперь рассердился Воробьев:

— Что ж это ты! Всю жизнь водишься с бандитами и ничему от них не научился!

Николай Сергеевич почувствовал себя виноватым. Он часто тушевался перед напористым другом и побрел из комнаты прочь, в то время как Воробьев провожал его гневным взглядом.

В коридоре Мячиков столкнулся с Анной Павловной, которая прощалась с хозяйкой.

— Как, вы уходите? — растерялся Николай Сергеевич.

— С твоей помощью она быстро справилась! — сказала Мария Тихоновна.

— Можно я вас провожу? — спросил Мячиков.

— Проводи, проводи! — разрешила Мария Тихоновна. — А то ей далеко идти, заблудится!

При этом Анна Павловна почему-то засмеялась.

Николай Сергеевич осторожно заглянул в комнату, чтобы попрощаться с Воробьевым, но тот опередил его:

— Будь добр, не мешай мне думать!

Анна Павловна ждала Мячикова на лестнич-

ной площадке.

— Не надо меня провожать! Вам потом далеко будет возвращаться. Транспорт уже не работает.

— Ходить пешком полезно! — браво ответил провожатый. — Врачи очень рекомендуют гулять перед сном.

Анна Павловна отвернулась, чтобы не рассмеяться в лицо кавалеру, пересекла лестничную клетку и, достав из кармана ключ, открыла дверь соседней квартиры.

— Ну вот я и дома! — сказала она, довольная нехитрым розыгрышем.

Николай Сергеевич долго смеялся, а потом сказал:

— Вы меня замечательно провели.

Ему хотелось спросить у Анны Павловны номер ее телефона, но он постеснялся это сделать, а только добавил:

— Как же это так: вы рядом живете, Володю я давно знаю, а с вами познакомился только сегодня. Я ведь здесь бываю очень часто.

— Значит, не довелось раньше встретиться! — улыбнулась Анна Павловна. — Может быть, потому, что вечерами я чаще всего работаю. Спокойной ночи, Николай Сергеевич! — Анна Павловна безмятежно помахала рукой.

— Спокойной ночи, Анна Павловна! — промямлил Николай Сергеевич.

Он стал спускаться по лестнице, где на подоконнике выясняли отношения Люся и Володя. Когда Мячиков проходил мимо, его осенило.

— Володя, — сказал Николай Сергеевич, — ваша мама дала мне номер телефона, но я тут же его забыл!

— 743–07–55! — сказал Володя.

— Спасибо и до свидания! — Мячиков снова стал спускаться по лестнице, чрезвычайно довольный своей сообразительностью.

Выйдя во двор, он услышал громовой голос с неба:

— Коля, я придумал!

Николай Сергеевич поднял голову и увидел Воробьева, который стоял на балконе в гордой позе вождя племени.

— Я ограблю сберкассу, — орал на весь двор Воробьев, — отдам тебе деньги, ты их вернешь, будто бы отнял у вора. Деньги ты отнял, а жулик, то есть я, ускользнул!

Мячиков огляделся по сторонам, не слышит ли кто.

— Это прекрасное предложение! — сказал он тихо. — Но возле каждой сберкассы дежурит

милиционер, и он тебя застрелит!

— Ты прав! Это не годится! — великодушно согласился Воробьев. Он умел выслушивать критику. — Я придумаю что-нибудь другое, без милиционера.

— Я тебя прошу, — сказал Мячиков умоляющим тоном, — оставь эту бредовую затею!

— Я не засну, пока на свете есть несправедливость! — воскликнул Воробьев и ушел спать.

А Николай Сергеевич с ужасом обнаружил, что во время перепалки он забыл номер телефона. Володя и Люся все еще объяснялись на подоконнике.

— Но почему? — недоумевал Володя. — Почему ты не хочешь выходить за меня замуж?

— Потому что ты хоккеист! — повторяла Люся.

— Я не профессионал, а любитель!

— Мне все равно, как это называется! Я не хочу жить с человеком, который круглый год гоняет шайбу!

— Я не гоняю шайбу. Я играю в хоккей. Это большое искусство! Мы ничем не хуже артистов, даже лучше. Когда мы выходим на лед, миллионы людей включают телевизор!

— А я выключаю! — сказала Люся. Но Володя не обратил внимания на ее замечание.

— В театре артисты играют чужие слова и заранее знают, чем все это кончится. А мы… каждый матч мы импровизируем. Нам и звания дают, как артистам. Заслуженный мастер спорта!

— А народного мастера спорта еще нет? — ехидно спросила Люся.

— Будет! — убежденно ответил Володя.

И тут возле них возник запыхавшийся Мячиков.

— Извините, что я вам опять мешаю. Но я… забыл номер телефона!

— 743–07–55! — повторил Володя.

Николай Сергеевич ушел и всю дорогу до самого дома твердил эти цифры как стихи…

Глава четвертая

Николай Сергеевич жил в отдельной однокомнатной квартире, в доме первой категории.

Для того чтобы в нашей сложной жизни не было путаницы, в ней все разложено по полочкам.

Продовольственные и промышленные товары делятся на сорта.

Шоферы и каюты — на классы.

Бани, рестораны и спортсмены — на разряды.

Дома и кинофильмы разделяются по категориям.

Но если третьеразрядный спортсмен может стать перворазрядником, то дом третьей категории не перейдет в первую, как бы он ни пыжился. Дом третьей категории — это заранее запланированный плохой дом.

Но если дом первой категории обязательно хороший, то кинофильм первой или даже высшей категории не обязательно хороший, как бы он ни пыжился…

Нетрудно догадаться, что отдельную квартиру добыл не Мячиков, а его жена. Когда она осознала, что недотепе-мужу не видать отдельной квартиры, то нашла спасительный выход. Она нанялась

машинисткой в районное жилищное управление на общественных началах. Каждое утро, ровно к девяти часам, жена ездила на работу и до пяти вечера печатала на машинке, не получая за это ни копейки.

Через два года она перевезла Николая Сергеевича в новую квартиру.

Поставить телефон оказалось невозможным, и жена Мячикова пустилась по проторенной дорожке.

Каждое утро, к девяти часам, она ездила на телефонную станцию и весь день перепечатывала на машинке длинные нудные ведомости, не получая за это ни копейки.

Через восемь месяцев в квартире Николая Сергеевича зазвонил телефон…

За всю жизнь Мячиков так и не научился добывать, доставать или проталкивать…

…На следующее утро после знакомства с Анной Павловной Мячиков проснулся, как обычно, в четверть седьмого. Сделал зарядку, принял холодный душ и занялся приготовлением завтрака.

Но поесть не удалось. Раздался звонок.

Когда Мячиков открыл дверь, в квартиру ввалился Валентин Петрович.

— Здравствуй, Коля!

— Здравствуй, Валя! — обрадовался Николай Сергеевич. Воробьев прошел в кухню, увидел яичницу, снял сковородку с плиты и потребовал у хозяина вилку. Уплетая завтрак, Воробьев хвастливо сказал:

— Я в эту ночь не бездельничал! Я составил список возможных преступлений!

Николай Сергеевич вздохнул.

— Ты пойми, — сказал он, наливая Валентину Петровичу чай, — если бы я был пекарем, который не хочет уходить на пенсию, и в знак протеста, ночью, тайно выпекал бы вкусный хлеб, — это естественно. Если бы я был каменщиком и ночью, тайно выкладывал новый этаж — опять логично. Но ты толкаешь нас на совершение уголовно наказуемых деяний!

— Я не виноват, — сказал Воробьев, спокойно попивая чай, — что у тебя такая мерзкая профессия!

— Ты не обижайся, — упирался Мячиков, — но твои предложения годятся только для сумасшедших!

— Никогда не известно, кто из людей нормальный, а кто нет! — философски заметил Воробьев. Он порылся в кармане и достал лист бумаги. — Сейчас я тебе зачитаю список. Правда, ты должен

учесть, что мне было очень трудно. Убийство, изнасилование, вооруженный грабеж и шпионаж я отмел сразу!

— Спасибо и на этом! — успел вставить Николай Сергеевич.

Воробьев начал читать:

— Итак, первое. Угон машины! — При этом он пояснил: — Машину ты возвращаешь владельцу, а меня не находишь. Это общий принцип: ты возвращаешь похищенное, а преступника не ловишь!

— Разве ты умеешь водить машину? — удивился Мячиков.

— Нет. А ты?

— И я не умею. Как же мы тогда будем угонять?

— Значит, это отпадает. — Воробьев взял ручку и вычеркнул из списка «Угон машины». — Теперь второе преступление. Его мы инсценируем. Мы с тобой вывозим из моей квартиры всю мебель!

— Куда? — спросил Мячиков, невольно вовлекаясь в игру.

— Можно к тебе! — сразу нашелся Воробьев. — Можно дачу снять… Я подаю заявление, что меня ограбили, а ты находишь мою обстановку.

— Обожди! — В Мячикове невольно заговорил профессионал. — Это не годится. Федяева так

просто не проведешь. Он узнает, что мы друзья, и легко докопается до истины.

— Жаль, — Воробьев отложил список и задумался. — Есть у меня заветная мечта. Но она, конечно, неосуществима! Вот послали бы тебя в Америку, а ты бы взял и отыскал убийц Кеннеди! Утер бы нос этим американцам!

— Я не знаю, нашел бы я или нет, я ведь не знаю английского языка, — проникновенно сказал Николай Сергеевич, — но я бы в лепешку разбился, чтобы найти…

— Ну ладно. — Воробьев снова перешел на прозу. — Давай ограбим Анну Павловну! Это мое третье предложение, последнее!

Николай Сергеевич оцепенел и не нашелся что ответить.

— Мы ограбим ее понарошку. Она ведь инкассатор! Мы с ней сговоримся, она добровольно отдаст нам мешки с деньгами… Ну а дальше все по схеме.

— Я не стану грабить женщину! — благородно воскликнул Мячиков.

Валентин Петрович нахмурился:

— Тебе все не нравится! Никак тебе не угодишь!

— Потому что ты занимаешься чепухой! —

кротко, но твердо заявил Николай Сергеевич.

— Я пришел к тебе с открытым сердцем, а ты меня обижаешь!

— Потому что ты этого заслуживаешь! — Мячиков был непреклонен. Ему не хотелось ссориться с другом, но грабить не хотелось еще больше.

— Ну тогда подавай на пенсию! Так тебе и надо! — вспылил Воробьев.

— Лучше на пенсию, чем под суд!

— Таких, как ты, и нужно судить!

— А ты… ты опасен для общества! — выпалил Мячиков.

— А ты… ты… — Воробьев старательно подыскивал оскорбление. — Ты ничтожество!

Он направился было к выходу, но одного «ничтожества» ему показалось мало. Он возвратился и добавил:

— Ты не только ничтожество, ты старик!

Нанеся решающий удар, он ушел, хлопнув дверью.

Глава пятая

Придя на работу, Мячиков прежде всего заглянул к шефу:

— Чем мне сегодня заниматься? Вы не поручите мне какое-нибудь дело?

— Но, дорогой Николай Сергеевич, преступность катастрофически падает: уже почти не убивают и почти не воруют. Загляните в статистические сводки, если не верите. Мне просто нечего вам поручить!

— Я не так глуп, как вам кажется! — И огорченный следователь покинул кабинет прокурора, думая о том, чем занять время.

В обеденный перерыв в прокуратуру пришел Воробьев.

Найдя Мячикова, он сказал ему, будто они утром и не ссорились:

— Ты был прав. Все мои прежние варианты никуда не годились! Теперь я действительно придумал нечто потрясающее! Пойдем!

— Куда? — насторожился Николай Сергеевич.

Воробьев нагнулся и прошептал Мячикову на ухо:

— В музей!

— А зачем? — громко спросил следователь.

Воробьев ухватил его за рукав и поволок в коридор, потому что Мячиков работал в комнате не один, а Воробьеву не нужны были свидетели.

— Что я не видел в музее? Я занят на работе! — упирался Николай Сергеевич, предчувствуя недоброе.

— Ты здесь все равно баклуши бьешь! — безжалостно напомнил Воробьев. — Пошли!

Когда они очутились на улице, Валентин Петрович спросил друга:

— Ты куда хочешь — в Русскую картинную галерею или в Музей западной живописи?

— Я вообще никуда не хочу идти! Ты ведешь меня насильно!

— А почему ты так боишься идти в музей? — рассмеялся Воробьев.

— Я боюсь не музея, а тебя! — признался Николай Сергеевич.

Валентин Петрович похлопал друга по плечу:

— Ладно, пойдем в Музей западной живописи. Он ближе!

Воробьев взял Мячикова под руку и повел к троллейбусной остановке.

Когда старики прибыли в музей, их встретил плакат: «Юбилейная выставка Рембрандта. 300

лет со дня рождения».

— Возможно, что Рембрандт — это именно то, что нам надо! — загадочно произнес Воробьев.

Николай Сергеевич понимал, зачем они сюда пришли, но старался не думать об этом.

— В какой зал пойдем? — великодушно спросил Воробьев.

— Лично я люблю импрессионистов! — застенчиво признался Мячиков.

— Импрессионистов так импрессионистов… — согласился Валентин Петрович. — Для тебя я на все готов!

Первый экспонат, у которого задержался Мячиков, была скульптура Родена «Поцелуй».

— Какая прелестная вещь! — восхитился вслух Николай Сергеевич, забывая об опасности, связанной с присутствием Воробьева.

— Эта скульптура не годится! — покачал головой Валентин Петрович. — Врачи не разрешают мне поднимать тяжести. Но ты подбросил оригинальную идею. О скульптуре я как-то не подумал…

И Воробьев подвел друга к маленьким бронзовым фигуркам Аристида Майоля, которые свободно могли бы поместиться в кармане.

— Хороший скульптор этот Майоль?

— Конечно, он не Роден, — тоном знатока ответил Николай Сергеевич, — но мастер интересный.

— Ясно. Плохого здесь держать не станут. Обожди меня! — И Валентин Петрович заспешил к смотрительнице зала, бодрой старушке, которая зорко следила за тем, чтобы посетители не хватали руками произведения искусства.

— А вы не боитесь, — спросил Воробьев, — что кто-нибудь украдет вот те маленькие статуэтки?

Смотрительница охотно вступила в разговор:

— Одну уже украли! Но теперь с этим покончено. Теперь все статуи приморожены к постаментам!

— Как приморожены? — с профессиональным интересом переспросил инженер Воробьев.

— Очень просто — сжатым воздухом! — объяснила старушка.

— Спасибо! — Воробьев вернулся к Мячикову.

— Скульптуры отпадают в принципе — они приморожены к постаментам.

— Очень хорошо. Значит, их никто не стащит! — злорадно отозвался Мячиков, любуясь в этот момент картиной Матисса.

Валентин Петрович тоже посмотрел на картину и возмутился:

— Что ты в ней нашел? Она такая здоровенная!

— О картинах не судят по размеру! Дай мне спокойно смотреть! — взмолился Николай Сергеевич. — Я тут давно не был. Я хочу получать удовольствие!

— Мы здесь не за этим! — напомнил Воробьев.

Но Мячиков упорно стоял на своем:

— Лично я пришел сюда потому, что люблю смотреть картины!

— Ну хорошо, хорошо! — уступчиво сказал Воробьев, понимая, что к ценителю живописи нужен деликатный подход.

Следующей картиной, у которой Николай Сергеевич застрял надолго, был «Оперный проезд в Париже» Писсарро.

Валентин Петрович покорно дожидался, пока Мячикову не надоест глазеть на Париж.

— Это моя любимая вещь! — умилялся Николай Сергеевич. — Валя, спасибо, что ты меня сюда привел! Ах как хорошо! Как жаль, что мы редко бываем в музеях, засасывает нас текучка! Нет, надо чаще встречаться с искусством. Искусство — это единственная непреходящая ценность.

Воробьев немедленно отреагировал:

— Конечно, картина великовата, но тебе я верю! У тебя хороший вкус! Вот эту картину мы и

возьмем!

— Но я не хочу красть картину! — завопил несчастный следователь.

Посетители обернулись на него с недоумением. Кто-то засмеялся.

— Не ори! — обозлился Воробьев. — Чего ты разорался!

Мячиков рванулся к выходу, но Воробьев догнал его и сказал успокаивающе:

— Ну ладно! Не нервничай! Пойдем посмотрим выставку Рембрандта!

— Я пойду, но только с одним условием! — строго предупредил Николай Сергеевич. — Если ты еще хоть раз посмеешь…

— Не посмею! — кротко пообещал Воробьев.

В рембрандтовском зале висело семь картин. При виде великих полотен на Мячикова снизошло благоговение. От картины к картине он стал переходить на цыпочках!

— Маленьких только две! — заметил Воробьев.

— Ты опять за свое? — вскипел Мячиков.

Воробьев невинно пожал плечами:

— Какая из картин тебе больше нравится — та, где изгоняют из храма, или «Портрет молодого человека»?

— Не скажу! — уперся Мячиков.

— У молодого человека рама красивее! — вслух размышлял Валентин Петрович. — Красть нужно, конечно, Рембрандта. Тогда это на самом деле будет преступление века!

Мячиков молча побежал к выходу. С перепугу ему казалось, что все посетители музея смотрят не на шедевры, а на него. А герои картин тоже глядят не туда, куда им положено, а только на него, на Мячикова. Ему мерещилось, что бронзовые всадники, восседающие на бронзовых конях, указывают на него бронзовыми пальцами. Ужас объял Николая Сергеевича.

Современная проза, так же как современный кинематограф, не может обойтись без видений, снов и кошмаров, которые мучают главное действующее лицо. Только благодаря им, то есть видениям, снам и кошмарам, удается проникнуть в труднодоступный внутренний мир героя.

Кошмар Мячикова

Итак, ужас объял Мячикова. Ему почудилось, что одна из бронзовых лошадей подняла копыто, поддела им бронзовое ядро, на которое опиралась до этого много веков, и изо всех сил пульнула этим ядром прямо в него, в Мячикова. Ядро летело, набирая скорость. Но в самый последний

момент Мячиков изловчился, выставил вперед ногу и ловким ударом отправил ядро обратно. Оно заскрежетало, загудело и, изменив направление полета, угодило кавалеристу в лоб. На лбу сразу же вздулась гигантская металлическая шишка. Статуя пошатнулась и выругалась по-итальянски.

Опасность была велика, и Мячиков побежал, спасая шкуру. Сзади надвигался грозный цокот копыт. Два бронзовых наездника — кондотьер Коллеони работы скульптора Верроккио и кондотьер со страшной фамилией Гаттамелата работы Донателло — скакали за Мячиковым по залам музея. Несмотря на свои шестьдесят лет, Николай Сергеевич мчался как ракета-носитель, заткнув при этом за пояс пушкинского героя. За Евгением гнался всего-навсего один медный всадник, а за Мячиковым — два! В воспаленном мозгу Николая Сергеевича блеснула удачная мысль. Он вспомнил, что лошади не умеют скакать по лестницам, и устремился вниз по мраморным ступеням…

При выходе из музея дежурил милиционер. Мячиков подхалимски сказал ему:

— У меня ничего нет!

Милиционер поглядел на запыхавшегося старика как на ненормального и был почти прав.

Мячиков выскочил на свежий воздух, ждать Воробьева не стал и припустился по улице подальше от музея.

Он бежал до тех пор, пока не оказался у дома, где жили Воробьевы и Анна Павловна. Поднялся на третий этаж и позвонил в квартиру Воробьева.

Дверь открыл самый младший Воробьев — Витя.

— Бабушка дома? — спросил Мячиков.

— Никого нет. Я один. Заходите, дядя Коля, сыграем в подкидного дурака! — обрадовался мальчик.

— Денег у тебя, случайно, нет? — задал неожиданный вопрос Николай Сергеевич.

— А сколько надо?

— Рубля два…

— У меня только пять копеек! — вздохнул Витя.

— До свидания! — попрощался Николай Сергеевич. — Ты не говори деду, что я заходил. Ладно?

После того как Витя захлопнул дверь, Николай Сергеевич пересек лестничную клетку и позвонил к Анне Павловне.

Когда она появилась на пороге, Мячиков смущенно пролепетал:

— Анна Павловна… извините за беспокойство…

вы не одолжите мне, ну, рубля два… А то я вышел из дому без денег…

— Может быть, вам больше нужно? — радушно предложила женщина.

— Тогда дайте три! Я вам завтра верну!

Получив трешку, Николай Сергеевич выбежал на улицу и на ближайшем углу купил цветов ровно на три рубля. Через несколько минут он снова стоял у двери Анны Павловны. Снова она появилась на пороге, и Мячиков вручил ей букет:

— Вы свободны сегодня вечером? Давайте сходим в кино!

— А на какие деньги мы пойдем? Вы же, наверное, все потратили на цветы? — улыбнулась Анна Павловна.

— Я у вас опять одолжу! — нашелся Николай Сергеевич.

Глава шестая

Утром следующего дня Федяев вошел в комнату, где работал Мячиков.

— Добрый день, Николай Сергеевич! — сказал Федяев и забинтованной рукой, которая беспомощно висела на перевязи, указал на мужчину, выглядывавшего из-за его спины. — Познакомьтесь, это Юрий Евгеньевич Проскудин. Введите его, пожалуйста, в курс дела.

— В какой курс? — не понял Мячиков.

— Он вам все объяснит!

— А что у вас с рукой?

— Да ерунда, бандитская пуля! — ответил Федяев и улетучился. В приемной он столкнулся с директором обувного магазина.

— Зачем вы сюда ходите? — раздраженно спросил прокурор. — Я же вам сообщил, что сапоги украл водопроводчик. Он проник в магазин через канализационный люк. Вор уже сознался.

— Я и пришел сказать вам спасибо за то, что вы нашли жулика! — Благодарность переполняла директора. — Кстати, какой номер обуви у вашей жены? Мы только что получили лакированные туфли на широком каблуке, шведские. Это не

туфли, а мечта!

— Моей жене ничего не нужно! — вспылил Федяев.

— Что она, ходит босая? — обиделся директор магазина.

Тем временем в комнате Мячикова Проскудин приветливо улыбался хозяину. Проскудину было лет около тридцати пяти. Он был почти красив, улыбка у него была почти обаятельной, он был одет почти изысканно, был почти умен и выражался почти интеллигентно:

— Меня прислали на ваше место… Так сказать, смена поколений…

— То есть как на мое? — упавшим голосом произнес Николай Сергеевич. — Федор Федорович обещал мне месяц… Я как раз… почти нашел преступление, которое я раскрою!

— Какие вы, старички, неугомонные! Натерпелся я от вашего брата! — развел руками Юрий Евгеньевич.

— У меня нет брата! — сухо сказал Мячиков.

— Это я в переносном смысле… — все еще пытался наладить контакт Проскудин.

Но Николай Сергеевич был неприступен:

— У вас есть юридическое образование?

— Я окончил институт мясо-молочной про-

мышленности!

— Вас переводят к нам из мясокомбината? — с ехидством спросил Мячиков.

— Почти! — пошутил Проскудин. — Я заведовал райсобесом. Общался с такими, как вы. Давайте рассказывайте про свою работу, только, пожалуйста, покороче. А то люди вашего возраста разговорчивы, можно сказать болтливы. Я-то это знаю…

— За что вас погнали из райсобеса? — спросил Мячиков, свирепея.

— Следователю надо говорить правду. Он все равно до нее докопается. — Проскудин был настроен миролюбиво и доверительно. — Не повезло. Попал под кампанию: борьба с пьянством.

— Ах вы еще и алкоголик!

— Да нет… ну, выпил как-то… а кто теперь не пьет?.. У вас я долго не задержусь. Должность не по мне, и оклад не устраивает. Так, временное прибежище… — утешил он Мячикова.

— Значит, меня увольняют только для того, чтобы вы здесь отсиделись?

Когда робкие люди выходят из себя, их следует остерегаться. Но Проскудин этого не знал. Мячиков ему надоел, и, чтобы прекратить дискуссию, он выложил на стол козырного туза:

— Может быть, вы не знаете, но я от Андрея Никаноровича!

— Я так и думал, что вы по блату! — К полному удивлению Проскудина, Николай Сергеевич выбежал из кабинета.

Он примчался к входу в прокуратуру, где молодой милиционер читал Сименона.

— Петя, у тебя есть оружие?

— Есть, но оно не заряжено, — ответил дежурный милиционер.

— Сойдет! — махнул рукой Мячиков. — Может, это и лучше, а то заряженное может ненароком выстрелить!

— Опасный преступник, Николай Сергеевич? — Глаза милиционера жадно заблестели.

— Чрезвычайно! — сказал Мячиков, взял у милиционера браунинг и вернулся в кабинет.

— Руки вверх! — сказал он мрачно, направляя дуло на Юрия Евгеньевича.

— Ты что, сдурел? — перепугался Проскудин, но на всякий случай поднял руки.

— Встать! Шагом марш! — скомандовал Мячиков. Проскудин оторопело встал и зашагал к выходу. Николай Сергеевич неотступно следовал за ним, приставив незаряженный револьвер к его спине.

У выхода Николай Сергеевич задержался и приказал милиционеру:

— Петя, запомни его в лицо и больше сюда не впускай!

— Слушаюсь! — сказал милиционер.

— Ну, дедушка, я это тебе припомню! — злобно пообещал Проскудин.

Николай Сергеевич прицелился. Проскудин мгновенно исчез.

Мячиков отдал Пете оружие, возвратился к себе в комнату, снял телефонную трубку и набрал служебный номер Воробьева.

— Валя! — сказал Николай Сергеевич необычным для него стальным голосом. — Пойдем грабить музей!

— Коля! — ответил Валентин Петрович голосом, в котором пела отвага. — Встречаемся через двадцать минут у главного входа!

Через двадцать минут Мячиков и Воробьев с противоположных сторон приближались к месту намеченного преступления. Надвигались сумерки. Большая черная туча закрыла небосвод. Прогремел гром. Заговорщики встретились и многозначительно пожали друг другу руки.

Но, к сожалению, сегодня совершить кражу века не удалось.

На ограде Музея западной живописи висел плакат:

Выходной день.

Глава седьмая

Так как Мячиков музей не ограбил, а избыток энергии обязательно надо было израсходовать, он в отличие от Воробьева не вернулся на работу, а поспешил к Анне Павловне. Он не предупредил ее телефонным звонком и появился внезапно, как парной цыпленок в продовольственном магазине.

— Пройдемте в комнату! — возбужденно сказал Мячиков, когда Анна Павловна открыла дверь и с удивлением обнаружила незваного гостя.

— Пожалуйста! — неуверенно пригласила Анна Павловна. — Но у меня не совсем убрано. Я вас не ждала…

— Я тоже к вам не собирался! — ответил Николай Сергеевич, идя за Анной Павловной по коридору. — Если бы музей был открыт, я бы к вам не попал!

— Вы собирались в музей, у вас выходной день? — спросила Анна Павловна, когда они оказались в комнате.

— Выходной день не у меня, а в музее! — ответил Мячиков. — А на работе мне делать нечего!

— Что с вами? У вас нездоровый вид. — В голосе

Анны Павловны сквозило беспокойство.

— Я нахожусь в состоянии аффекта, — объяснил Николай Сергеевич, бегая по комнате из угла в угол, — а в этом состоянии человек способен на все! Поскольку потом я не смогу решиться, я себя хорошо знаю, я хочу поговорить с вами заранее!

— Успокойтесь, сядьте, пожалуйста! — Волнение хозяйки дома усилилось. — Хотите чаю? Может быть, вы голодны?

— Не отвлекайте меня, прошу вас! — попросил Мячиков. — А то я собьюсь с мысли!

Но бегать все-таки перестал и присел на подоконник рядом с цветочным горшком:

— Я пришел сделать вам предложение впрок!

Анна Павловна подумала, что ослышалась:

— Извините, но я не поняла, о чем вы говорите.

— Я прошу вас стать моей женой! Что тут непонятного? — Сейчас Николай Сергеевич мог говорить о чем угодно без всякого стеснения.

Всем женщинам мира нравится, когда им делают предложение. Анна Павловна покраснела и засмущалась:

— Но я вижу вас третий раз в жизни!

— Зато я давно знаю вашего Володю! — Мячиков привел сильный довод в свою защиту,

замолчал и с тревогой заглянул ей в глаза.

— Но я не могу так сразу… Это как-то странно… — ответила женщина в растерянности. — Вообще вы мне симпатичны… Но этого мало, чтобы выйти замуж. Давайте подождем… пусть пройдет время…

Мячиков горячо поддержал Анну Павловну:

— Я с вами согласен! Сейчас я и сам не могу на вас жениться! Не имею права! Потому я и говорил, что прошу вашей руки, можно сказать, вперед… на будущее! Если, конечно, все обойдется!

Последним высказыванием Николай Сергеевич окончательно запутал Анну Павловну, которая уже не понимала, сделали ей предложение или нет.

— Вы говорите так туманно…

— Это потому, что я не могу раскрыть тайну! Это не моя тайна! — прошептал Николай Сергеевич и почему-то огляделся по сторонам.

— Прилягте на диван! — предложила Анна Павловна, поняв, что Николаю Сергеевичу необходим покой.

— А я не знаю, что вы мне ответили: «да» или «нет»? — Мячиков слез с подоконника и остановился на полпути к дивану.

— Вам надо отдохнуть и прийти в себя! — Анна

Павловна заботливо уложила гостя, подсунула под голову подушку, сбегала на кухню, намочила под краном полотенце и, вернувшись в комнату, водрузила компресс на воспаленный лоб жениха.

— Поспите! — ласково посоветовала Анна Павловна, у которой был прирожденный талант сестры милосердия.

Николаю Сергеевичу стало хорошо. Он лежал на диване в комнате женщины, которую полюбил, а сама женщина присела возле него. Из мокрой повязки, холодившей лоб, приятно текло за шиворот. За стеной лениво переругивались соседи. Со спинки стула свисал ремень с кобурой, из которой высовывалась рукоятка револьвера.

По рукоятке Мячиков определил, что это маузер… Мячиков улыбнулся Анне Павловне и закрыл глаза. Не прошло и минуты, как он заснул светлым и безгрешным сном праведника, каким и был в реальной жизни.

Анна Павловна бережно сняла полотенце со лба спящего, накрыла его пледом и тихонько ушла на кухню готовить ужин…

А Николаю Сергеевичу приснился несбыточный сон…

Несбыточный сон Мячикова

Над городом висел вертолет. Из брюха вертолета спускалась веревочная лестница, за которую цеплялся человек в красном тренировочном костюме. В этом человеке следователь с удивлением опознал самого себя. Одной левой рукой держась за шаткую лестницу, Мячиков плыл над городом. Это напоминало начало знаменитого фильма Феллини «Сладкая жизнь». Только там вертолет нес статую Христа. Мячиков, однако, этого фильма не видел. Он вообще редко ходил в кино, к тому же «Сладкую жизнь» у нас не показывали. Зачем нашему зрителю сладкая жизнь?

Орлиным взглядом летящий сыщик шарил по магистралям. В потоке машин он засек ту самую «Волгу», которая была ему нужна до зарезу. Мячиков немедленно отдал распоряжение летчику, и вертолет погнался за автомобилем. Внезапно возникла угрожающая ситуация. Вертолет нес Николая Сергеевича прямо на фабричную кирпичную трубу. Столкновение Мячикова с трубой казалось неизбежным. Но Мячиков не растерялся. Он двумя ногами пихнул трубу, она покосилась и рухнула на мостовую. Мячиков огорчился, что нанес фабрике материальный

урон, и одновременно обрадовался тому, что, падая, труба никого не придавила.

Вертолет и преследуемый автомобиль мчались, не уступая друг другу в скорости. Вертолет мчался по небу, автомобиль — по скверному асфальту. Выбрав момент, Мячиков прицелился и прыгнул на крышу «Волги».

Преступник в маске, который вел автомобиль, был очень хитер. Он направил автомобиль в жерло фабричной трубы, так кстати поваленной Мячиковым. Но во сне Николай Сергеевич тоже был не дурак. Он опять уцелел. Он соскочил с автомобильной крыши и побежал по трубе, в то время как машина ехала внутри. Однако преступник невольно допустил ошибку. Он позабыл, что фабричные трубы, широкие у основания, затем постепенно сужаются. Поэтому он въехал в трубу на солидной «Волге», а выехал из нее на крохотной инвалидной коляске. И это было понятно, так как «Волга» не смогла бы протиснуться сквозь узкую горловину.

Но Мячикову было наплевать, на чем выехал преступник. Он прыгнул на крышу коляски, прорвал брезентовый верх, плюхнулся рядом с водителем и сорвал с него маску, в какой выступают обычно хоккейные вратари.

Под маской обнаружилось почти противное лицо Юрия Евгеньевича Проскудина!

…Когда Николай Сергеевич проснулся, Анны Павловны уже не было. Встав, Мячиков обнаружил записку, начертанную дорогой рукой:

«Ушла на работу. Ужин на столе».

Николай Сергеевич аккуратно сложил послание и спрятал его в карман, на память. Затем он с аппетитом поужинал, вымыл посуду, а перед уходом тоже оставил на столе записку и три рубля, которые одалживал накануне.

В записке было сказано: «Мне у вас очень понравилось. Мое предложение остается в силе».

Глава восьмая

Существуют проверенные, зарекомендовавшие себя способы грабить музеи изобразительного искусства.

Но Воробьев решил идти своим путем.

Дерзость замысла Валентина Петровича заключалась в том, что великое похищение должно было состояться среди бела дня на глазах у всех!

План Воробьева был нахален, элегантен и прост, как все великое! Валентин Петрович всегда и во всем был новатором…

Итак, кража века была назначена на среду пятнадцатое августа того самого года, в котором происходили описываемые события.

В ночь с четырнадцатого на пятнадцатое старики-разбойники не спали.

Николай Сергеевич написал сначала прощальное письмо дочери, которая жила с мужем в Красноярске, а затем принялся писать Анне Павловне.

Первое и последнее письмо следователя Николая Сергеевича Мячикова к любимой им Анне Павловне перед уходом на уголовное дело.

Дорогая Анна Павловна!

Когда Вы прочтете эти искренние строки, я уже буду сидеть в КПЗ, то есть в камере предварительного заключения. Пожалуйста, не думайте, что я настоящий преступник! Я, можно сказать, преступник поневоле. Я должен был так поступить во имя справедливости!..

Я был бы счастлив, если бы Вы когда-нибудь принесли мне в тюрьму передачу…

Так я и не поел Вашего куриного студня… Так мы и не были с Вами во Дворце спорта, не болели за Вашего Володю и не подбадривали его криками: «Шайбу! Шайбу!»

Теперь Вы, наверное, поняли, почему я делал Вам предложение впрок, на всякий случай…

Будьте счастливы, дорогая Анна Павловна! Я буду любить Вас до последней минуты, до тех пор, пока меня не зароют в могилу, покуда не вырастет над ней одинокая плакучая березка!

Преданный Вам Н. С. Мячиков.

В ночь с 14 на 15 августа…

Подпись Николая Сергеевича была неразборчивой: ее размыло слезами, которые текли из ангельских глаз автора письма…

У себя дома Валентин Петрович всю ночь ворочался с боку на бок. Заснуть не удавалось. Воробьеву хотелось отдать последние распоря-

жения, как положено человеку, которому грозит тюрьма. Днем Воробьев не сомневался в успехе, но ночами его уверенность ослабевала. Валентину Петровичу не терпелось разбудить Марию Тихоновну и посвятить в рискованную затею, но он понимал, что она обругает его и не пустит в музей…

Пятнадцатого августа солнце взошло ровно в пять часов.

Вместе с солнцем встал Николай Сергеевич и вышел на балкон, чтобы в последний раз полюбоваться на восход не через решетку.

Вместе с солнцем поднялся и Валентин Петрович. Он тоже вышел на балкон и сделал там легкую гимнастику. Ночные страхи прошли, и теперь Воробьев был готов к решающему броску. Пока Мария Тихоновна продолжала спать, Валентин Петрович стащил из комода скатерть, прокрался в ванную комнату, заперся в ней и обмотал скатерть вокруг торса. Ходить обернутым в скатерть было неудобно, но вынести скатерть в открытую — страшно. Валентин Петрович не боялся ограбить музей, но жены он боялся…

Воробьев пришел к Мячикову, как и было условлено, ровно в половине одиннадцатого. Правой рукой он опирался на трость, а в левой нес

сверток с веревками и двумя синими халатами, взятыми в лаборатории «Промстальпродукции».

— Ты готов? — громогласно спросил с порога Воробьев.

— Нет! — тихо ответил Николай Сергеевич.

Его тон заставил Валентина Петровича насторожиться. Он испытующе посмотрел на друга:

— Струсил?

— У меня такое ощущение, Валя… ты не понимаешь, на что мы идем! — Николай Сергеевич старался говорить мягко, но убедительно. — Думаешь, в случае неудачи нам дадут пятнадцать суток? Должен тебя разочаровать: нам дадут пятнадцать лет, что в нашем возрасте… Этот срок я обещаю тебе как юрист!

На секунду Воробьев заколебался, потом в его глазах появилось упрямство, и он решительно сказал:

— Большому кораблю — большое плавание!

— Валя! — настойчиво продолжал Мячиков. — Нам никто не поверит, будто это чудовищное преступление мы совершили для того, чтобы меня не турнули на пенсию! Этого мы никому не докажем! Мы станем для человечества теми, кто осквернил память Рембрандта!

— Наш суд мне поверит! — несколько неуве-

ренно произнес Воробьев.

— Много ты про это знаешь! — махнул рукой Николай Сергеевич.

— Но я уже взял разгон, я набрал скорость, я уже не могу затормозить! — Воробьев подбадривал не только друга, но и самого себя.

— Валя! Ты идешь на это ради меня, а я этого не стою! — продолжал отговаривать Мячиков.

И тогда Валентин Петрович сказал убежденно:

— Нет, Коля! Стоишь! Ты человек с большой буквы! Я тебя люблю!

— Я тебя тоже люблю, Валя! — дрогнувшим голосом произнес Николай Сергеевич, сдерживая нахлынувшие слезы.

— Пойми, плакса! — нежно сказал Воробьев. — Мы должны доказать, что старики тоже люди! Мы заставим считаться с нами, мы заставим себя уважать! Мы идем защищать святое дело, вперед!

— Если ты это делаешь ради меня, — взволнованно сказал Мячиков, энтузиазм друга увлек его, — то я пойду на это ради тебя!

Воробьев растроганно обнял старого товарища:

— Давай посидим перед дорогой!

Они присели на диван, помолчали с минуту, а

потом Мячиков, именно он, скомандовал:

— В путь!

«Бандиты» встали, вышли из квартиры, спустились по лестнице и оказались на Липовой улице.

— Какая сегодня прекрасная погода! — сказал Николай Сергеевич, щурясь под солнечными лучами. — В такой день особенно не хочется садиться в тюрьму!

— Типун тебе на язык! — И Воробьев прибавил шагу.

— Зачем ты взял трость? — Мячиков старался не отставать.

Валентин Петрович обрадовался:

— Вот видишь, ты не догадался. Это не трость, а раздвижная лестница. Я ее сам сконструировал.

— Но с палкой в музей не пустят! Скажут, чтобы мы оставили ее в раздевалке.

— Хромого пустят! — И Воробьев натурально захромал, припадая на левую ногу. — Ну как?

Восторга в друге он не вызвал. Мячиков сказал довольно хмуро:

— Надеюсь, сойдет!

— Не нравится мне твое настроение! — назидательно заметил Воробьев.

Старики сели в троллейбус и через полчаса очутились возле музея. Здесь было много автобусов,

из которых высаживались туристы, приехавшие буквально со всего света.

Мячиков решил схитрить:

— Погляди, сколько народу! Они примчались издалека, чтобы поглядеть на картины Рембрандта. Давай не будем лишать их этого удовольствия. Ведь если мы возьмем одну картину, они увидят на картину меньше!

— Посторонние разговоры я запрещаю! — рявкнул Воробьев. — Операция началась! За мной!

Хромая и опираясь на трость, предводитель ринулся к входу в музей. Его робкое войско в составе Н. С. Мячикова поплелось следом. Пройдя через входные двери, отряд похитителей попал в маленький вестибюль. Справа при входе находилась касса, где в очереди за билетами выстроились несколько человек. Мраморная лестница вела вниз, в гардероб. Как и положено командиру, Воробьев шагал впереди. Не забывая хромать, он начал спускаться по лестнице. А его войско встало в очередь за билетами. Оказавшись внизу, Воробьев стал терпеливо ждать, пока подойдут главные силы. Наконец в толпе экскурсантов показалась долгожданная армия. Она имела бледный вид.

— За мной, в туалет! — отдал приказ хромой

атаман.

— Хоть мне и страшно, но я не хочу… — возразили войска, но покорно последовали в мужской туалет. Там они начали выполнять приказ и расстегивать пуговицы.

— Мы пришли сюда не за этим! — приструнило командование солдатские массы, открыло дверь в кабину и пальцем поманило войско.

Запершись в кабине, отряд преобразовался. Он, то есть отряд, вышел из кабины одетым в синие маскировочные халаты. Точно в таких халатах ходят музейные рабочие. Отряд нес лестницу длиной в шесть метров. Впереди маршировал Воробьев, а замыкал колонну Николай Сергеевич, моральный дух которого был равен нулю. Он не столько нес лестницу, сколько держался за нее, чтобы не упасть от страха.

При виде контролеров, дежуривших у центрального входа, Мячиков машинально достал из кармана входные билеты. По счастью, Воробьев это заметил и отдал распоряжение билеты немедленно спрятать.

— Но нас не впустят! — прошептал Николай Сергеевич.

— Мы делаем вид, будто здесь работаем! Зачем же нам билеты, обалдуй?

Напарник не остался в долгу:

— А зачем ты тогда хромаешь? Теперь ведь у тебя в руках не трость, а лестница!

— Спасибо за критику! Учту! — сказал Воробьев.

За перепалкой они не заметили, как миновали контроль и, повернув налево, оказались в зале номер двадцать восемь. Именно здесь экспонировалась картина Рембрандта ван Рейна «Портрет молодого человека», над которым нависла угроза похищения.

Глава девятая

Старики в синих халатах поставили лестницу возле стенда, где висела обреченная картина.

Как и следовало ожидать, к ним немедленно подошла смотрительница:

— Что собираетесь делать? — Ее голос звучал строго. Но Воробьев правильно рассчитал, что смотрительница не может знать в лицо всех рабочих, так как штаты музея, как и все остальные штаты, не могут не быть раздутыми.

— Отнесем ее на реставрацию! — спокойно ответил Воробьев; а Николай Сергеевич не сказал ничего, так как потерял дар речи.

— Что за странная лестница? — удивилась смотрительница.

— Экспериментальная, — опять спокойно объяснил Воробьев. — Ее по заказу музея сделал народный умелец. Колька! — обратился он к Мячикову. — Обожди, я сейчас! — И исчез, оставив партнера в критическом положении.

Все поплыло и закружилось перед глазами Николая Сергеевича. И картина Рембрандта, и старушка-смотрительница, и посетители, и он сам. Николая Сергеевича вернул к жизни опти-

мистический голос Воробьева:

— Я вывернул пробки, чтобы отключить звуковую сигнализацию. Коля, ты держи картину, а вы, — попросил он смотрительницу, — придерживайте, пожалуйста, лестницу. Так-то она крепкая, но мало ли что…

Мячиков коченеющими руками схватился за золоченую раму, смотрительница взялась за лестницу, а Валентин Петрович начал взбираться наверх.

Возле бригады рабочих скапливались посетители. Скоро образовалась толпа; все хотели в последний раз взглянуть на картину, которую сейчас унесут.

Воробьев умело развязал узлы, затем спустился вниз, укоротил лестницу, отобрал у Николая Сергеевича картину, приказал ему:

— Неси лестницу! — И, кивнув смотрительнице, направился с картиной к выходу. Николай Сергеевич пошел за Воробьевым. Ему мерещилось, что он идет на эшафот, неся лестницу, по которой будет взбираться к виселице, чтобы продеть голову в петлю.

Они вновь миновали контроль, и вновь Воробьев увлек Мячикова в туалет. Там он впихнул сообщника в кабину, превратил лестницу в

трость и сунул Николаю Сергеевичу шедевр:

— Подержи его! А я пойду вверну пробки.

— Они сами включат, — запротестовал Мячиков. — Уйдем отсюда, и поскорее!

— Сейчас во всем музее отключена сигнализация. А что, если этим воспользуются настоящие жулики?

— Ты прав! Иди! — Николай Сергеевич заперся на задвижку и остался в мужском туалете с подлинным Рембрандтом в руках.

Через несколько минут Валентин Петрович возвратился.

В туалете царила мертвая тишина.

— Коля, ты в какой кабине? — забеспокоился Воробьев.

— Мы здесь! — послышался трусливый голосок.

— Кто — мы? — перепугался Воробьев.

— Я и молодой человек! — эзоповым языком напомнил Николай Сергеевич. — Разве ты забыл, что мы украли картину?

Воробьев огляделся по сторонам, но в туалете, слава богу, кроме них, никого не было.

— Впусти меня! — распорядился глава экспедиции.

Войдя в кабину и снова запершись, Воробьев

разделся, размотал с торса скатерть, тщательно завернул в нее картину и перевязал веревками. Халаты он сложил в сверток и сказал Мячикову:

— Ты видишь, как это просто!

Чтобы выбраться из музея, надо было пройти мимо раздевалки. Гардеробщики не обратили на похитителей ни малейшего внимания. Однако у самого выхода дежурил милиционер. Он специально дежурил на этом месте, чтобы из музея нельзя было ничего вынести.

Николай Сергеевич осознал, что курносый милиционер и спина Воробьева, идущего впереди, — последнее, что он видит в свободной жизни.

— Что несете? — напрямик спросил милиционер.

— Картину Рембрандта! — тоже напрямик ответил Воробьев.

Милиционер оценил шутку и засмеялся. У милиционера было развито чувство юмора, и это спасло друзей.

Воробьев, который нес картину в руках, отворил дверь и пропустил Мячикова вперед:

— Пожалуйста!

— Вот видишь! — заметил Воробьев, когда они шли по улице, направляясь к троллейбусной оста-

новке. — Надо всегда говорить только правду!

Потом они ехали в троллейбусе, и кто-то из пассажиров толкнул Воробьева. Мячиков — он постепенно приходил в себя — укоризненно сказал:

— Товарищ, осторожнее! У него в руках картина из музея, а это народное достояние!

Так была совершена кража века…

Глава десятая

Картина Рембрандта, одетая в резную золоченую раму, стояла на диване, прислоненная к подушке.

— Представляю себе, какая сейчас паника в музее! — гордо сказал Воробьев. — Милицейские машины, сирены, музей оцеплен, обыскивают всех посетителей…

Он не договорил, потому что услышал глухой стук.

Николай Сергеевич лежал на полу в обмороке. Увидев произведение Рембрандта в своей квартире, он понял, что, собственно, произошло, и потерял сознание.

Воробьев в испуге кинулся к телу друга и закричал:

— Коля! Коля! Что с тобой?

Коля не отвечал. Тогда Воробьев схватил телефонную трубку и набрал 03 — номер «скорой помощи»:

— Приезжайте скорее! Человек лежит на полу и не подает признаков жизни!

— Где лежит? — спросил женский голос. — Дома или на улице?

— Дома.

— Тогда обращайтесь не к нам, а в «неотложную помощь»!

Воробьев хотел возразить, но не успел. Опытная дежурная повесила трубку.

Воробьев долго дозванивался в справочное бюро, чтобы узнать телефон «неотложки», а когда добрался до нее, начал так:

— Человек умирает!

— Фамилия? — заученно спросили Валентина Петровича.

— Мячиков.

— Имя и отчество?

— Николай Сергеевич! Зачем вам отчество? Вы лучше приезжайте скорее!

Но прекратить бесстрастный допрос было невозможно.

— Сколько лет?

— Шестьдесят. Но какое это имеет значение?

— Домашний адрес?

— Липовая, тридцать один, квартира пять.

— Какая у больного температура?

Воробьев взвился:

— Человек без сознания, а вы хотите, чтобы я мерил ему температуру!

— На что он жалуется?

— Он уже ни на что не жалуется!

— Ждите! Врач будет!

И в трубке послышались короткие гудки.

Пока Воробьев изо всех сил добивался медицинской помощи, Мячиков открыл глаза, опять увидел памятник мирового искусства и тихо застонал.

Воробьев склонился над ним:

— Как ты, Коля? Что у тебя болит?

— Совесть!

— Возьми валидол и положи под язык! — Валентин Петрович достал из верхнего кармана пиджака лекарство, одну таблетку дал Николаю Сергеевичу, а другую взял себе. Теперь разбойники в унисон сосали валидол.

Воробьев снял с дивана одну из подушек и положил под голову Мячикову, который все еще валялся на полу.

— Ну что же, отдохнешь, а потом тащи картину твоему Федяеву. Не успела она пропасть, как ты ее нашел!

— Я сам хочу избавиться от нее как можно скорее! — Николай Сергеевич встал, хотел было опуститься на диван, но сидеть рядом с молодым человеком не отважился. Мячиков явно боялся картины и поэтому забился в противоположный

угол комнаты. — Я могу вернуть картину после того, как прокуратура начнет розыск. Иначе все будет выглядеть подозрительно: откуда это я узнал, что картину стащили?

— Тогда беги поскорее в прокуратуру, — посоветовал сограбителю Воробьев, — а то расследование поручат кому-нибудь другому…

«Неотложка» приехала тогда, когда в квартире уже никого не осталось. На звонок в дверь не ответили, на стук тоже.

— Надо выламывать дверь! — распорядился врач. — Может быть, мы успеем его спасти!

Послали за слесарем. Он пришел вместе с управдомом. Слесарь не стал затевать долгой возни с замком. Он разбежался и вышиб современную дверь плечом.

Войдя в квартиру, врач, шофер, управдом и слесарь долго искали покойника, но остались с носом. На картину Рембрандта никто, естественно, не обратил ни малейшего внимания.

— Должно быть, хозяин живой! — огорчился управляющий домом. — Ушел куда-нибудь, а мы дверь ломали. Кто же теперь будет за это отвечать?

Возмущенный врач составил акт.

— Безобразие! У меня столько вызовов, а такие,

как ваш симулянт Мячиков, отрывают меня от больных. Мы его оштрафуем!

Врач и шофер быстро ушли, а управдом приказал слесарю:

— Давай ремонтируй дверь!

— А кто мне за это заплатит? — уперся слесарь.

— Тогда так… — решил управдом. — Ты тут дождись хозяина и заодно покарауль квартиру. Придет хозяин, с ним сговоришься!

Управдом отправился обратно в контору, а слесарь включил телевизор, снял с дивана картину Рембрандта и лег, заняв ее место. Этот слесарь любил смотреть телевизор лежа…

О том, что случилось у него на квартире, Мячиков понятия не имел: когда Воробьев взывал к медицине, Николай Сергеевич пребывал в беспамятстве. А когда Мячиков пришел в себя, Валентин Петрович так обрадовался этому, что позабыл рассказать про вызов.

Николай Сергеевич с трепетом переступил порог прокуратуры. Если еще вчера Мячиков был порядочным человеком, то сегодня он стал человеком с двойным дном. С одной стороны, он продолжал оставаться следователем, с другой стороны, превратился в нарушителя закона. В

душе у него одновременно звучали две мелодии, похоронная и бравурная, образуя сумбур вместо музыки. Две ноги Мячикова тоже жили в разладе. Если одна безбоязненно торопилась в кабинет Федяева, то другая панически бежала прочь из здания прокуратуры. Победила бесстрашная нога, и Мячиков возник в кабинете Федора Федоровича.

— Привет, шеф! — развязно сказала одна половина, а другая поспешно добавила: — Извините за бесцеремонное вторжение!..

— Рад вас видеть, присаживайтесь! — безразлично сказал Федяев.

— Я бы хотел... у вас... узнать... — запиналась робкая половина Мячикова, а нахальная ее перебила: — Почему, в конце концов, вы не поручаете мне расследование грандиозного преступления?

— Но за последние дни ничего существенного не произошло! — ответил Федяев, обескураженно разглядывая подчиненного.

— Неужели ничего существенного? — лицемерно опечалилась осторожная половина, а неосторожная брякнула: — Я чувствую сердцем, что произошло преступление века!

— Сердце вас обманывает, — насмешливо заметил прокурор. — В нашей стране преступление

века произойти не может.

— Если вы мне его не доверите, — продолжала активная половина и в запале проговорилась: — Я найду эту картину на общественных началах!

— Какую картину? — Федяев ровным счетом ничего не понимал.

Мячиков смекнул, что зашел слишком далеко:

— Я имел в виду неприглядную картину преступления!

Он наконец-то сообразил, что начальнику еще ничего не известно о краже в музее. Оставаться в кабинете было бессмысленно, активная половина могла сболтнуть еще что-нибудь, и поэтому человек с двойным дном решил было ретироваться, но не успел.

Широко распахнулась дверь, и в кабинет ввалились сотрудники прокуратуры в полном составе. Во главе их шагал бесподобно красивый и неправдоподобно элегантный мужчина. Он не шагал, а, скорее, шествовал и улыбался. Улыбка у него была благородной, честной и неподкупной. Такая улыбка располагала и обвораживала. Этому человеку сразу хотелось доверить все — и душу, и тайну, и кошелек.

— Можно начинать, гражданин начальник? — спросил он у прокурора.

— Действуйте! — махнул рукой прокурор.

Несравненный красавец встал напротив Николая Сергеевича:

— Дорогой мой благодетель, Николай Сергеевич! Сегодня ровно пять лет, как я вышел на свободу. В своем проклятом прошлом я раздевал людей. Теперь я их одеваю. И все это благодаря вам. Разрешите поднести вам плоды своего честного труда!

И бывший уголовник распаковал пакет, который принес с собой, заставил Мячикова снять темно-синий пиджак и надеть ослепительно-белый.

Все, включая Федяева, зааплодировали, а Николай Сергеевич растроганно расцеловался с портным.

Правда, пойти домой в белом костюме, годном разве для фестиваля в Каннах или для «Голубого огонька», Николай Сергеевич не рискнул. Он нес костюм в свернутом виде.

Мячиков шел и мучительно размышлял над тем, почему в музее не бьют тревогу.

Когда Николай Сергеевич вернулся домой, то увидел, что в его квартире высажена входная дверь.

Мячиков сразу разгадал, что на самом деле

двойную игру вел Федяев, который искусно притворялся, будто ничего не знает о похищении. Замысел Федяева стал ясен старому следователю.

Прокурор решил сначала захватить картину, поскольку она представляла бо`льшую ценность, нежели Мячиков, а уже потом арестовать его самого. Николай Сергеевич не сомневался, что в квартире ожидает засада.

Николай Сергеевич мог убежать. На мгновение эта недостойная, но естественная мысль промелькнула в его опустошенном мозгу. Но он отверг ее со всей решительностью.

Ему не хотелось скрываться и жить в подполье. Он устал от безумств. Он был рожден для спокойной, размеренной жизни. Он вошел в квартиру, готовый сдаться властям.

Слесарь лежал на диване и все еще смотрел по телевизору хоккейный матч.

— Я вас давно жду, — сказал слесарь. Он сел и жестом пригласил хозяина квартиры устраиваться рядом. — Давайте досмотрим хоккей, а потом перейдем к делу!

Николай Сергеевич догадался, что оперативник, пришедший его брать, — хоккейный болельщик. Он взглянул на экран и узнал Володю, который мчался на коньках к воротам противни-

ка. Но сейчас Мячикову было не до сына любимой Анны Павловны. Мячиков думал о том, как предупредить друга, как спасти его. В трагическую минуту он заботился не о себе, а о Воробьеве.

— Можно я позвоню? — спросил Николай Сергеевич у слесаря, не надеясь на положительный ответ. Однако слесарь кивнул.

Мячиков подошел к телефонному аппарату, набрал номер и, с опаской поглядывая на слесаря, шепотом сказал Воробьеву, который снял трубку:

— Это я! За мной пришли! Он досматривает хоккей! Тебя я не выдам! Прощай навек!..

Потом он повесил трубку, присел рядом со слесарем и вежливо поблагодарил:

— Большое спасибо, что вы разрешили мне позвонить! Вы очень добры!

Но слесарь, поглощенный игрой, не обращал внимания на слова Мячикова, он их не слышал. Он подпрыгнул на диване и заорал:

— Бей! А... а... мазила!

Когда матч кончился, слесарь выключил телевизор и в упор посмотрел на несчастного:

— На пол-литра дадите?

Николай Сергеевич растерялся и спросил, ничего не соображая:

— За что?

Слесарь понял его по-своему:

— Замок придется чинить, петли перевешивать. И потом, плечо у меня до сих пор болит; думаете, просто было дверь высаживать?

— Вы кто? — едва слышно произнес Мячиков.

— Слесарь я, из домоуправления!

— Ах вы слесарь! — повторил Николай Сергеевич и стал сползать с дивана на пол, второй раз теряя сознание.

Испуганный слесарь рванулся к телефону вызывать «скорую помощь».

Все началось сызнова.

Глава одиннадцатая

Узнав о том, что Мячикова взяли, Валентин Петрович посинел от злости. Он швырнул телефонную трубку и выругался. И заметался по комнате, с грохотом опрокидывая стулья.

На шум прибежала жена:

— Что с тобой, Валя?

— Мерзавцы! — бушевал Воробьев. — Я им покажу! Я этого так не оставлю! Они хватают невинного, когда виновный, — он ударил себя кулаком в грудь, — гуляет на свободе!

К полному удивлению Марии Тихоновны, он обнял ее и сказал с надрывом в голосе:

— Прости меня, Маша! Ты была мне прекрасной женой. Поцелуй детей и внука.

И опрометью кинулся прочь из дому.

Мария Тихоновна рванулась вдогонку:

— Куда ты?

— В тюрьму! — не оглядываясь, буркнул Воробьев и скрылся из виду.

А слесарь, закончив телефонный разговор с дежурной, наклонился над Николаем Сергеевичем и понял, что «скорая помощь» может уже не приезжать. Мячиков лежал абсолютно безды-

ханный. Доброму слесарю не хотелось оставлять усопшего на сквозняке. Слесарь бескорыстно навесил дверь и, сняв кепку, на цыпочках покинул квартиру. Стук захлопнувшейся двери вернул Мячикова к жизни, и он открыл голубые глаза… Мячиков и не подозревал, что его справедливый и неугомонный друг спешит сдаваться властям, чтобы принять вину на себя.

Валентин Петрович решил отдаться в лапы правосудия не по месту жительства, в районном отделении милиции, а самому Федяеву.

— Федяев у себя? — закричал Воробьев, ворвавшись в приемную.

— Он на перевязке! — ответила секретарша.

— Я подожду! — угрожающе сказал Воробьев и уселся на стул возле двери прокурорского кабинета. По мере того как шло время, решимость в душе Воробьева медленно, но верно сдавала передовые позиции чувству страха, недостойному такого человека, как Валентин Петрович.

Когда страх на семьдесят пять процентов заполнил организм Воробьева, в приемную Федяева вбежал Мячиков.

— Ты уже у него был? — в панике спросил Николай Сергеевич.

— Откуда ты взялся? — Глаза Валентина Пет-

ровича засветились радостью. — Тебя уже выпустили?

— Я тебя еще раз спрашиваю: ты уже был у Федяева?

— Не могу его дождаться! — гневно воскликнул Воробьев.

Николаю Сергеевичу сразу полегчало.

— Ваш друг, Николай Сергеевич, упорно отказывается рассказать, зачем ему нужен Федяев, — кокетливо сказала Мячикову секретарша.

— В общем, скрывать тут нечего. Я один ограбил музей! — Воробьев был убежден, что все уже раскрылось и надо выгораживать Мячикова. — Ваш следователь, — он показал на него, — здесь ни при чем.

Николай Сергеевич обиделся. Он позабыл, что примчался сюда уберечь друга от ненужного признания.

— Нет, при чем!

— Я один все сделал! — сказал секретарше Воробьев. — Не примазывайся! — прикрикнул он на друга.

Однако Николай Сергеевич не мог допустить, чтобы Воробьев отвечал за все в одиночку, и он припер его к стенке!

— Но картина-то у меня!

— Я ее отнес к тебе на сохранение, но ты не знал, что она краденая! — нашелся Валентин Петрович.

Но Мячиков вошел в азарт:

— Как я мог этого не знать, когда украл ее я!

Мячиков помнил одно: надо отводить от друга беду. Но и тот помнил то же самое и поэтому зашелся:

— Ты врал! Ты жалкий хвастун!

Секретарше надоела старческая болтовня.

— Это только на Западе крадут картины, а у нас — бессмысленно! Продать некому. Извините, товарищи, вы мне мешаете работать.

В это мгновение Валентина Петровича озарило. Он понял, что секретарша ничего не знает. А если не знает секретарша, значит не знает никто. Воробьев ужаснулся тому, что чуть не провалил всю затею. Он поглядел на Мячикова диким взором и шепотом спросил:

— Ты откуда сюда пришел?

— Из дому! — многозначительно ответил Николай Сергеевич.

— А там ты не был? — Воробьев сделал ударение на слове «там».

— Не был!

— Но ты же мне звонил!

— Это роковая ошибка!

— Здесь никто ничего не подозревает!

— Никто!

— Почему?

— Сам поражаюсь! — сказал Мячиков, и в нем проснулся профессиональный инстинкт. — Дайте мне, пожалуйста, телефонный справочник, — обратился он к секретарше. И, найдя номер, позвонил в музей: — Говорит следователь Мячиков. Не было ли у вас сегодня произведено хищение?

Николай Сергеевич выслушал ответ и попрощался:

— Извините, благодарю вас, всего хорошего!

Он повесил трубку и, глядя в хорошие глаза Воробьева, медленно произнес:

— Из музея ничего не похищено! Ни сегодня, ни в предыдущие дни!

На Воробьева было жалко смотреть.

Не сговариваясь, старики сорвались с места и кинулись к выходу.

На улице Николай Сергеевич взял Воробьева под руку:

— Это я во всем виноват! Прости меня, Валя! Я принял слесаря за оперативника, который пришел меня арестовать!

— Но как ты догадался, что я здесь?

— Я знаю твой характер!

— Прости меня, Коля! — Воробьев и сейчас не уступал другу. — Это я во всем виноват! Я поспешил к Федяеву и едва не погубил нас обоих! И я тебя, конечно, прощаю! Но музею я этого не прощу! Что они там, ослепли?

— Иди скорее домой! — забеспокоился Николай Сергеевич. — Я тебе звонил, там все с ума сходят!

— А ты скорее поезжай к себе, сторожи Рембрандта!

И старики разошлись.

Пока Мячиков добирался домой, его успели опередить. Приехала медицинская помощь, вызванная слесарем. Прибыл тот же врач и тот же шофер. Ни на звонок, ни на стук никто дверь не отворил. Врач, не мстительный по натуре, на этот раз взъерепенился. Он вызвал управдома и опять приказал взломать дверь! Управдом послал за слесарем, тот опять разбежался и, как снаряд, вонзился в препятствие. Дверь рухнула, и слесарь приземлился рядом с Рембрандтом…

Подходя к дому, Николай Сергеевич увидел возле подъезда машину с красным крестом, в которую внесли слесаря. «Неотложка» приезжала не зря. У слесаря был перелом плеча.

Поднявшись по лестнице, Николай Сергеевич обнаружил, что дверь его квартиры опять взломана. Готовый ко всему, он вошел в пролом, заглянул в комнату и облегченно вздохнул. Картина Рембрандта была на месте. Николай Сергеевич присел на диван и стал размышлять: кому и зачем понадобилось второй раз выламывать дверь?

Глава двенадцатая

— Надо идти в музей и выяснить, почему они не паникуют! — сказал Воробьев на следующее утро.

— Но смотрительница нас опознает, — возразил следователь и с ненавистью поглядел на шедевр.

— А мы загримируемся! — подал увлекательную идею Воробьев. — Я буду без лестницы, без халата, но зато в очках!

— Мало! — высказал сомнение Мячиков. — Тебе нужны усы или борода. А мне как быть?

— Остричься наголо! — не задумываясь, решил Воробьев. — Тебя родная мать не узнает!

Но остричься Мячиков отказался:

— Страшно! А вдруг они в моем возрасте больше не вырастут?

— Как же тебя видоизменить? — задумался Воробьев, пристально разглядывая друга. — У тебя яркая внешность!

— Неужели? — Мячиков с надеждой поглядел в зеркало и не увидел в нем ничего яркого.

— Я придумал! — Воробьев даже подпрыгнул от радости. — Мы тебя перекрасим!

— В негра? — испугался Мячиков.

— Нет, не целиком, только волосы! — утешил Валентин Петрович. Ему стало по-детски интересно.

— Не желаю краситься! — заупрямился Мячиков.

— Почему?

— Стыдно! Красятся только женщины! — стоял насмерть Николай Сергеевич. — Это идиотизм. Этого не будет никогда! Лучше я приклею бороду!

— Где ты ее возьмешь?

— Есть специальный театральный магазин. Сейчас я туда позвоню.

Мячиков дозвонился директору, который ему вежливо сообщил, что в настоящий момент бород нет. Но поступление волосяных изделий ожидается в следующем квартале.

— До следующего квартала ты можешь отрастить свою собственную бороденку, — заметил Воробьев. — Придется краситься!

— Не буду! Мне все это ужасно надоело. Забирай своего Рембрандта и уходи.

— Это не по-товарищески! — обиделся Воробьев. — Хорошо, пойдем в музей незагримированными, пусть нас схватят!

Мячикову не хотелось ссориться:

— Предложи еще что-нибудь!

— Пожалуйста! — Воробьев был начинен идеями, как котлеты в столовой — хлебом. — Мы сделаем из тебя иностранца!

— Не хочу быть иностранцем! — перепугался Мячиков. — Мне и здесь хорошо!

— Не бойся, ты будешь иностранцем временно. Мы пойдем в музей как иностранные гости. Я буду изображать твоего переводчика.

— А на каком языке я должен говорить? — спросил Мячиков. — Я ведь на других языках ни гу-гу…

— Ты будешь молчать! Может быть, ты глухонемой иностранец! — нашелся Воробьев.

— А зачем глухонемому переводчик?

— Много будешь знать, скоро состаришься! — ответил старику старик.

Не позже чем через час по улице шли двое. В мужчине с приклеенными усами нетрудно было узнать Воробьева. Рядом с усатым осторожно ступал человек в чалме, сооруженной из полотенца, со смуглым лицом, в длинной белой рубахе и белых брюках, которые смахивали на нижнее белье. Туалет заканчивался босоножками, надетыми на голые ноги. В отличие от лица ноги не

были смуглыми: наверное, не хватило краски.

— Тебе этот костюм очень к лицу, Коля! — шепнул иностранцу Воробьев.

Когда иностранец и переводчик пришли в рембрандтовский зал, им все стало ясно.

На стенде, где еще вчера красовалось произведение раннего Рембрандта «Портрет молодого человека», висела табличка: «Картина на реставрации».

Старики покинули музей, возмущенные до глубины души. Они шли по улице, размахивали руками и говорили так громко, что прохожие оборачивались.

— Ротозеи! — кипел иностранец. — У них из-под носа вынесли картину, которой цены нет, а они не обратили на это внимания!

— Везде так! — мрачно изрек усатый. — Завтра украдут памятник Пушкину, и этого тоже никто не заметит.

— Это потому, — поддержал глухонемой, — что у нас никто и ни за что не отвечает!

— Всем на все наплевать! — шумел усатый переводчик.

Распаляя друг друга, старики договорились бог весть до чего, с чем авторы категорически не согласны и поэтому не приводят их слова. Когда из

стариков вышел пар, они перестали кипятиться, сели в сквере на скамейку и начали обсуждать создавшуюся ситуацию.

— Может быть, написать в музей письмо и намекнуть, что картину свистнули? — предложил переводчик, но иностранец с сожалением заметил:

— Но мы ведь не можем его подписать!

— Пошлем анонимку! — сказал усач, но разборчивый друг пристыдил его:

— Как тебе не совестно! Мы не станем опускаться до анонимок! Кроме того, у нас не верят анонимным письмам!

— Преступление века зашло в тупик, — сказал переводчик и вдруг опомнился. — А почему ты разговариваешь по-русски? Ты же глухонемой иностранец…

Глава тринадцатая

Тринадцатой главы в повести нет. Кто-то когда-то выдумал, что число тринадцать несчастливое. Несознательные авторы в это верят.

Глава четырнадцатая

Николай Сергеевич ухаживал за Анной Павловной старомодно, то есть неторопливо. Он пригласил ее в театр. В антракте угощал ее лимонадом и пирожным. А во время действия сидел скромно, не давая воли рукам.

После спектакля Мячиков повел любимую домой, даже в мыслях не намереваясь остаться у нее на ночь.

— Дорогая Аня! — сказал Николай Сергеевич, когда они подошли к подъезду. — Разрешите мне вас так называть. Сейчас я вам докажу, как я к вам отношусь. Я вверю вам свою тайну и свою судьбу. Правда, я не назову вам сообщника, потому что не имею права распоряжаться чужой жизнью.

С Анной Павловной еще никто не разговаривал в таком высокопарном стиле.

И Николай Сергеевич, волнуясь, рассказал ей детективную историю о похищении картины великого голландца.

Анна Павловна всему безоговорочно поверила. Она посмотрела на Николая Сергеевича обновленными глазами. Она не сочла его безумным. Она поняла его устремления, а его отвага и бес-

страшие покорили ее!

Николай Сергеевич тревожно ждал приговора.

Анна Павловна долго молчала, собираясь с мыслями и чувствами.

И тогда чуткий Николай Сергеевич понял, как надо поступить. Он достал из кармана прощальное письмо и вручил Анне Павловне:

— Здесь все написано. Это письмо я сочинил в ночь перед преступлением…

Он поцеловал ей руку и скромно ушел.

Анне Павловне не терпелось прочесть послание. Она вскрыла конверт в парадном и прочла письмо при тусклом свете запыленной лампочки в двадцать пять свечей.

Дойдя до слов: «…я буду любить Вас до последней минуты, до тех пор, пока меня не зароют в могилу, покуда не вырастет над ней одинокая плакучая березка», Анна Павловна не выдержала и заплакала. Это были оптимистические слезы счастья, которые разрешено лить героям современных книг…

…Прошло еще несколько дней, в течение которых музей не подавал признаков жизни. Старики потеряли сон и покой, они не могли больше ждать. Они поняли, что пора отдавать Рембрандта народу.

Как и в прошлый раз, стартовой площадкой стал мужской туалет, расположенный в подвале Музея западной живописи. Воробьев и Мячиков облачились в синие халаты, раздвинули лестницу, распаковали картину и отправились в поход. Старики чувствовали себя паршиво: иди доказывай, что возвращаешь картину, а не крадешь!

Первый привал состоялся у щита с электрическими пробками. Воробьев отключил в музее свет, чтобы не работала сигнализация.

Второй привал состоялся при входе в рембрандтовский зал.

— Здравствуйте! — сказали смотрительнице лжемузейные работники. — Помогите нам повесить Рембрандта обратно!

Поход закончился у стенда с табличкой «Картина на реставрации».

В то время как Воробьев устанавливал лестницу, старушка снимала табличку. Вокруг собралась толпа. Она не расходилась до тех пор, пока шедевр не водрузили на место.

Смотрительница вгляделась и сказала с нескрываемым восторгом:

— После реставрации лучше стало!

На меценатов никто не обращал внимания. Они только что подарили стране произведение

кисти Рембрандта, а им не сказали за это даже «спасибо»! Они выбрались из толпы и покинули зал номер двадцать восемь, избежав тюрьмы и не заслужив аплодисментов. А им так хотелось, чтобы внизу на раме прикрепили дощечку: «Дар музею от В. П. Воробьева и Н. С. Мячикова». Старикам было грустно-прегрустно. Им казалось, что они осиротели. Они сами не знали, что, оказывается, привыкли к молодому человеку и полюбили его как сына…

— Не забудь ввернуть пробки! — со вздохом сказал Мячиков. — А то не ровен час — украдут нашего Рембрандта…

Когда неудачники шли по улице, удаляясь от музея все дальше и дальше, Воробьев обернулся и поглядел на величественное серое здание.

— Это преступление века не удалось, но мы совершим другое!

— Я не согласен! — воспротивился Николай Сергеевич. — Кончится тем, что мы соберем у меня дома картинную галерею…

Глава пятнадцатая

Вернув картину людям, Мячиков не чувствовал себя героем. Он снова превратился в затюканного следователя, которого вот-вот выставят за дверь прокуратуры. Он в который раз появился в приемной Федяева, надеясь уговорить начальство поручить ему какое-нибудь дело, и спросил у секретарши:

— Он один?

— Нет, — ответила секретарша, — у него посетитель. Говорят, Николай Сергеевич, вы на пенсию уходите?

— И не собираюсь! — по возможности бодро ответил Мячиков.

— В общем-то, это неправильно, что пенсию выдают только в старости! — высказала неожиданную мысль секретарша. — По-настоящему пенсию надо выплачивать людям от восемнадцати и, скажем, до тридцати пяти лет. Это самый хороший возраст. В эти годы работать грех, надо заниматься личной жизнью. А потом можно и на работу ходить, все равно уже от жизни нет никакого толку!

— Очень интересная теория! — поддержал Мя-

чиков. — Молодые гуляют, а старики вкалывают. В этом что-то есть…

Отворилась дверь, из кабинета вышли Федяев и Проскудин.

— Николай Сергеевич, вы ко мне? — Оттого, что Мячиков застукал его с Проскудиным, Федяев ощутил некоторую неловкость.

— Я позже зайду! — сухо сказал Николай Сергеевич.

А Юрий Евгеньевич приветливо осклабился во весь рот:

— Привет боевым ветеранам!

Николай Сергеевич неприязненно взглянул на врага и ничего не ответил.

— Я понимаю вашу антипатию ко мне. Но что поделаешь, жизнь! — И, покидая приемную вслед за Федяевым, Проскудин пошутил: — Вам время тлеть, а мне цвести!

Николай Сергеевич возмутился и стал торопливо подыскивать достойный ответ, и тоже в стихах. Но ничего, кроме общеизвестных истин: «Дуракам закон не писан!», «Гусь свинье не товарищ!», «Не в свои сани не садись!», в голову не лезло. Николай Сергеевич остановился на выражении: «Как вам не стыдно?» — и бережно понес эту отповедь, чтобы бросить ее в лицо грубияну.

Мячиков разыскал Проскудина в своей служебной комнате.

— Поскольку я привык работать в отдельном кабинете, то эту комнату мы поделим пополам… — разглагольствовал блатной. — Здесь два окна, так что архитектурно это возможно. В той половине будут вот эти два товарища, а эту займу я. — Федяев и двое коллег Мячикова слушали Проскудина с нескрываемым удивлением. — Маловата, конечно, площадь, но надо мириться с обстоятельствами. Тут, при входе, я поставлю вешалку. Стол, за которым сидел старик, придется сменить. Эта рухлядь мне не подходит…

То, что преемник буквально хоронит его при жизни, взорвало Николая Сергеевича, и он потерял самоконтроль.

— Гусь свинье не товарищ! — выпалил Николай Сергеевич, спутав приготовленную реплику. Все уставились на Мячикова, а он продолжал в гневе: — Не в свои сани не садись! Дуракам закон не писан! Как вам не стыдно?

Закончив монолог, бунтарь ушел, топая ногами.

— Бешеный старикан! — сказал вдогонку Проскудин.

Агрессивно настроенный Мячиков помчался

на такси в «Промстальпродукцию». Чтобы не терять ни единой минуты, он заранее приготовил деньги, расплатился с таксистом, не взяв сдачи, и бегом направился к подъезду. Затем обычно деликатный Мячиков, растолкав очередь, втиснулся в лифт и выскочил из него на пятом этаже. Пробежав по коридору, он распахнул дверь в комнату Воробьева и с порога провозгласил:

— Валя, ты прав! Мы не остановимся на полпути!

Валентин Петрович понял друга и поэтому только кивнул.

Следуя плану, заранее разработанному Воробьевым, друзья разыскали Анну Павловну на загородном стрельбище. По заведенному порядку раз в год инкассаторам устраивали переэкзаменовку по стрельбе, хотя работают инкассаторами в основном люди пожилые. Всем вменялось в обязанность в стрельбе из пистолета на расстоянии в двадцать пять метров выбить сорок очков из пятидесяти возможных. Если стрелок не выполнял норму или вообще не попадал в мишень, его все равно оставляли на работе. Правда, такое бывает не только со стрельбой.

Увидев стариков, Анна Павловна откровенно встревожилась. Она до сих пор находилась под

впечатлением прощального письма Николая Сергеевича и его рассказа о краже Рембрандта.

— Мы пришли к тебе, Аня, за советом и помощью! — сказал Воробьев, а Мячиков молча смотрел в притягательные глаза Анны Павловны и старался прочесть в них ответ на письмо.

— Отойдем в сторонку! — добавил Воробьев. — А то эта беспорядочная пальба меня раздражает!

— Вы попались с этой картиной? — упавшим голосом произнесла Анна Павловна.

Воробьев насмешливо поглядел на сообщника, который выболтал тайну женщине. Мячиков потупился.

А Анна Павловна, перехватив взгляд Воробьева, поспешила на выручку к Николаю Сергеевичу:

— Я и не знала, Валентин Петрович, что вы тоже принимали в этом участие. Про вас Николай Сергеевич ничего мне не говорил!

— Он все равно болтун! — сказал Воробьев. — Но раз ты все знаешь, Аня, нам будет легче столковаться. Нас ни в чем не подозревают. Картину никто не искал, и поэтому ее пришлось вернуть. Мы совершенно чисты. — И он задал неожиданный вопрос: — Сегодня вечером ты работаешь?

— Работаю.

— Выручку соберешь большую? Тысяча рублей

набежит?

Анна Павловна рассмеялась:

— Много больше!

Валентин Петрович удовлетворенно потер руки:

— Прекрасно! Сегодня вечером я тебя ограблю! Я отниму у тебя мешок с деньгами!

— Предатель! — закричал Мячиков. — Я не хочу грабить Анну Павловну! Я не хочу вас грабить! — повторил он нежно, обращаясь непосредственно к любимой.

— Ты и не будешь грабить! — отмахнулся от него Воробьев. — Ты будешь расследовать это преступление. — И он повернулся к Анне Павловне. — Давай обсудим, соседка, как я отниму у тебя мешок.

— Минуточку! — возбужденно заговорила инкассатор. — Вы так это подаете, словно я согласна. А я не согласна!

— Аня, не соглашайтесь! — поддержал ее Николай Сергеевич.

— А я не понимаю, почему ты противишься. — Воробьев не спешил. Он был готов потратить известное количество времени, чтобы уговорить Анну Павловну стать жертвой. — Ты сразу заявишь в милицию, дело поступит в прокуратуру,

его поручат Коле, он завтра же найдет деньги, и его не отправят на пенсию!

— Как я найду эти деньги? — продолжал сопротивляться следователь.

— Балда, я же тебе их сам отдам!

— Но у меня оружие! — нервничала Анна Павловна. — Я обязана в вас стрелять!

— А ты промахнись! — Воробьева уже ничто не могло поколебать.

Анна Павловна пыталась образумить его бандитский пыл:

— Но вас посадят!

— Какие вы все бестолковые, с кем приходится работать! — Воробьев искренне огорчился. — В милиции ты, Аня, опишешь не мои приметы, а какие-нибудь другие, а следователь, — тут Воробьев ткнул пальцем в Николая Сергеевича, — вернет государству деньги, а жулика не схватит. Все это элементарно!

— Ради вас, Николай Сергеевич, я готова на все! Но я — честная женщина, — твердо, как на митинге, объявила Анна Павловна, — и на сделку с совестью не пойду!

— За это я вас и люблю! — не удержался от признания Николай Сергеевич, но Воробьев не обратил на его слова ни малейшего внимания и

терпеливо сказал:

— Ну что ж, начнем сначала! Итак, Аня, какие объекты ты обслуживаешь? Желательно выбрать объект в глухом переулке, чтобы меньше было свидетелей.

— Но я не согласна! — повысила голос Анна Павловна.

— Знаю, что не согласна, не кричи! — осадил ее Воробьев. — Значит, обсудим все детали… — Он явно намеревался взять противника на измор.

— Валя! — вмешался Мячиков. — Не будем грабить Анну Павловну. Давай нападем на ее подругу!

— Какую еще подругу? — От неожиданности Анна Павловна даже вздрогнула.

— Любую. Вон их сколько. — Николай Сергеевич показал на женщин, которые толпились возле мишеней.

— Но любая из них пристрелит Валентина Петровича в два счета! — Анна Павловна не могла успокоиться.

— А мы ее во все посвятим! — сказал Воробьев, которому, в сущности, было все равно, кого грабить.

— Я не доверяю женщинам! — решительно возразила Анна Павловна. — Я их знаю лучше вас!

— Как же тогда поступить? — приуныл Николай Сергеевич.

Анна Павловна пожалела его и сказала в сердцах:

— Никаких подруг не будет! От вас не отвяжешься! Грабьте меня!

…Вечером Валентин Петрович собирался на дело. Мячиков вертелся рядом и зудил:

— Валя, не ходи!

Валентин Петрович не слушал, он был увлечен подготовкой. Прежде всего он надел джинсы. В американских фильмах, как правило, грабят в джинсах, и, вероятно, это неслучайно. Затем он надел кеды, чтобы удобно было бежать и чтобы ноги не скользили. От шляпы Воробьев отказался, она могла соскочить на ходу от ветра. А он собирался убегать от погони со скоростью ветра. Туалет уголовника завершила зеленая подростковая ковбойка с засученными рукавами. Валентин Петрович посмотрелся в зеркало и спросил у Мячикова:

— Ну, как я? Хорош?

— Валя, не ходи! — чуть не плакал следователь.

И судьба приняла его сторону. Судьба уберегла Воробьева от преступления. Он остался дома,

но не потому, что передумал. Рембрандтовская эпопея не прошла бесследно. У Валентина Петровича было больное сердце, оно не выдержало перегрузки и подвело в решающий момент. Валентин Петрович застонал и повалился на бок. Мячиков быстро дал ему таблетку нитроглицерина, но боль не отпускала. Мячиков позвал Марию Тихоновну. Вдвоем они уложили Воробьева на диван. Мария Тихоновна заспешила в соседнюю комнату и стала по телефону вызывать врача.

— Тебе не легче, Валя? — нежно спросил Николай Сергеевич, снимая с друга кеды.

— Ты пойдешь вместо меня! — ответил Воробьев.

Известно, что гвардия умирает, но не сдается. А Валентин Петрович был в душе гвардейцем.

— Я не могу, я не хочу, я не пойду! — наотрез отказался Николай Сергеевич, потому что он тоже был гвардейцем в душе.

— Не трать много слов. Иди!

— Я не могу оставить тебя в таком состоянии!

— Я знаю, что ты благороден! Но обо мне позаботится Маша.

— Я не умею грабить…

— Научишься! — тихим голосом сказал больной.

— Пожалей меня, Валя! — взмолился Николай Сергеевич.

— Иди! Это воля умирающего! А воля умирающего — закон!

— Валя, не умирай! — Мячиков встал на колени.

— Прекрати меня волновать! Мне это вредно. Иди! Аня ждет!

И тогда Мячиков склонился над командующим, поцеловал его, встал с колен и, пошатываясь, вышел.

Он не был подготовлен к грабежу ни внутренне, ни внешне. На нем даже не было джинсов. Он шел на дело в обыкновенных полосатых брюках…

В художественной литературе существует неукоснительная традиция. Герои книг расправляются со своими возлюбленными кто как может.

Отелло, например, придушил Дездемону собственными руками. Атос выжег на гладком плече миледи позорное клеймо. Клайд из «Американской трагедии» утопил Роберту в озере. Рогожин, Хосе и Алеко зарезали соответственно Настасью Филипповну, Кармен и Земфиру. Вронский довел Анну до того, что она бросилась под поезд. Бедная Лиза предпочла кинуться в пруд, наверное, по-

тому, что тогда еще не существовало железных дорог. Лермонтовский Арбенин накормил Нину ядом.

Но рекордсменом мира в этом виде спорта стал легендарный мужчина по прозвищу Синяя Борода. Он отправил на тот свет семь жен по очереди.

Иностранный поэт сказал об этом мужском хобби так:

Но каждый, кто на свете жил, Любимых убивал, Один — жестокостью, другой — Отравою похвал. Трус — поцелуем, тот, кто смел — Кинжалом наповал[1].

Правда, в советской литературе герои возлюбленных не трогают, герои до них вообще не дотрагиваются. Время другое, и писатели тоже другие.

Николай Сергеевич, который отправился грабить Анну Павловну, открывал в этом смысле новую главу — главу шестнадцатую.

---

[1] Примечания: 1

О. Уайльд. Баллада Редингской тюрьмы. Перевод Татьяны Железняк.

Глава шестнадцатая

Николай Сергеевич вынырнул из мрака и возник возле булочной, расположенной в тихом переулке. В руке Николай Сергеевич держал гладиолус. Булочная как раз закрывалась, продавщица выпустила последнего покупателя и заперла дверь на железный крюк.

Николай Сергеевич заглянул в окно и увидел, что кассирша пересчитывает дневную выручку. Следовательно, Анна Павловна еще не заезжала. Мячиков решил спрятаться. Он огляделся. Рядом с булочной была телефонная будка. Мячиков забрался внутрь. Телефонный аппарат безжизненно висел на стене, болтался обрывок шнура, а трубка была срезана. Это огорчило Николая Сергеевича. Он собирался позвонить Воробьевым и узнать у Марии Тихоновны, как себя чувствует несостоявшийся грабитель.

Мысленно Николай Сергеевич оправдывал свое поведение. По сути дела, он не собирался совершать ничего предосудительного. Эту шалость несправедливо было бы называть грабежом. Просто он одолжит у государства деньги буквально на одну ночь. На следующий день он их вернет в

целости и сохранности. Оттого что деньги переночуют у него дома, а не в банке, в стране ничего не изменится.

Вскоре к булочной подкатила «Волга», на кузове которой было почему-то написано «Связь». Из машины вышла Анна Павловна и, тревожно озираясь, постучала в дверь условленным стуком. Ее тотчас впустили.

Николай Сергеевич продолжал наблюдать. Переулок был пустынным. Шофер инкассаторской машины прислонил голову к рулю и дремал, хотя по инструкции он не имел права ни на секунду сомкнуть глаз.

Николай Сергеевич покинул убежище.

Хлопнула дверь. Из булочной появилась Анна Павловна с брезентовым мешком в руках.

— Добрый вечер, Аня! — робко сказал Мячиков.

— Зачем вы пришли? — Анна Павловна была в недоумении.

— Валентин Петрович заболел!

— Слава богу! — вырвалось у Анны Павловны. — То есть я хотела сказать: что с ним?

— Приступ стенокардии, поэтому грабить вас буду я, — мирно объяснил Мячиков и вручил гладиолус. — Больше некому!

— Спасибо, — поблагодарила за цветок Анна Павловна. — Но вы же должны не грабить, а расследовать!..

— Мне придется делать и то и другое… — грустно сказал Николай Сергеевич. — Не сердитесь на меня, Аня! Давайте мешок, и я побегу. А вы кричите «караул». И стреляйте в воздух. Только не сразу, а то меня поймают! — И он потянул мешок к себе.

— Я боюсь за вас! — Анна Павловна вцепилась в мешок обеими руками. — А вдруг вас схватят?

— Я не могу поступить иначе! — Мячиков упорно пытался отобрать деньги. — Это воля умирающего!

— Разве Валентин Петрович так уж плох? — ахнула Анна Павловна.

— Надеюсь, что нет. Но все равно, его слова для меня святы!

Николай Сергеевич изо всех сил тянул мешок к себе, но Анна Павловна была сильнее.

— Я вам не позволю этого сделать. Вы мне очень дороги…

— Я вам дорог? — забыв про конспирацию, вскричал Николай Сергеевич, вырвал мешок с деньгами и побежал.

Крик счастья разбудил водителя. Он не был

посвящен в сговор и, увидев, что инкассатора грабят, истошно завопил:

— Стой! Стрелять буду!

Николай Сергеевич вздрогнул и припустился что было сил, хотя их было совсем немного.

Шофер нажал на сигнал, и зловещий автомобильный рев заполнил сонный переулок. Покинуть машину шофер не мог, потому что на заднем сиденье лежали мешки с деньгами, собранными в других магазинах. Шофер включил двигатель и погнался за похитителем.

Проезжая мимо Анны Павловны, шофер возмущенно крикнул:

— Что же вы не стреляете?

Анна Павловна стояла не двигаясь, замерев от страха за своего Николая Сергеевича. Она понимала, что все кончено, что нареченному не убежать от автомобиля. Теперь у нее не оставалось иного выхода, как открыть боевые действия, хотя бы для видимости.

— Караул! Грабят! — негромко запричитала Анна Павловна и не торопясь полезла в кобуру. Она достала пистолет, побежала догонять машину и на бегу несколько раз пальнула в воздух.

При звуке выстрелов Николай Сергеевич шмыгнул во двор.

Автомобиль повернул за грабителем.

Анна Павловна повернула за автомобилем.

Водитель включил дальний свет. В его лучах испуганно заметался человек с мешком.

Впереди возник забор. Николаю Сергеевичу стало ясно: попался. Но нет на свете забора, в котором, чтобы было ближе пройти к троллейбусной остановке, не проделали бы дыру.

Мячиков юркнул в нее и оказался в соседнем дворе.

Автомобиль, конечно, никак не мог протиснуться в узкую дыру вслед за грабителем. Но шофер не растерялся. Он подобрал валяющиеся во дворе две длинные и толстые доски, приложил их к забору так, чтоб середина досок легла на верхнюю кромку изгороди. Доски находились друг от друга на ширине колес и выглядели словно два рельса. Шофер, как принято во всех детективных историях, был первоклассным, и «Волга» медленно въехала на доски и повисла над забором. Задние концы досок под тяжестью автомобиля оторвались от земли, передние тоже замерли в воздухе. «Волга» стала покачиваться, как на качелях. Потом под тяжестью двигателя передние концы досок опустились. Машина медленно, плавно сползла на землю по другую

сторону ограды. Этот фантастический переезд, к сожалению, никто не видел, и поэтому доказать, что он действительно состоялся, практически нельзя. Единственный свидетель, Анна Павловна, не наблюдала за машиной. Она гналась за любимой и отважной спиной, которая убегала от нее, унося мешок с деньгами.

Николай Сергеевич выдыхался. Бежать дальше он не мог, поэтому открыл дверь ближайшего подъезда и ввалился внутрь. Тогда шофер остановил автомобиль, крикнул Анне Павловне: «Постерегите деньги!» — и, не выключив двигателя машины, смело кинулся в парадное.

Анна Павловна опасалась, что шофер в пылу гнева не только схватит Мячикова, но заодно и прибьет. Забыв о служебном долге, она устремилась в подъезд, чтобы предотвратить расправу.

В глухом, темном дворе фыркал и вздрагивал заведенный автомобиль, полный денег, и манил к себе светом зажженных фар.

Шофер и Анна Павловна мотались по этажам, звонили в квартиры, но так и не сыскали Николая Сергеевича. На последнем, шестом этаже преследователи обнаружили переход на соседнюю лестничную клетку. Они ринулись по переходу, а потом вниз по лестнице и через другой подъезд

очутились в том же дворе, где бросили машину.

Мячикова и след простыл.

— Поедем в милицию! — сказала Анна Павловна, радуясь тому, что Николай Сергеевич оставил их в дураках. — Надо заявить! — вспомнила она распоряжение Воробьева.

Водитель и Анна Павловна забрались в машину. Машина стояла, приткнувшись носом к дому. Выехать со двора можно было, только подав назад. Но Анна Павловна не знала, что у задних колес автомобиля лежал ее бездыханный возлюбленный. Он упал без чувств в таком неподходящем месте только потому, что именно здесь иссякли его последние силы.

Водитель включил заднюю скорость, завертелись колеса, и над жизнью Мячикова нависла угроза, но Николаю Сергеевичу не было суждено быть раздавленным, иначе писать стало бы не о ком и повесть осталась бы неоконченной. Поэтому машина проехала над телом Мячикова, даже не задев.

Мячиков полежал не двигаясь. Потом открыл глаза, поднял голову и сел. Рядом валялся мешок с деньгами. Мячиков подобрал его, поднялся и, пошатываясь, пошел к воротам.

В подворотне он остановился и начал хохотать.

Взошла луна, чтобы осветить героя, которого сотрясал истерический смех.

Мячиков смеялся потому, что невероятная затея удалась, что деньги у него в руках, что завтра он придет к Федяеву и выложит их на стол, Федяев растроганно пожмет ему руку и оставит на работе.

В этот кульминационный миг злой рок приблизился к Николаю Сергеевичу в образе двухметрового громилы и спросил сочным басом:

— Закурить не найдется?

— Я некурящий! — глупо хихикнул Мячиков, не предчувствуя назревающей трагедии.

— Ах ты еще и некурящий! — презрительно ухмыльнулся громила, ткнул старика в грудь, отчего тот повалился на мостовую, выхватил злополучный мешок и кинулся в подворотню.

Николай Сергеевич вскочил и устремился вдогонку. Он хотел было закричать «держите вора!», но вспомнил, что не имеет на это права. Однако соревноваться в беге с молодым длинноногим парнем Мячиков не мог. Пока он видел вдали долговязую фигуру, он еще бежал за ней, но вскоре она исчезла из виду, и Николай Сергеевич остался один.

Он разыскал телефон-автомат, где еще не

успели срезать трубку, и набрал номер Анны Павловны.

Анна Павловна сразу ответила.

— Это я! — грустно сказал Мячиков.

— Слава богу! — отозвалась Анна Павловна. — Я тут с ума схожу!

— Пожалуйста, не беспокойтесь, все хорошо! Как Валентин Петрович?

— Я ему обо всем рассказала, и он тоже волнуется! Где вы?

— Я вам звоню из автомата, — объяснил Мячиков.

— Я сейчас зайду к нему и успокою. Он не спит.

— Врач у него был?

— Был. У Валентина Петровича приступ стенокардии. Ничего страшного. Надо полежать два-три дня.

— Завтра я приступлю к расследованию! — сказал Николай Сергеевич. Он не хотел огорчать друзей, он их любил и поэтому закончил так: — У меня в руках, Аня, мешок с этими деньгами! Кстати, сколько их там?

— Две тысячи триста семьдесят два рубля шестнадцать копеек! — с профессиональной точностью сообщила Анна Павловна.

Николай Сергеевич похолодел:

— Какой ужас!

— Что вы сказали?

— Я сказал — спокойной ночи, Аня!

Мячиков повесил трубку.

Разговор дался ему нелегко. Он был ни жив ни мертв. Он повторил про себя:

— Две тысячи триста семьдесят два рубля шестнадцать копеек!

Бедный Николай Сергеевич!

Глава семнадцатая

— Николай Сергеевич, — говорил назавтра Федяев, — мы с вами оба юристы. И знаем, что насильно отправить человека на пенсию почти невозможно. Когда вы наконец подадите заявление?

— Что у вас с головой? — ушел от ответа Николай Сергеевич.

Голова у Федяева была туго перебинтована.

— Да ерунда! — как обычно, отмахнулся Федор Федорович. — Бандитская пуля!

— Не подам я на пенсию! — как обычно, уперся Мячиков.

— Тогда я поручу вам безнадежное дело. А потом уволю как не справляющегося с обязанностями!

— Хотите поручить мне дело о грабеже инкассатора? — усмехнулся Николай Сергеевич.

— Угадали, — не стал спорить Федяев. — Найти грабителя в многомиллионном городе…

— Вам это действительно не под силу! — нахально сказал Мячиков. — А мне раз плюнуть. Вы меня недооцениваете! — Мячиков поднялся со стула и шагнул к выходу. — Посоветуйте вашему Проскудину подыскивать себе другое место!

Мячиков вышел из кабинета, и от его уверенности сразу же не осталось и следа. Он находился сейчас в нелепейшем положении. Он знал приметы долговязого громилы, которого нужно было искать, но не имел возможности его искать. Ведь этим он бы сразу себя выдал. Однако для начала ему необходимо было соблюсти проформу: допросить шофера инкассаторской машины и потерпевшую Анну Павловну Суздалеву.

«Ничего, что-нибудь придумаю...» — тоскливо думал Мячиков, едучи вместе с милиционером Петей в гараж, где стояла машина, в которой Анна Павловна перевозила мешки с деньгами.

Мячиков повел следствие в кабинете, который уступил ему начальник гаража. Николаю Сергеевичу вовсе не хотелось допрашивать водителя инкассаторской машины. Было мало шансов, что он сообщит что-нибудь новенькое. Он мог показать на следователя пальцем и заявить во всеуслышание:

— Вы грабитель!

Но не вызвать очевидца было невозможно. Николай Сергеевич пошел на вынужденный риск. Он решил положить голову в пасть водителя. Нарушая все юридические правила, Мячиков вызвал его в присутствии потерпевшей Анны

Павловны и бесстрашно сказал:

— Опишите, пожалуйста, приметы человека, который похитил вчера у товарища Суздалевой мешок с деньгами!

Как каждый честный человек, шофер был напуган тем, что его вызвали к следователю. Но, взглянув в голубые, невинные глаза Мячикова, шофер почувствовал к нему доверие и успокоился:

— Старик ограбил! Это точно! На вас похожий!

— Да нет, — кинулась на выручку Анна Павловна, — среднего роста, парень лет двадцати, не больше… блондин…

— Да не молодой! — заспорил водитель. — Старик! Когда он удирал, я думал, что он на ходу рассыплется!

— Что ж ты тогда его не схватил? — ехидно спросила Анна Павловна. — И не спорь со мной! Меня грабили, а не тебя!

— В чем же он был одет? — продолжал допрос Мячиков.

— Обыкновенно, — сказал водитель, — пиджак, брюки…

— Какой пиджак? — притворно возмутилась Анна Павловна. — Что ты, слепой, что ли? Спортивная куртка и тренировочные брюки!

— Очень странно, что вы даете такие противоречивые показания! — заметил милиционер Петя, который тоже присутствовал при допросе.

Слова Пети вынудили Мячикова попросить водителя:

— Пожалуйста, опишите приметы поподробнее!

— Можно попросить вас встать? — осмелев, сказал допрашиваемый.

Следователь послушно встал.

— Повернитесь теперь спиной! — продолжал водитель. — А то я видел его только со спины!

Следователь с той же покорностью повернулся к свидетелю тылом.

— У него фигура в точности как у вас! — сравнивал водитель. Его осенила счастливая мысль. — Если здоровье позволяет, побегайте немного!

— Бегать здесь негде! — Анна Павловна раскусила коварную идею.

Однако Мячиков боялся, что отказ может навлечь на него подозрение:

— Ничего, я попробую!

Следователь затрусил на месте, усердно двигая ногами.

Водитель долго всматривался:

— Очень похож. Если б вы не были следовате-

лем, я бы так и сказал: это вы грабили!

Николай Сергеевич прекратил отбивать чечетку. Отдышавшись, он зафиксировал показания: «Манера бега такая же, как у следователя Н. С. Мячикова» — и улыбнулся, удивляясь собственной наглости:

— Боюсь, меня бы вы сразу догнали!

— Вас бы я догнал! — улыбнулся шофер в ответ. — А вот тот мчался быстрее автомобиля.

Мячиков подал знак милиционеру, и Петя вмешался в разговор:

— Пройдемте, товарищ водитель, я осмотрю машину!

Они ушли, и Анна Павловна, забыв о конспирации, спросила напрямик:

— Вы уже вернули деньги?

— Нет, еще рано! — шепнул в ответ Николай Сергеевич.

Разговор с Анной Павловной был для него пыткой. Хотя допрашивать должен был он сам, Мячиков опасался, и не без оснований, что допрашивать станут его, а он не устоит и все выдаст. Мячикову очень хотелось рассказать Анне Павловне правду. Но он боялся ее огорчить, и, кроме того, мешала мужская гордость, которая еще доживала в нем свой век.

— Сразу вернуть деньги — это подозрительно! — И Мячиков неожиданно добавил: — Я прошу вас, товарищ Суздалева, переменить показания и заявить, что вас ограбил высокий, очень высокий мужчина. Он спросил у вас басом: «Закурить не найдется?» — а когда вы ответили: «Я некурящая», он отнял у вас мешок и исчез!

— Но деньги-то у вас! Какое имеет значение, как выглядит грабитель, которого не было! Ведь мы договаривались, что вы вернете деньги, а вора не поймаете! Вы же не можете ловить сам себя!

— Значит, так… — Следователь старался не смотреть на допрашиваемую. — Поскольку вас ограбил высокий мужчина…

— Меня не он ограбил, а вы! — Анна Павловна не на шутку рассердилась. — Перестаньте финтить и немедленно верните деньги!

Анна Павловна самовольно прекратила следствие и ушла, плотно прикрыв за собою дверь…

Николай Сергеевич мучительно раздумывал над тем, как найти верзилу.

Не столько в жизни, сколько в детективной литературе бытует мнение, будто преступника тянет на место преступления. В мозгу Николая Сергеевича тлел слабый огонек надежды, что, быть может, дылда вновь появится в роковой

подворотне.

Вечером Николай Сергеевич оделся потеплее и отправился проверять эту гипотезу. Наблюдательный пункт Мячиков оборудовал в парадном, из которого просматривалось место грабежа. Николай Сергеевич снял пальто, сложил его, постелил на батарее и, усевшись на нее костлявым задом, стал не отрываясь следить за улицей. Из парадного Николай Сергеевич видел всю подворотню, маленький кусочек черного неба, парикмахерскую напротив и фонарь, в который была ввинчена лампа дневного света. Фонарь плохо светил и противно жужжал.

Мячикову вспомнилось, как на заре карьеры он так же дежурил в подъезде, поджидая опасного рецидивиста. Наконец долгожданный рецидивист объявился, Николай Сергеевич бесстрашно кинулся на него, но тот опередил следователя, ударил его кастетом по голове, и Мячиков провалялся два месяца в больнице.

От давнего бандита мысли Николая Сергеевича перекочевали к нынешнему. Мячиков подумал о том, что если двухметровый детина придет на место преступления, а он, Николай Сергеевич, бросится на него и опять получит по голове твердым предметом, то сейчас ему не выкарабкаться.

Шестьдесят лет — это не двадцать пять.

Галлюцинация Мячикова

Николай Сергеевич ясно представил себе, как он, окровавленный, валится на мостовую, «скорая помощь» отвозит его в больницу и он там умирает, не приходя в сознание. Сколько хлопот, подумал Николай Сергеевич, доставлю я своей смертью друзьям и близким. Валентин Петрович вызовет, конечно, из Красноярска дочь и внука. Зять наверняка тоже примчится. В общем-то, он неплохой парень. Ему, бедняге, придется побегать с моими документами: надо сдать паспорт, получить свидетельство о смерти и еще какую-то справку, без которой не дают места на кладбище. С местом на кладбище будет долгая волынка. Проще всего пробиться в крематорий, но не хочется. О Новодевичьем кладбище нечего и мечтать. Оно вроде музея, только для знаменитостей. А вот с Ваганьковским, может, и выгорит. В нашей прокуратуре не так давно проходило дело о спекуляции свечами именно на Ваганьковском кладбище, и теперь у Федяева там большие связи… Гроб тоже нелегко достать. Но ничего, пошлют кого-нибудь из оперативников, и он выбьет!

А потом Николай Сергеевич представил себе, как его хоронят. Автобус с черной полосой на кузове медленно въезжает в центральные ворота. Оркестра, конечно, не будет. Впрочем, Валентин Петрович может настоять, чтобы оркестр заказали, с оркестром торжественнее и грустнее. А если все-таки обойдется без музыки, то нервы присутствующим будут терзать гудки тепловозов. Как раз вдоль кладбища проходит железная дорога.

Те, кто не пришел на панихиду в прокуратуру, станут дожидаться траурного кортежа в специальном помещении и смотреть в окно: не еду ли я? В этой комнате, помнил Мячиков, висит стенная газета с социалистическими обязательствами ваганьковских работников. Они начинаются словами: «Наше кладбище — любимое место отдыха москвичей». Да, это верно. Там я наконец отдохну от этой жизни…

Фантазия Мячикова разыгралась вовсю, и он увидел себя в гробу, одетым в белый костюм, сшитый бывшим уголовником. Из гроба Николай Сергеевич полюбовался внуком, который вырос и возмужал. Мячиков укорил себя за то, что в прошедшей жизни редко ездил в Красноярск. Потом Николай Сергеевич перевел взгляд на рыдающую дочь, которую бережно поддерживал муж. А

после он посмотрел на Анну Павловну, убитую горем. «Наверное, она меня любила!» — улыбнулись одновременно двое — живой в подъезде и покойник в гробу. И тут же покойник услышал, как хоккеист Володя, наклонившись к матери, прошептал ей на ухо:

— Мама, ты не сердись! Я должен уйти, иначе опоздаю на игру!

Затем Мячиков, который устал лежать на спине, да еще на твердой доске, повернулся на правый бок и встретился взглядом с Федяевым. Возле Федяева, сняв головной убор, скорбно стоял Проскудин.

— Неужели вы, Федор Федорович, посадите эту скотину на мое место? — замогильным голосом спросил Мячиков.

Проскудин нисколько не удивился тому, что мертвец разговаривает:

— Вам-то теперь все равно!

— Нет! — гордо ответил Николай Сергеевич.

— Чего с ним, с мертвым, лясы точить! — сказал Проскудин Федяеву и отвернулся.

Мячиков хотел было возразить, но в это мгновение перед глазами усопшего возникло залитое слезами лицо Воробьева, который тянулся губами к его холодному лицу. До этого дня Мячиков

никогда не видел друга плачущим. Душераздирающее зрелище настолько потрясло Николая Сергеевича, что он выскочил из гроба и пустился наутек подальше от страшного места.

Потом он спохватился, и ему стало стыдно за свое поведение. Люди пришли его хоронить, а он сбежал, оставив гроб пустым. Мячиков вернулся, отыскал в толпе Проскудина, схватил его в охапку и, преодолев сопротивление, уложил в гроб. Потом Мячиков отнял у могильщика молоток и гвозди и проворно заколотил крышку гроба…

…Когда Николай Сергеевич очнулся от галлюцинации, то обнаружил, что выскочил из засады и стоит сейчас в подворотне, на том самом месте, где на него напал громила. Мячиков перевел дух, с облегчением осознал, что гробы и похороны ему только причудились, и вернулся к прекрасной действительности. Он снова забрался в подъезд и занял наблюдательную позицию…

Пока Николаю Сергеевичу мерещились собственные похороны, Валентин Петрович устроился в кресле напротив телевизора. Врачи разрешили больному подняться, и сейчас он предвкушал удовольствие от предстоящего хоккейного матча. Рядом с Воробьевым примостился

внук Витя. Хозяйка дома, Мария Тихоновна, хоккей не любила и возилась на кухне, готовя ужин. Зато пришла Анна Павловна, потому что в одной из команд играл Володя, а у Воробьевых экран телевизора был значительно больше, чем у нее.

Валентин Петрович находился в приподнятом настроении. Коля удачно ограбил Аню, и Валентин Петрович был уверен, что теперь Мячикова не сошлют в пенсионеры.

Перед началом игры долго показывали по телевизору зрителей. Валентин Петрович высматривал среди них дочь, которая пошла на стадион смотреть Володину игру.

К концу первого периода команда, где играл Володя, вела со счетом 2:1. Первый гол забили с подачи Володи, а второй он забил сам, обведя двух защитников и влетев в ворота противника вместе с шайбой.

Валентин Петрович ликовал. Он знал Володю с детства, любил его и втайне хотел, чтобы Люся вышла за него замуж. Анна Павловна откровенно гордилась сыном, а Витя кричал изо всех сил:

— Вовка, воткни им еще одну!

Несчастье случилось на последней минуте первого периода. Защитник вражеской команды, желая остановить Володю, который опять рвался

к воротам, зацепил его клюшкой за ногу. Володя с размаху упал и остался лежать на льду. Матч был остановлен. На экране крупно показали Володю с искаженным от боли лицом. Над ним столпились игроки и судьи.

Анна Павловна заплакала и прижала руки к лицу. Воробьев возмущенно ругался. Витя притих.

Вопреки традициям телевидения, где никогда не показывают неприятного, на этот раз камера не отрывалась от Володи. Наверное, режиссер передачи надеялся, что Володя сейчас встанет, но тот продолжал лежать.

— Володя, что с тобой?! — страдальчески вскричала Анна Павловна, не в силах оторвать глаз от экрана.

Володя не отвечал.

Телевизионная камера резко повернула в сторону, и все, кто смотрел передачу, увидели Люсю, которая пробралась к барьеру, отделявшему зал от ледяного поля. Увернувшись от милиционера, Люся перемахнула через борт и заскользила к Володе. Трибуны пришли в восторг.

На поле с носилками выбежали санитары. Они уложили на них Володю и понесли. Люся шла рядом, держа Володю за руку. Она наконец поняла, что нет на земле человека, который был бы ей

дороже, чем этот хоккеист. А его лицо, несмотря на боль, сияло счастьем.

Защитник, сломавший Володе ногу, был, разумеется, строго наказан: его удалили с поля на две минуты.

После этого матч возобновился.

Анна Павловна не могла больше оставаться у телевизора. Она выбежала из квартиры и, плача, кинулась искать такси, чтобы поскорее добраться до стадиона.

Несчастная ночь, которую Анна Павловна и Люся провели в больнице, где чинили ногу Володе, а Николай Сергеевич мерз в подворотне, дожидаясь громилы, тянулась долго-долго. Наконец бледный луч рассвета нехотя сполз с неба и осветил захудалую фигуру Мячикова. Николай Сергеевич понял, что дальше ждать бессмысленно, и несолоно хлебавши покинул боевой пост.

Глава восемнадцатая

— Он бежал вот от тех сараев и юркнул в этот подъезд! — Анна Павловна показывала Федяеву и Мячикову маршрут, по которому вор лихо ушел от автомобильной погони.

— Понятно! — Николай Сергеевич кивнул с таким серьезным видом, будто ему сообщили что-то новое и важное. — Я думаю, можно приступать!

— Это бессмысленно! — усмехнулся прокурор. — Я приехал сюда только из уважения к вашему легендарному прошлому.

— Поверьте нюху старого волка! — настаивал Мячиков. — Он спрятал деньги где-то здесь, когда спасался бегством.

Федяев насмешливо поглядел на Николая Сергеевича:

— Вы полагаете, жулику было тяжело тащить мешок?

— Они часто так поступают, — развивал свою версию Николай Сергеевич. — Мешок — это улика. Лучше его припрятать, а потом прийти за ним!

— Но у преступника было достаточно времени, чтобы возвратиться и забрать спрятанное! — ра-

зумно заметил Федор Федорович.

Мячиков вздохнул:

— Да, шансов на успех у нас немного, но тем не менее…

Детективы в содружестве с потерпевшей Анной Павловной приступили к поискам. Они обшарили обе лестничные клетки, где метался жулик, а вернувшись во двор, принялись совать руки в жерла водосточных труб. Усердствовали, собственно говоря, двое — Мячиков и Анна Павловна, Федяев со скептическим видом сопровождал энтузиастов и давал шутливые советы.

Когда Николай Сергеевич запустил руку в очередную трубу, лицо его исказилось от волнения:

— Здесь что-то есть!

— Что там может быть? — спросил прокурор, которому надоела вся эта возня.

Николай Сергеевич поднатужился и извлек из водосточной трубы пыльный, испачканный в ржавчине инкассаторский мешок.

Федяев не верил глазам, а Анна Павловна радостно прошептала:

— Ура!

— Николай Сергеевич! Вы утерли мне нос! — озадаченно сказал Федяев.

— Подождите меня хвалить, — перебил Мячи-

ков, — пломба сорвана, может быть, мешок пуст?

Федяев вырвал у следователя мешок, полез рукой внутрь и нащупал деньги. Инкассатор с профессиональной быстротой пересчитала купюры. Их оказалось одна тысяча пятьсот семьдесят два рубля и еще шестнадцать копеек.

— Но украли две тысячи триста семьдесят два рубля шестнадцать копеек! — опешила Анна Павловна. — Куда девались восемьсот рублей?

— Очень просто! — скромно сказал великий сыщик. — Преступник на бегу сорвал пломбу, вытащил из мешка пачку денег, переложил в карман, а остальные спрятал на потом!

— Что за ерунду вы несете? — не выдержала Анна Павловна.

— По-вашему, я присвоил себе эти восемьсот рублей?! — вспылил Мячиков, и Федяев воззрился на него с удивлением.

— Этого я не говорила. Но вы мне объясните, куда они подевались, — продолжала негодовать Анна Павловна.

— Наверное, преступник их истратил, — высказал справедливое предположение прокурор.

— То есть как это — истратил? — Анна Павловна была вне себя. — На что он их истратил и по какому праву?

— Я их не тратил! — оправдываясь, Мячиков забыл, что выдает себя.

Анна Павловна смерила его презрительным взглядом:

— Я была о вас другого мнения. Я думала, что вы… А вы!.. — И она пошла к воротам.

— Куда вы, товарищ Суздалева? — закричал ей вслед прокурор. — Вы должны подписать протокол.

— Я не желаю участвовать в этом грязном деле! — не оборачиваясь, ответила Анна Павловна.

Николай Сергеевич бросился вдогонку, чтобы все объяснить. Он настиг ее, когда она уже вышла на улицу и подходила к троллейбусной остановке.

— Анна Павловна… — начал было Мячиков, но она тут же прервала его:

— Я не могу теперь смотреть в глаза людям. Как вам только не совестно! Я не желаю вас видеть! Никогда! — И Анна Павловна вскочила в троллейбус.

Оплеванный ухажер вернулся к своему начальству.

— Вздорная баба! — пожал плечами Федяев.

— Не смейте ее обижать! — заступился за Анну Павловну Мячиков. — Вы не знаете, какая это

необыкновенная женщина! — При этом он побагровел, прерывисто задышал, а правый глаз у него задергался.

Испугавшись, что Мячикова хватит удар, Федяев поспешно перевел разговор на профессиональную тему:

— А преступника вы еще не нашли?

Этот вопрос мгновенно превратил Мячикова из рыцаря-заступника в служащего.

— Иду по следу… — бесперспективно промямлил он.

Составив протокол об обнаружении денег в трубе, детективы уехали. Сразу после их отъезда разыгрались события, не предусмотренные следственными органами. Воодушевленные находкой сыщиков, пионеры и пенсионеры, которые присутствовали при подписании протокола, переломали в округе все водосточные трубы. Но не нашли ни копейки…

Николай Сергеевич возвращался домой в смятенном состоянии. Он думал о разрыве с Анной Павловной, о том, что она его никогда не поймет. А не понять — значит не простить!

Перед домом Мячикова разгуливал Валентин Петрович. Еще издали увидев его могучую фигуру, Мячиков отвлекся от невеселых мыслей,

обрадовался и ускорил шаг:

— Как я счастлив, Валя, что ты выздоровел!

— А что же ты ко мне не заходил? — спросил Валентин Петрович. — Прятался от меня?

— Зачем мне от тебя прятаться? — Мячиков насторожился.

Воробьев шагнул к подъезду:

— Поднимемся к тебе, надо поговорить!

— Лучше погуляем! Смотри, какая славная погода, солнышко светит! — Голос Мячикова прозвучал фальшиво, но Воробьев этого не заметил.

— Я не возражаю. — Валентин Петрович взял друга под руку, и они медленно пошли по улице. — Учти, я уже обо всем догадался.

— О чем? — состроил невинное лицо Николай Сергеевич.

— Ты ведь внес только полторы тысячи?

— Откуда ты знаешь?

— Аня сообщила.

— Она подумала, что я присвоил эти восемьсот рублей! — Мячиков остановился и с тоской заглянул Воробьеву в глаза.

— Мы ее разубедим, — отмахнулся Валентин Петрович, который был далек от лирики. — Я сопоставил факты: ты просил Аню дать показания, что ее ограбил высокий мужчина. Потом

ты, оказывается, одолжил у Ани инкассаторский мешок… — Валентин Петрович выдержал долгую паузу. — Теперь я тебе опишу, как было дело. Ты перекладывал деньги из мешка в карман или в портфель, точно я не знаю. Ты был неосторожен и занимался этим на улице. Ты успел переложить полторы тысячи, когда к тебе подошел высокий мужчина и спросил: «Закурить не найдется?!»

— Я некурящий! — как автомат, отозвался Мячиков.

— «Ах ты еще и некурящий!» — сказал уголовник и отнял у тебя мешок, в котором оставалось восемьсот рублей. — Воробьев гордился своей проницательностью. — Что ты можешь сказать в свое оправдание?

— Ничего! — безропотно ответил Мячиков.

Закапал дождь.

— Пошли к тебе! — скомандовал Воробьев, но Мячиков был негостеприимен:

— Лучше постоим где-нибудь под навесом! Свежий воздух, теплый дождь. Это нам полезно!

Они укрылись под козырьком, который нависал над витриной книжного магазина. Валентин Петрович полез во внутренний карман, достал из него пакет и протянул Мячикову.

— Что это такое? — Мячиков на всякий случай

отодвинулся.

— Восемьсот рублей! — лаконично объяснил друг.

— Я не возьму! — заупрямился Николай Сергеевич.

Воробьев повысил голос:

— Ты хочешь, чтобы мы с тобой стали нечестными людьми? В старости угрызения совести мучают даже негодяев. Они совершают добрые поступки, как бы замаливая грехи. А мы с тобой жили честно, и давай помрем тоже честно.

— Ты даже не представляешь, как я с тобой согласен. Все это меня терзает, мучает. Я ночей не сплю!

— Бери деньги, Коля!

— Я не могу их взять! Что я скажу Федяеву? Где я их нашел?

— Ты опять подложишь их в водосточную трубу, — невозмутимо предложил Воробьев.

— Но это же курам на смех! — воскликнул Мячиков. Но Валентина Петровича ничто не могло поколебать:

— Ничего, выкрутишься!

— Но это, наверное, все твои сбережения?

— Не твое дело! — грубо ответил Валентин Петрович. — Бери!

И Мячиков взял.

Дождь усилился.

— Пойдем домой, холодно! — сказал Воробьев.

— Я очень люблю дождь! — упирался Мячиков. — Особенно когда проливной!

— Я боюсь простудиться. Я только что встал после болезни! — напомнил Валентин Петрович.

Подумав, что он подвергает друга опасности, Мячиков обреченно согласился:

— Пошли!

Когда промокшие старики добрались до квартиры Николая Сергеевича, он постоял у двери, явно колеблясь, потом вставил ключ в замок, впустил Валентина Петровича в дом, а сам задержался при входе.

Воробьев сделал несколько шагов и замер.

Комната была пуста. В ней не было мебели, люстры, ковра, телевизора. К стене одиноко жалась раскладушка, накрытая одеялом.

Мячиков остался в прихожей, не решаясь переступить порог и боясь встретиться взглядом с Валентином Петровичем.

— Теперь я понял все! — дрогнувшим голосом сказал Воробьев. — Ты поступил как настоящий мужчина!

Глава девятнадцатая

Восемьсот рублей, подаренные Воробьевым, жгли душу Николая Сергеевича. И он решил предпринять еще одну попытку, чтобы схватить грабителя. Мячиков проанализировал свои поступки и понял, в чем заключалась его ошибка. Когда он второй раз пришел на ночное дежурство в злополучную подворотню, то в его руках был туго набитый инкассаторский мешок. Сначала Мячиков хотел положить в мешок восемьсот рублей, тогда бы все было по правде, но потом отказался от этой идеи и набил мешок бумагой. Николай Сергеевич решил изобразить из себя приманку, надеясь, что грабитель, может быть, клюнет еще раз.

Всю ночь Николай Сергеевич мерил шагами гулкую подворотню, подводя печальные итоги.

— Кто я? — безжалостно казнил Мячиков самого себя. — Беспомощный, облезлый старик, которому действительно пора на свалку!

Снова хилый луч рассвета сполз с неба, приблизился к Николаю Сергеевичу и, как бы утешая, скользнул по нему. Мячиков понял, что и вторая попытка не удалась. Опустив голову, он покинул

подворотню, и в этот момент мимо Мячикова проследовал человек двухметрового роста.

Николай Сергеевич спиной почувствовал врага. Он повернулся, догнал гиганта, забежал вперед и преградил ему путь:

— Доброе утро! Вот я вас и поймал!

Верзила — а это был тот самый верзила — посмотрел на Мячикова и тоже узнал его:

— В чем дело? Я вас вижу первый раз в жизни!

— Второй! — возразил Мячиков.

— Первый! — уперся верзила.

— Второй!

— Первый!

— Второй! — повторил Мячиков. — Что вы здесь делаете?

— А вам-то что? Может, я в этом доме живу.

— А почему утром возвращаетесь?

— А может, у меня ночная смена.

— Ну да, в вашей профессии любят ночные смены. Спросите-ка меня: закурить не найдется?

— Не буду спрашивать! — наотрез отказался верзила.

— Почему?

— Не хочу!

— Почему не хотите?

— Я бросил курить! — нашелся дылда.

— Надоело мне с вами разговаривать по-хорошему! — рассердился Мячиков, выхватил пистолет и направил его на бандита. — Давайте деньги!

Верзила испуганно вскинул руки вверх и, заикаясь, спросил:

— К-какие деньги?

— Две тысячи триста семьдесят два рубля шестнадцать копеек!

— Таких денег у меня отродясь не было! — с притворным огорчением вздохнул громила.

Случайный прохожий увидел, что в подворотне грабят, и пустился наутек от греха подальше.

Мячиков пошарил по чужим карманам и обнаружил только рубль.

— Где остальные деньги?

— Не знаю, о чем говорите, товарищ грабитель!

— Я тебе не грабитель, я следователь! — И Мячиков предъявил служебное удостоверение.

Утро только начиналось, до девяти часов, когда открывалась прокуратура, была еще уйма времени. Вести верзилу домой Мячикову не хотелось. Сначала они погуляли по городу, посидели в сквере, потом зашли в кафе, и Мячиков за свои деньги накормил верзилу завтраком. Ел верзила

много и с аппетитом.

— Вижу вас в первый раз! — говорил верзила, выдирая сосиску из целлофана.

— Во второй! — не соглашался Мячиков.

— Первый!

— Второй!

Так продолжалось до девяти часов, когда Мячиков вместе с задержанным предстали перед Федяевым, у которого на этот раз была забинтована щека.

— Федор Федорович! — гордо заявил следователь. — Я нашел преступника!

— Я не преступник! — возразил гигант. — Он на меня клевещет!

— Значит, этот малый и ограбил Суздалеву? — обрадовался прокурор. — Как вы его сцапали, Николай Сергеевич?

— Кого я ограбил? — искренне изумился верзила. — Какую еще Суздалеву?

— Федор Федорович, — поспешно заговорил Мячиков, — тут все не так просто. Сейчас вы поймете. Суздалеву он действительно не грабил. Он ограбил меня. Он отнял у меня мешок с деньгами. Только не этот, а другой. Этот мешок набит бумагой. — И Мячиков сначала показал прокурору инкассаторский мешок, который все

еще таскал с собой, а потом вытряхнул из него на стол мятую бумагу.

Федяев поглядел на бумагу, затем перевел настороженный взгляд на Николая Сергеевича и робко переспросил:

— Как это — у вас отнял? И не этот мешок, а какой? Что-то я не понимаю…

— Этот с бумагой, а тот был с деньгами! — терпеливо пояснил Мячиков.

— А как он к вам попал? — спросил Федяев.

— Очень просто! — наивно продолжал Николай Сергеевич. — Я уверен, что вы уже почти все поняли. Дело в том, что инкассатора ограбил я!

— Он ограбил, а меня таскают! — встрепенулся верзила.

— Как это вы ограбили? — растерялся прокурор. — В своем ли вы уме, Николай Сергеевич? Что за чушь вы несете!

— А грабить, как я убедился на собственном опыте, очень легко! — гнул свою прямую линию Мячиков. — Суздалева выходила из булочной, я вырвал у нее мешок и побежал. В меня стреляли, но не попали, за мной гнались на автомобиле, но догнать не смогли!

— На него это похоже! — неожиданно вставил верзила. — Он и на меня с пистолетом лез!

— Я хотел отнять у него деньги, — не стал отпираться Мячиков, — которые он отнял у меня!

— Что здесь происходит? — изнемогая, спросил Федяев и бережно погладил распухшую щеку.

— Опять бандитская пуля? — сочувственно спросил Мячиков.

— На этот раз — флюс. Зуб болел, а я его все не лечил, и вот…

— Дорогой Федор Федорович! — мягко сказал Мячиков. — Это зубная боль мешает вам понять… Выслушайте внимательно. Вы отправляете меня на пенсию, чтобы устроить на мое место Проскудина. И тогда я граблю инкассатора, чтобы найти похищенные деньги и благодаря своей прекрасной работе остаться на службе. Это же все элементарно. Только вот он, — Мячиков показал на верзилу, — отнял у меня деньги и все испортил!

— Не я у него, а он у меня отнял последний рубль! — возмутился задержанный.

— На тебе твой рубль! — закричал Мячиков. — Ты лучше скажи, куда девал мешок с деньгами!

Верзила взял рубль, спрятал в карман и ехидно спросил:

— А вы что, деньги мешками зарабатываете?

— Пожалейте меня! — взмолился Федяев, а

верзила, уловив ситуацию, стукнул кулаком по столу:

— Отпустите меня, наконец!

— Федор Федорович, — запричитал Мячиков, — поймите, я ограбил Анну Павловну, когда она выходила из булочной…

— Пошли вон! Оба! — взревел несчастный прокурор.

— Что вы делаете, Федор Федорович! — ахнул Мячиков. — Вы отпускаете опасного преступника!

— Что тут у вас творится! — загремел верзила. — Сами грабят, а порядочных людей ни за что ни про что хватают на улице!

— Извини, пожалуйста, — сказал Федяев. — С кем не бывает!

— Пораспускались! Я жаловаться буду! — возмущенно крикнул верзила и покинул кабинет прокурора, сдерживаясь, чтобы не побежать.

Николай Сергеевич молчал.

Известно, что доказывать правду труднее, чем ложь. Правда часто выглядит неправдоподобно, тогда как ложь легко маскируется под правду. Правда скромна и не хвастлива, ей достаточно сознания того, что она — правда. Именно поэтому она нередко проигрывает схватку с ложью,

которая носит модные одежды, произносит хорошие слова и все время кричит, что именно она — правда!

Оттого что Мячиков не смог доказать прокурору свою правоту и тот отпустил бандита, Николаю Сергеевичу хотелось лечь и уснуть навсегда, не выходя из кабинета. Он закрыл глаза и стал ждать конца. Но как-то не умиралось.

Федяев тоже не произносил ни слова. Он жалел Мячикова, который на старости лет свихнулся, а ведь какой был славный человек.

Когда Николай Сергеевич понял, что жизнь еще не кончилась и надо терпеть дальше, он нехотя открыл глаза и полез в карман за деньгами.

— Здесь недостающие восемьсот рублей!

— Я догадываюсь, — грустно улыбнулся Федяев. — Вам очень хочется остаться на работе, и поэтому вы вносите собственные деньги!

— Это не мои, честное слово! — Николай Сергеевич не лгал. Это были деньги Воробьева.

— Хорошо, не ваши… Но все-таки, не сдавайте их в банк!

— Значит, вопрос о моем уходе решен и я зря старался? — Мячиков еще больше постарел, что в его годы сделать было не так-то просто.

Федяев сочувственно кивнул:

— Николай Сергеевич, мне очень не хочется расставаться с вами, но если бы вы были на моем месте, то поступили бы так же.

— Нет, я так бы не поступил! — быстро сказал Мячиков.

— Это вам кажется. Простите меня, Николай Сергеевич!

И тогда Мячиков заговорил как человек, которому больше нечего терять:

— Вы мне все время не верите, Федор Федорович! А ведь это правда, что я ограбил инкассатора. Но это далеко не все. Грабеж инкассатора — детские игрушки. До этого я украл из музея картину Рембрандта, чтобы самому найти ее и таким образом укрепить свой авторитет следователя. Но в музее даже не заметили пропажи, и мне пришлось повесить картину на место! Я прошу вас завести на меня уголовное дело!

Федяев твердо помнил, что спорить с сумасшедшими бесполезно:

— Дорогой Николай Сергеевич! Украсть картину Рембрандта, а потом еще ограбить инкассатора — работа невероятной сложности. Вы переутомились. Грабежи подорвали ваше здоровье. Вам следует отдохнуть.

— Конечно, — горько усмехнулся Мячиков. —

Когда человек говорит правду, ему не верят! Но я стар, и я устал врать! Арестуйте меня!

Федяев не знал, как себя вести:

— Николай Сергеевич, мы достанем вам путевку в хороший санаторий!

Николай Сергеевич сказал с обидой:

— Ничего! Я найду на вас управу!

В это мгновение счастливая мысль осенила Николая Сергеевича, и он, положив восемьсот рублей на прокурорский стол, решительно двинулся к выходу:

— Деньги в банк сдадите сами!

Хлопнув дверью федяевского кабинета, Мячиков величаво миновал приемную, спустился вниз и окликнул дежурного милиционера, который, как обычно, читал Сименона:

— Петя! У тебя ключи от арестантской комнаты?

— У меня.

— Открой мне ее.

В прокуратуре имелась специальная комната, где содержались арестованные, которых привозили на допрос.

Милиционер отпер дверь. Николай Сергеевич вошел, хозяйски огляделся, сел на стул и приказал:

— А теперь, Петя, запри меня здесь!

— Зачем? — с любопытством спросил милиционер.

— Я арестован!

— За что это вас? — засмеялся милиционер.

— За грабеж! — кротко признался Мячиков.

— А где постановление об аресте? — продолжая улыбаться, спросил Петя, уверенный, что следователь шутит.

— Сейчас я его выпишу! — Мячиков расстегнул портфель, достал из него бланк и принялся заполнять.

Увидев, что Николай Сергеевич на самом деле вписывает в бланк свою фамилию, милиционер перепугался и побежал за Федяевым. Он влетел в кабинет начальника и с порога отрапортовал:

— Разрешите доложить, товарищ прокурор! Следователь Мячиков арестовал сам себя!

Глава двадцатая

— Завизируйте, пожалуйста! — Мячиков протянул Федору Федоровичу заполненный бланк.

Федяев стоял в дверях арестантской, с ужасом глядя на узника-добровольца.

— Не смотрите на меня так, — добродушно продолжал Николай Сергеевич, — я абсолютно нормален. Я более нормален, чем когда бы то ни было!

— Выйдите отсюда! Вы злоупотребляете служебным положением! — Федяев не знал, как образумить старика.

— Я не выйду отсюда до суда! — мягко сказал Николай Сергеевич.

Прокурор зашел в арестантскую и потянул Мячикова за рукав, намереваясь вытащить упрямца силой.

— Рукоприкладство запрещено законом! — язвительно напомнил следователь, изо всех сил держась за спинку стула.

— Хорошо! — Федор Федорович махнул рукой. — Тогда сидите здесь сколько влезет! Только вы, Петя, не вздумайте его запирать!

— Испугали! — улыбнулся Мячиков. — Я могу

сидеть и незапертым!

Так он и сидел в арестантской комнате. Дверь была не заперта, стражу не поставили, голову наголо не брили, тюремной одежды не выдали… Мячикову не нравилось, как он сидел!

Слух о небывалом происшествии мгновенно облетел всю прокуратуру. Время от времени в арестантскую заглядывали сотрудники и спрашивали у Мячикова, кто сочувственно, а кто насмешливо:

— Сидите, Николай Сергеевич?

— Сижу себе потихоньку! — отвечал Мячиков.

Наконец появился судебный психиатр.

— Вас я давно жду, Петр Ефимович! — приветливо встретил его заключенный.

Доктор дотошно осмотрел Николая Сергеевича и, к собственному удивлению, установил, что никаких отклонений от нормы в сторону сумасшествия у пациента нет!

Наступило обеденное время.

При виде сослуживцев, которые резво устремились в буфет, Николай Сергеевич почувствовал острый приступ голода. Сидеть-то он хотел, но объявлять голодовку не собирался.

Мячиков выглянул в коридор и позвал дежурного милиционера:

— Почему мне не несут обед?

— На вас у меня нет талонов! — ответил Петя.

— Но я хочу есть!

— Пойдите пообедайте, кто вам мешает? — посоветовал Петя.

Но Николай Сергеевич опасался, что если он покинет место предварительного заключения, то Петя воспользуется этим, запрет комнату и больше Мячикова в нее не впустит.

— Петя! — еще раз позвал Николай Сергеевич. — Если тебя не затруднит…

Когда милиционер подошел, Мячиков протянул ему рубль:

— Принеси мне, пожалуйста, обед! Только скажи им, что для меня. Тогда они мясо дадут без подливки.

— А компот брать? — мрачно спросил милиционер.

— Лучше кисель! — сказал арестант и добавил: — Учти, Петя, что я плачу за обед в первый и последний раз. В тюрьме всегда сидят бесплатно!..

Петя выполнил ответственное поручение, принес арестанту заказанный обед, и Мячиков с аппетитом принялся за еду.

Петя вздохнул и направился к своему рабочему

месту, читать Сименона. По пути милиционера окликнул Воробьев:

— Где Мячиков?

— За решеткой, — показал Петя. — Обедает!

Услышав голос друга, Николай Сергеевич поспешно прикрыл дверь и запер ее изнутри на крючок.

Воробьев подбежал к двери арестантской комнаты и, как и предполагал Мячиков, с силой подергал ее. Но крючок держал крепко, и дверь не поддалась.

— Что ты здесь делаешь, Коля? — страдальчески крикнул Валентин Петрович и ухватился руками за решетку окна.

— Сижу за решеткой в темнице сырой! — попытался шутить Мячиков. Он уже расправился с мясом и теперь приступал к киселю, сваренному из вишневого порошка. — Кто тебя вызвал на подмогу? Федяев?

— Зачем ты так поступил? — продолжал Воробьев.

— Помнишь, ты сам учил меня говорить только правду?

— Но всему есть предел!

— Для правды нет предела! — убежденно произнес Николай Сергеевич. — Я хочу остаться

честным человеком. Я пошел преступным путем и должен понести наказание. Петя! — крикнул Мячиков, выглядывая в коридор. — Забери, пожалуйста, посуду.

— Но мы не сделали ничего плохого! — сказал Воробьев.

— Это тебе только кажется.

Сквозь прутья решетки Мячиков просунул грязные тарелки. Но для стакана отверстие было слишком узким. Открыть дверь при Воробьеве Мячиков не решился.

— Ладно, пусть стакан останется… — сказал он.

— Ну вот что, — решительно произнес Валентин Петрович после ухода Пети, — впусти меня! Я останусь с тобой и разделю твою участь. Это будет справедливо.

— Нет, Валя, — в голосе Мячикова появилась непреклонность, — я этого тебе не позволю. У тебя семья. Иди, я посижу один! — Голос Мячикова дрогнул. — Передай привет Ане. Пусть она на меня не сердится!

— Зачем ты приносишь себя в жертву? — в отчаянии вскричал Воробьев. — Все равно ее никто не оценит.

— Я это делаю не для других, а для себя.

Воробьев понял, что уломать друга ему не

удастся, и медленно двинулся к выходу.

Мячиков грустно смотрел ему вслед.

После ухода друга Мячикова посетило видение.

В нашей истории у Николая Сергеевича Мячикова были один кошмар, один несбыточный сон, одна галлюцинация и наконец-то…

Видение Мячикова

Мячикову привиделось, что его судят.

Суд происходил в Музее западной живописи, в рембрандтовском зале. Мячиков поднял глаза и мысленно поздоровался с молодым человеком, изображенным на портрете. Молодой человек ему ответил, тоже мысленно.

— Продолжаем заседание суда! — сказал судья.

В качестве свидетеля была вызвана смотрительница музея. Она пылала негодованием:

— Подсудимый все выдумывает! Украсть картину из нашего музея невозможно. К каждой картине подведена сигнализация, в залах дежурят опытные смотрители. А то, что якобы можно снять картину Рембрандта и унести… Понимаете, унести самого Рембрандта, чтобы это никто не заметил, — наглая клевета на наш музей.

Мячикову показалось, что молодой человек

усмехнулся.

«Наверное, — подумал Мячиков, — он вспомнил диван в моей комнате и слесаря, который смотрел хоккей».

А судья вызвал Федяева. Федор Федорович передвигался на костылях и был забинтован весь с головы до ног.

— Сама мысль о том, что следователь может украсть, кощунственна, — говорил Федяев. — Следователи не крадут, а наоборот…

Защитив честь мундира, прокурор обратился непосредственно к подсудимому:

— Дорогой Николай Сергеевич! Вы мастерски провели дело о грабеже инкассатора! Зачем вам уходить на пенсию, вы ведь хотите остаться с нами?

— Хочу, но недостоин! — ответил нарушитель закона, который был принципиальным человеком.

— Ты достоин, Коля! — закричал из зала Воробьев.

— Вы достойны, Николай Сергеевич! — закричала из зала Анна Павловна.

— А почему вы такой перевязанный? — неожиданно спросил Мячиков.

— Бандитские пули, — ответил Федяев, — из-

решетили меня всего! Я весь в дырках! Граждане судьи! — обратился он к суду. — Обвинение настаивает, что подсудимый никаких уголовно наказуемых деяний не совершал!

— Нет, совершал! — крикнул подсудимый.

— Он не совершал! — кинулся к судейскому столу верзила. — Это я отнял мешок! А он меня кормил сосисками!

— Подсудимый — честный человек! — теперь перед судейским столом предстала Анна Павловна. — Он почти святой! Николай Сергеевич, — повернулась она к Мячикову, — простите меня, что я посмела подумать о вас скверно. Я прошу вас на мне жениться!

Николай Сергеевич встал и торжественно провозгласил:

— Я согласен!

Неожиданный перелом в ход событий внес Валентин Петрович:

— Все, что рассказывал подсудимый, — правда! Только делал это не он, а я! Я стащил картину Рембрандта, и я ограбил инкассатора!

После этого Воробьев сел на скамью подсудимых и грубо сказал Николаю Сергеевичу:

— Уходи отсюда! Ты здесь лишний! Тебе пора на собственную свадьбу!

— Караул! — воскликнул судья.

Но Мячиков не хотел уступать. Старики пыхтели, сталкивали друг друга со скамейки. Воробьев уже оттеснил противника к самому краю.

— Товарищ Воробьев! — вмешался судья. — Займите свое место в зале.

— А мной не надо командовать! — сердито сказал Воробьев. — Меня судить надо!

— Не его, а меня! — запротестовал Мячиков, цепляясь за барьер, чтобы не упасть на пол, так как Воробьев продолжал толкаться. — Дайте мне, наконец, последнее слово!

— Делайте что хотите! — устало сказал судья.

— Граждане судьи! — Мячиков встал, а Воробьев, вольготно рассевшись на скамье подсудимых, милостиво добавил:

— Ладно, говори от нашего общего имени!

— Граждане судьи! — повторил Мячиков. — Старость — не радость. Человек в душе все равно остается молодым. Только, кроме него, этого никто не замечает. И нельзя, несправедливо списывать человека потому, что он стар годами.

Мячиков опять поглядел на молодого человека. И показалось Мячикову, что тот с ним согласен.

Тут видение кончилось, потому что к комнате, где отсиживался Мячиков, подошел милиционер

Петя и спросил:

— Николай Сергеевич, уже поздно. Вы здесь ночевать будете или домой пойдете?

Мячиков вернулся к действительности. Он встал и оглядел камеру. Здесь было неуютно и тоскливо.

Мячиков думал о том, что все равно ему не добиться справедливости, что все равно его не осудят, а выпихнут на пенсию. Он грустно вздохнул, откинул дверной крючок и вышел из арестантской.

Когда Мячиков покинул прокуратуру и очутился на улице, то увидел, что Воробьев не ушел домой, а терпеливо ждет друга, устало привалившись к спинке садовой скамейки. Рядом с Воробьевым пригорюнилась Анна Павловна.

У Николая Сергеевича защемило сердце.

Воробьев ничего не сказал, лишь улыбнулся — застенчиво и нежно. А взгляд Анны Павловны светился в темноте, излучая любовь и раскаяние.

Мячиков тоже заулыбался, растерянно и виновато. Он переводил взгляд с любимого друга на любимую женщину и с любимой женщины на любимого друга.

Воробьев и Анна Павловна поднялись со ска-

мейки. Все трое пересекли улицу, свернули на темный, едва освещенный бульвар, медленно пошли по нему и скрылись вдали, уйдя из повести навсегда.

1970

Зигзаг удачи
Юмористическая повесть

27 декабря, день

Самая важная профессия на земле — фотограф! Потому что люди умирают, а их фотографии остаются. У родственников.

Если бы человечество было подальновиднее, оно бы выдумало фотографию еще в первобытный период. Тогда сохранились бы доказательства, как труд довел обезьяну до человеческого существования.

Отсутствие фотодокументов подрывает веру в историю как в науку.

Никто бы сейчас не спорил, человек Христос или миф. Если этот бог был человеком, значит ничто человеческое не было ему чуждо. Значит, Иисус Христос поддался бы искушению, зашел в ателье и оставил бы нам на память свое бессмертное изображение.

Не могла бы возникнуть дискуссия, кто открыл Америку. И Христофор Колумб, и викинги, и древние японцы не могли бы ни на что претендовать. Потому что фотолюбитель седьмого века, который затесался бы в экспедицию, снял бы великого землепроходца, оставшегося неизвестным, в тот исторический момент, когда, конечно, он, наш

соотечественник, а никто другой, открывал Америку на нашу голову!

Предки даже не подозревали, как скверно жить без фотографии.

Рыцари, ускакивая в крестовые походы, были начисто лишены возможности спрятать под латы изображения прекрасных дам. А теперь для командированных это не проблема.

Современники Ивана Грозного, например, не могли держать на письменном столе фотографию любимого царя. Ее просто не существовало. И сегодня скульптор вынужден был раскопать могилу, вынуть оттуда череп и воссоздать по нему остро необходимый портрет Ивана Васильевича. Причем современники скульптора утверждают, что портрет похож.

А была бы при Грозном фотография! Царь вызвал бы к себе на дачу фотографа, тот бы его снял, заплатив за это жизнью, зато подлинный снимок самодержца украшал бы школьные учебники.

До появления фотографии жить было дорого. Насколько дороже было платить за портрет какому-нибудь там Рафаэлю, Рембрандту или Кипренскому, чем сегодня заказать свое родное лицо размером 18 на 24.

Из фотографии возникли кино, телевидение

и наша современная живопись. Однако художники тщательно скрывают, что они фотографы, тогда как фотографы открыто заявляют, что они — художники…

Фотоателье «Твой портрет» разместилось на главной улице главного города второстепенной области. Сотрудники «Твоего портрета» любили свое дело, но в данный момент слабо применяли его на практике. Сниматься никто не хотел! Был конец декабря, что значило в переводе на современный язык — конец месяца, конец квартала и, что хуже всего, конец года, когда положено рапортовать, а рапортовать было не о чем.

Руководитель «Твоего портрета» Кирилл Иванович Полотенцев директорствовал двадцать лет и привык находиться в безвыходном положении. Оно стало нормой его жизни. Если вдуматься, то каждый директор — это человек, который не руководит, а ищет выход. Все двадцать лет Полотенцев мужественно воевал с планом и в некоторых сражениях даже одерживал победу. Кирилл Иванович знал, что люди охотнее всего приобретают фотографии, снятые в переломные моменты жизни. Именно поэтому он посылал своих мастеров-разбойников к загсам, родильным домам, на аэродромы, вокзалы, похороны

и новоселья. Но сегодня, в конце года, все эти испытанные средства не спасали, и нужно было придумать что-нибудь новенькое, свеженькое. Железный Полотенцев не хотел, чтобы его преждевременно списывали на металлолом. Он знал: чем хуже положение, тем сплоченнее коллектив.

— Доброе имя нашей фотографии находится под угрозой! — сообщил Полотенцев доступно и взволнованно. — Я жду ваших предложений!

На совещание собралось одиннадцать человек — двенадцатый был в отпуске, а тринадцатый, Владимир Антонович Орешников, задерживался, точнее опаздывал, потому что не был начальником.

Владимир Антонович стоял у витрины магазина «Культтовары», где красовались любительские кинокамеры, кинопроекторы, увеличители, длиннофокусные объективы и многое другое, столь же соблазнительное.

Орешников не сводил взгляда с новой, лучшей в мире фотокамеры «Зенит-112», которую компрометировал ярлык с недоступной для Владимира Антоновича ценой. Эта камера была ежедневной мечтой молодого фотографа. Он был убежден, что, когда эта красавица-камера окажется в его

талантливых руках, он завоюет даже обложку «Огонька». Орешников устал снимать для паспортов, пропусков и сезонных билетов, он хотел снимать поток жизни для тонких журналов и толстых газет. Он хотел прославиться, и в этом нет ничего плохого.

Орешникова отвлекла от витрины расклейщица афиш, которая только что прилепила к стене плакат:

«Впервые в нашем городе! 29 декабря состоится очередной тираж 3 % выигрышного займа. Граждане! Приобретайте облигации!»

Орешников еще не знал, что этот скромно оформленный плакат сыграет в его жизни немалую роль.

Он вздохнул и заспешил на службу.

Владимир Антонович вошел в помещение, снял пальто и остался в черном джемпере, в узких, но расклешенных в самом низу брюках. Затем он поправил перед зеркалом короткую челку, которую в свое время носили римские патриции, а сегодня носят ученики первого класса и модные литераторы, раздвинул портьеру и появился в фотопавильоне, где только его и недоставало.

В поисках выхода из планово-финансового тупика коллектив монолитно молчал. Орешников

мгновенно оценил обстановку.

— Друзья мои! — звонко сказал он. — Они не пойдут сейчас сниматься. Они заняты. Им не до нас. Они моются, стригутся, покупают елки, шампанское и мандарины. Их можно понять, а понять — значит простить. Именно поэтому мне пришел в голову маленький всенародный почин.

Одиннадцать человек с надеждой повернули к Орешникову дружные головы.

— Поделись своими мыслями, Володя! — оживился Полотенцев.

— Что делают в театре, когда нет пьес? — спросил Владимир Антонович.

— Не знаю... — отозвался лаборант Юра. — Наверное, ничего не делают...

— Ответ неверный! — сказал Орешников. — В подобных случаях артисты сами пишут пьесы... А что делают в вытрезвителе, когда не выполнен план?

— Сами надираются! — радостно догадался ретушер Петя, который это дело уважал.

— Умница! — одобрил его Орешников. — А что делают в родильном доме, когда не выполняют план?.. Впрочем, это неудачный пример! — пресек оратор игру фантазии. — Раз нам некого снимать, будем снимать самих себя!

Вновь наступила тишина, а затем раздался смех. Смеялась фотограф Лидия Сергеевна, которая на правах красотки позволяла себе многое.

— Я считаю ваш смех, Лидия Сергеевна, — призвал ее к порядку Полотенцев, — оскорбительным! Владимир Антонович внес неплохое предложение, которое стоит обсудить.

Первой откликнулась на почин председатель месткома Алевтина Васильевна, женщина молодая, энергичная, незамужняя и, к сожалению, внешне похожая на своего некрасивого папу. Всю нерастраченную женскую нежность Алевтина расходовала на общественную работу.

— Товарищи! — сказала она с пафосом. — Мы никого не будем агитировать и тем более принуждать. Всё на добровольных началах. Нам представился очередной случай проявить сознательность. Каждый, как всегда, будет действовать по велению сердца и гражданского долга. Я, например, снимусь в трех ракурсах: в фас, в профиль и в полный рост. Запишите меня, Ира!

Лаборантка Ира, которая на всех совещаниях вела протокол, открыла фамилией Алевтины список добровольцев и выжидающе посмотрела на Юру. Пять месяцев назад они полюбили друг друга. Их роман протекал в темноте лаборатории,

и в этот период «Твой портрет» выдавал немало брака.

— Мы с Ирой тоже щелкнемся, но в трех видах нам дорого! — вздохнул Юра.

— Вы что, беднее других? — кинулась в атаку Алевтина, которая только что распространялась про демократию.

— Войдем в их положение! — встрял в перепалку Орешников. — Люди копят на квартиру. Люди не могут построить семью, ведь на строительство счастья тоже нужны деньги!

Алевтина была непреклонна:

— Ира замуж хочет, а мы из-за этого план не должны выполнять?

— Ладно, — отступила Ира, — мы с Юрой сфотографируемся в трех ракурсах!

— Пусть мне кто-нибудь объяснит разницу между добровольным и принудительным, — подал реплику Орешников, но почему-то именно эти слова не привлекли внимания.

— Я приведу сниматься маму! — пообещал ретушер Петя.

— Прекрасная идея! — воодушевился директор. — Давайте тащите сюда родственников, детей, бабушек, дедушек, друзей — всех волочите, кого сумеете…

— Боюсь, что прогрессивка, которую мы получим, за выполнение плана, — желчно усмехнулась Лидия Сергеевна, — вряд ли окупит расходы по нашим снимкам.

— А мы не думаем о личной выгоде! — мягко пожурила ее Алевтина Васильевна. — Мы находимся в обстановке небывалого подъема! Впрочем, вас, Лидия Сергеевна, никто не заставляет.

— Лидия Сергеевна, снимитесь! — примирительно сказал Орешников, который понимал толк в женской красоте. — Будет хоть одна фотография, на которую приятно смотреть.

— Начнем с того, что снимемся все вместе! — резюмировал директор.

Это предложение было поддержано с удовольствием. Сотрудники относились друг к другу с глубокой симпатией. Коллектив не раздирали распри, а, наоборот, подпирала дружба. Вместе встречали праздники, гуляли на днях рождения, устраивали культпоходы и лыжные вылазки.

Собрание проходило непосредственно в фотопавильоне. Женщины сели, мужчины, среди них и Орешников, встали сзади, образовав живописную группу. Кирилл Иванович Полотенцев собственноручно нажал на автоспуск, будто пе-

перезал алую ленточку, подбежал и плюхнулся на свободный стул между Лидией Сергеевной и Алевтиной Васильевной.

Автоспуск сработал, издав свистящий звук, и тотчас раздался посторонний голос:

— Есть здесь кто-нибудь живой? — и шторы при входе раздвинула старушка, очень старая.

— Одну минуточку! — попросила ее обождать Алевтина Васильевна. — Товарищи! У нас на повестке дня еще есть вопрос. Нужно, чтоб кто-то собрал членские взносы в кассу взаимопомощи. Костя-то в отпуске.

Желающие не находились. Никто не хотел брать на себя эту мороку, потому что, как известно, выбивать членские взносы — это каторжный труд.

Кассы взаимопомощи устроены для того, чтоб в трудные минуты жизни пайщики шли одалживать деньги не у приятелей, портя с ними отношения, а в кассу, то есть у самих себя. Если пайщик взял деньги и не думает их возвращать, то сумму долга удерживают из его зарплаты. Очень гуманная мера. Когда-то должников сажали в тюрьму, а у одного из индейских племен за долги до сих пор лишают имени и фамилии. Касса взаимопомощи демократична. Вносят в нее в

зависимости от зарплаты, а берут в зависимости от нужды.

Орешников снова выдвинулся на первый план:

— Дорогие мои земляки! В моей голове родилась еще одна мысль. Я выдвигаю свою кандидатуру на пост сборщика взносов вместо Кости, который был либерален и не умел вынимать из нас деньги.

Все с удивлением посмотрели на дурака-активиста. Но, как вскоре выяснится, активистом-то он был, а вот дураком отнюдь нет!

— Есть возражения против кандидатуры товарища Орешникова? — спросил сам Орешников.

Возражений, конечно, не последовало.

— Итак, я выбран! Алевтина, прошу ключи от месткомовского сейфа. Люди, гоните деньги!

Все гурьбой кинулись к выходу.

Орешников наметил первую жертву.

— Кирилл Иванович, сколько месяцев вы не платили в кассу взаимопомощи? — спросил он директора, перехватывая его в дверях.

Алевтина Васильевна, которая была не только председателем месткома, но и приемщицей, заторопилась к клиентке.

— Для кладбища у вас фотографируют? — де-

ловито осведомилась старушка. — Ну, вроде как на тарелку?

— Вы хотите сказать — на керамику? — поправила Алевтина. — Вам для памятника?

— Если *они* поставят, — загадочно ответила старушка. — Хотя в завещании деньги на это им оставлены.

— А фотография покойного у вас есть?

— Нет. Снять требуется.

— А где лежит покойник? — выясняла Алевтина, чтобы проставить адрес в квитанции.

— Я покойник! — сообщила старушка, как о чем-то само собой разумеющемся. — Только я еще не померла.

Алевтина вздрогнула.

— Ты пойми, девушка, — сказала старушка, даже не подозревая, что угадала, — вот помру я, разве они фотографию закажут? Надо самой везде поспеть. И ты вели фотографу, чтобы меня помоложе сделал. Кому будет охота гулять по кладбищу и смотреть на старуху.

— Лидия Сергеевна, займитесь товарищем! — позвала Алевтина и этим спасла ее. Дело в том, что Орешников пытался получить с красавицы взносы.

— Лидия Сергеевна! — взывал Орешников. —

Вы злостный неплательщик! Это нехорошо, несознательно! Это ведь касса взаимопомощи, можно сказать взаимной любви и выручки.

— Человек получил должность и сразу испортился! — сказала Лидия Сергеевна. — Вам надо жениться, Володя!

— Согласен. Но совершенно не на ком. Брижит Бардо выскочила за какого-то немецкого миллионера. Софи Лорен — за итальянского миллионера. В нашем городе я бы с удовольствием выбрал вас, но вы тоже замужем.

— А вы тоже не миллионер, — не осталась в долгу Лидия Сергеевна.

— У меня еще все впереди, — многозначительно намекнул Орешников.

— Лидия Сергеевна, вас ждут! — раздраженно напомнила Алевтина.

— Так, значит, не заплатите?

— Нет, — Лидия Сергеевна обворожительно улыбнулась и ушла увековечивать старушку.

Если бы Лидия Сергеевна знала, чем все это обернется, она бы бегала за Орешниковым и умоляла его принять от нее взносы на всю жизнь вперед!

Чего только не собирают люди! Если собирают марки — это называется филателией, открытки

— филокартией, спичечные этикетки — фаллюминией, чемоданные этикетки — кофрокартией, старинные монеты — нумизматикой, современные монеты — стяжательством, а как называется собирание членских взносов в кассу взаимопомощи — неизвестно.

Орешников подошел к Алевтине Васильевне:

— Алевтина, показывайте пример!

— У меня сейчас нет денег! — созналась председатель месткома.

— Займите! — потребовал безжалостный сборщик.

— У кого занять-то?

— У меня! — И Орешников полез в карман.

С большим трудом собрав с трудящихся дань, заставив всех расписаться в ведомости, он внес свою лепту и тоже расписался. После этого вложил деньги в конверт, открыл сейф, спрятал в него деньги и с нетерпением стал ожидать конца рабочего дня. Незадолго до закрытия фотографии Орешников совершил странный поступок, оставшийся не замеченным сослуживцами. Проходя мимо окна, которое смотрело во двор, он отодвинул шпингалеты.

Прекратив трудовую деятельность, сотрудники побежали домой к семьям и телевизорам. Орешн-

ников побежал вместе со всеми.

Минут через пятнадцать он вернулся. Фланирующей походкой бездельника прошел мимо погашенных витрин фотографии, как бы случайно свернул во двор и остановился возле окна, которое он сознательно оставил незапертым.

И здесь любимец коллектива показал подлинное лицо. Если бы все люди время от времени показывали подлинные лица, неизвестно, к чему бы это привело. Но люди хитры и непознаваемы, недаром именно из их среды выходят актеры и дипломаты.

Владимир Антонович саркастически усмехнулся и влез в окно. Потом закрыл его за собой, чтобы в ателье не было холодно.

Держался он спокойно, как опытный грабитель, но в глубине души ему было не по себе. Он прислушался. В лаборатории журчала вода. Орешников направился туда и завернул кран, чтобы не капало на нервы. Он уже собирался уйти, как вдруг в темном углу обнаружил каких-то людей, которые увлеченно целовались. При ближайшем рассмотрении это оказались Юра и Ира.

— Эй! — позвал Орешников. — Рабочий день кончился!

Бездомные лаборанты отпрянули друг от дру-

га. Ира банально поправила прическу, а Юра сказал:

— Спасибо, Володя! Как время быстро летит…

— До свидания! — намекнул Орешников.

— До свидания! — прошептала Ира.

— До свидания! — повторил Юра.

И они наконец ушли.

Очистив помещение от свидетелей, Орешников неторопливо подошел к сейфу. Мысленно он крался на цыпочках, сняв ботинки.

Он достал из кармана ключ, вставил его в замочную скважину сейфа и небрежно открыл дверцу. Мысленно он потел. Мысленно он задернул шторы на окнах фотографии, выключил свет и надел перчатки, чтобы не оставить отпечатков пальцев.

Открыв сейф, Владимир Антонович вынул конверт с деньгами и без колебаний переложил из общественного кармана в собственный. Внешне он держался молодцом, но внутри обессилел.

Тут ему показалось, что хлопнула входная дверь.

— Ай! — вскричал Орешников внутренним голосом и наружным тоже. На всякий случай он прикрыл спиной амбразуру сейфа.

Но тревога оказалась ложной. Это на улице

кто-то хлопнул дверцей машины.

Успокоившись, Орешников повел себя еще более странно. Вместо того чтобы бежать со всех ног, он сел за стол и принялся сочинять какую-то бумагу. Сочинив ее, беспечно проследовал в кабинет директора, достал круглую печать, подышал на нее и прижал к бумаге, которая стала теперь документом.

Затем он вернулся к осиротевшему сейфу и взамен присвоенных сумм положил в него таинственный документ.

Если бы можно было проникнуть в сейф и прочитать оставленную там бумагу, кое-что стало бы ясным. К сожалению, законным путем проникнуть в запертый сейф невозможно, прибегать к отмычке неэтично, а ключи положил в пиджак фотограф Орешников.

Он закончил операцию, и ему стало хорошо. Мысленно он снял перчатки, зажег свет в комнате, раздвинул занавески на окнах и надел ботинки, которые на самом деле не снимал. Затем не только в мыслях, но и наяву, вылез в окно на мороз, пересек двор и вышел на главную улицу, освещенную огнями большого города.

Конечно, Орешников мог и не устраивать весь этот спектакль с лазаньем в окно и грабежом

сейфа, ключи от которого были у него самого, а просто в конце рабочего дня достать конверт с деньгами и положить в карман, но так Орешникову было неинтересно.

Теперь он уносил деньги и ноги подальше от фотографии, и его следы заметало снегом.

27 декабря, вечер

После трудового дня коллектив распадается на составные части. Люди, которые вместе работают, живут, слава богу, раздельно. И заботы у них совершенно разные.

Юра и Ира, которых спугнул Орешников, прибежали после работы в узенький переулок, густо забитый народом. На грязном желтом снегу топтались сотни людей. Они прихлопывали себя по бокам, дышали на озябшие руки, переминались с одной обледенелой ноги на другую. А вокруг — на стенах домов, на стволах деревьев, на водосточных трубах, даже на урнах — не оставалось свободного места. Все было заклеено бумажками с призывным текстом.

Ира достала из сумочки два картонных плаката, оба на веревочках, один надела на шею Юре, второй нацепила на себя. Затем они стали расхаживать взад и вперед среди других горожан, которые тоже носили на шеях ярмо.

Непосвященный не смог бы понять, что это — барахолка или клуб заговорщиков?

Трудно найти человека, который доволен своей квартирой! Меняться хотят все. И поэтому в

каждом городе существует Бюро обмена. А возле Бюро обмена — толкучка, к ужасу тех, кто живет в соседних домах.

Плакаты, которые носили лаборанты, взывали: «Меняем комнату 12,1 кв. м в пятикомнатной квартире, все удобства, телефон — на две комнаты, не менее 10 метров каждая».

Первым напал на молодых людей странный субъект, сильно помятый, похоже — с перепоя. Его тоже украшал плакат:

«Меняю комнату 5,77 кв. м в деревянном доме без удобств на равноценную».

— Не подойдет? — спросил он Юру. Тот отрицательно покачал головой, и они разошлись.

— Добрый вечер! — окликнула Иру трехкомнатная квартира, которая менялась на четырехкомнатную. Трехкомнатную представляло существо, закутанное с головы до ног в шубы и одеяла.

— Здравствуйте! — обрадовались влюбленные. — Что-то вас давно не было!

— Болел! — ответила трехкомнатная квартира. — Простудился на этом проклятом месте! А вы одеты легкомысленно. Без валенок не обменяешься, а попадешь в больницу.

— У нас нет валенок! — признались Ира и Юра. — Как ваши дела?

— Четырехкомнатные не строят! Считается, что они не нужны! А вы собираетесь доплатить?

— Что вы! У нас нет денег! Мы хотим пожениться, но нам негде. У Ириных родителей и без меня тесно. А я с братом живу на двенадцати метрах.

— Вы его комнату меняете?

— Ну да!

— Без доплаты никто не пойдет!

— Может быть, кто-нибудь найдется…

— Дураков мало!

— Все-таки есть, — сказала Ира с надеждой.

В отличие от Иры и Юры у Кирилла Ивановича Полотенцева была, быть может, самая большая квартира в городе — семикомнатная.

Чтобы обеспечить Кирилла Ивановича, пришлось объединить две соседние трехкомнатные квартиры. Кирилл Иванович и его жена Вера Фоминична нашли приют в лишней кухне, из которой, когда выкинули плиту и мойку, получилась отличная шестиметровая комната. Две ванные и два туалета были сохранены. Иначе перед этими помещениями выстраивалась бы очередь.

Дело в том, что у директора фотографии, человека, в общем-то, смирного, было десять детей. Все население квартиры составляло шестнадцать

душ: значит, Кирилл Иванович с женой, десять упомянутых детей, из которых старший, Сева, женился и старшая, Наташа, вышла замуж; Сева и его жена Муза успели обзавестись сыном Левочкой, и была еще жива и во все лезла мама Веры Фоминичны. Все ее звали по имени — бабушка Катя.

Когда Кирилл Иванович, возвращаясь со службы, вошел во двор, то сразу увидел четырехлетнего внука Левочку. Он вел беседу с приятелем из соседнего подъезда.

— Мне папа купил заводной вертолет! — хвастал приятель.

— Подумаешь! Мне дедушка обещал заводную ракету! — сказал Левочка.

Приятель задумался, чем бы перещеголять Левочку, и наконец сообразил:

— А у меня дедушка умер!

Левочка не сдался:

— Подумаешь! Мой дедушка тоже скоро умрет!

Кирилл Иванович остановился и явственно ощутил, как его кольнуло в самое сердце. А внук Левочка, увидев деда, радостно кинулся навстречу:

— Дедушка, что принес?

Чтобы в колхозе Полотенцевых не было нераз-

берихи, Вера Фоминична всегда назначала дежурных. Расписание дежурств висело в коридоре возле вешалки.

Сегодня обязанности диспетчера выполнял Коля, восьмой по счету ребенок, ученик третьего класса.

— Докладывай! — сказал ему Полотенцев-старший, войдя в квартиру и раздевая Левочку, который оказывал посильное сопротивление.

— Значит, так, — приступил Коля. — Муза пошла к зубному, Сева пошел с ней, потому что она боится. Мама уехала на съезд металлистов, я ей помогал писать приветствие. Гена двойку схватил по алгебре, зато Люба сдала зачет.

— Какой? — спросил Полотенцев-старший.

— По спектральному анализу! — бойко ответил современней ребенок. — А Наташка беременная…

И прежде чем отец успел опомниться, дежурный закончил рапорт:

— Я принес белье из прачечной, а учитель в студии сказал, что мне нужен мольберт!

Кирилл Иванович всегда возвращался домой с опаской. Его десять отпрысков вечно нуждались в чем-то, и позарез!

— Без мольберта ты уже не можешь.

— Все говорят, что у меня способности, ты тоже любишь похвастать: мой Коля здорово рисует…

— Денег нет, — сказал отец святую правду.

Попробуйте одеть, обуть и прокормить такую ораву на зарплату директора фотографии!

— Вот тебе письменная заявка. — Коля протянул отцу бумагу. — При распределении получки и пособия на многодетность учтите.

В это время со съезда металлистов вернулась глава колхоза Вера Фоминична. Она была единственной матерью-героиней в городе, и поэтому ее, как местную достопримечательность, бесконечно тягали на все городские собрания, заседания и митинги. Одобрить почин, зачитать приветствие или заклеймить империалистов было теперь для нее плевым делом. А дети тем временем росли по принципу самообслуживания. И хорошо росли!

Тем не менее Вера Фоминична царствовала в семье, а Кирилл Иванович занимал при дворе скромное положение, нечто вроде министра без портфеля.

Вера Фоминична вошла, остановилась возле двери и поставила на пол хозяйственную сумку, в которой лежали шестнадцать пирожных — на каждого по штуке.

— Коле нужен мольберт, — сообщил Кирилл Иванович.

— Конечно, нужен. А Пете необходима белая рубашка.

— Почему он не может носить Лешину?

— Не может! Теперь такие воротнички не носят.

— Наташа в положении!

— Кто сказал? — улыбнулась Вера Фоминична. В этой семье всегда радовались пополнению.

— Я сказал, — вставил Коля, добравшись до коробки с пирожными. — Я сегодня дежурный.

— Леше нужен гоночный велосипед, — вспомнила мама.

Гоночный велосипед был ударом ниже пояса. Полотенцев не нашелся что сказать.

— Не надо было заводить столько детей, — традиционно пошутила Вера Фоминична.

— Все время что-то нужно. Этому нет конца. Я не миллионер!

— Твое богатство — это дети!

Трогательную сцену испортил Коля. Ему захотелось пирожного. Он снял с вешалки пионерский горн и протрубил сигнал: «Кушайте все!»

Из всех дверей повалили в столовую Полотенцевы разного пола и возраста.

Пока семья Кирилла Ивановича шумно ужинала, Лидия Сергеевна возвращалась домой.

Женщина, даже самая красивая, перестает быть похожей на женщину, если после работы едет городским транспортом.

Когда Лидию Сергеевну вытолкнули из трамвая, ее просто нельзя было опознать. Она стала похожей на курицу, которую ощипывали и остановились где-то на полпути. Дышала Лидия Сергеевна, как бригада вокзальных носильщиков, когда у них еще не было тележек.

В таком непотребном виде она заявилась домой.

— Кто тебя мял? — неприветливо встретил ее муж.

Лидия Сергеевна упала на стул, но муж не дал ей прийти в себя и привычно взял разгон:

— Где ты шаталась?

Никто из знакомых не знал имени этого серого мужчины. Все называли его просто: «Муж Лидии Сергеевны». Он смотрелся рядом с женой, как винегрет рядом с леопардом.

— Обед готов? — устало спросила Лидия Сергеевна. — Я очень голодна.

— Я знаю, ты вышла за меня замуж, чтобы я мотался по магазинам, варил обед и мыл посуду!

Да, у меня заурядная внешность, я не знаменитый футболист, не модный поэт и не генерал. Я всего лишь рентгенолог. Я сижу целый день в темноте…

— Слушай, надоело! Перестань! Я тебя люблю, — отмахнулась жена, — только тебя. Успокойся.

— Я знаю, ты меня бросишь! — не унимался ревнивец. — Я, между прочим, студень сварил. А почему ты так поздно пришла?

— Понимаешь, я хотела сделать маникюр, но перед Новым годом ни в одну парикмахерскую невозможно пробиться, — монотонно оправдывалась Лидия Сергеевна.

— А в рабочее время ты не могла пойти в парикмахерскую? — заявил муж, зная, что обычно его жена делает личные дела именно в рабочие часы.

— Не могла. У нас было собрание.

— Собрание! Ты бы сначала думала, прежде чем врать!

— Понимаешь, мы не выполнили план, — стала рассказывать все как было Лидия Сергеевна, — и решили для выполнения сниматься сами. Может быть, ты тоже придешь и снимешься?

Это было чересчур. Муж завыл…

Он выл потому, что не верил красивой жене.

Он выл потому, что боялся ее потерять. Он выл потому, что ее любил.

Пока он выл, Лидия Сергеевна ела студень.

Если семейную жизнь Лидии Сергеевны можно было считать устроенной, то у Алевтины Васильевны все обстояло значительно сложней.

Когда она вернулась домой, мама встретила ее в передней и прошептала на ухо:

— Жених пришел!

Алевтина вспыхнула и помчалась переодеваться.

Она появилась в столовой, одетая в лучшее платье, где пышный бант заменял отсутствующую грудь.

За столом пил чай с домашним вареньем жених лет пятидесяти. А в углу прятался за табачным дымом отец Алевтины, Василий Александрович, который к сватовству относился с отвращением. За последние десять лет, после ряда безуспешных попыток, требования Алевтины к кандидатам на пост мужа резко упали. И поэтому жених не произвел на нее отталкивающего впечатления. В самом деле, он не был горбат, одноглаз и не носил слуховой аппарат. Он сказал внятно, не шепелявя и не заикаясь:

— Ну здравствуй!

— Здравствуйте! — ответила Алевтина, протягивая руку, сложенную совком.

Здороваясь, жених с места не приподнялся и руки не поцеловал.

— Меня зовут Иван Степанович. Фамилия Калачев. А тебя как?

— Аля. — Она засмущалась и присела на краешек стула.

— Вы пейте чай, Иван Степанович, — вступила в беседу мама. — Это варенье Аля сама варила.

Иван Степанович разглядел невесту, и ее внешность ему не понравилась. Сразу встать и уйти было непорядочно. Иван Степанович завел вежливый разговор:

— Значит, в фотографии работаешь, приемщицей?

— Да… — прошептала Алевтина.

— Это ничего. У нас любой труд почетен.

Отец закашлялся от дыма и от гнева.

— Варенье у тебя вкусное… — Иван Степанович вовсе не хотел обижать Алевтину. Она же не виновата, что у нее такое лицо.

— Аля замечательно готовит, — хлопотала мать. — Вот когда зайдете в следующий раз, Аля вам яблочный пирог спечет.

— Не знаю, когда еще выберусь, — вздохнул

Калачев, — работа у меня беспокойная, я ведь директором автобазы... — Он поглядел на часы и фальшиво заохал: — Засиделся у вас. Пора мне. Спасибо за чай!

— Убирайся отсюда! — послал его подальше Василий Александрович. — Чтобы ноги твоей здесь больше не было!

— Не сомневайся! Не будет! — с достоинством ответил несостоявшийся зять, выходя в коридор.

Алевтина сидела красная, бант поник. Пока жених надевал калоши, мама пыталась спасти положение.

— Из-за тебя, — сказала она мужу, — дочь никогда замуж не выйдет! А ну-ка, проводи его! — приказала она Алевтине.

— Не пойду!

— А у меня нет больше сил женихов выискивать!

И Аля покорилась.

— Я вас провожу! — сказала она Ивану Степановичу, выйдя в переднюю и стараясь не реветь.

— Валяй! — разрешил бывший жених.

Уже на улице Калачев решительно осудил родителя Алевтины:

— Отец у тебя больно горластый. Из военных, наверно?

— В отставке.

— Много себе позволяет…

— А ему все это сватовство противно!

— А тебе?

— Мне тоже.

Калачев посмотрел на нее с интересом:

— А чего пошла провожать?

— Мать велела.

— Ну и как я тебе, понравился?

— Человек вы несимпатичный! — искренне высказалась Алевтина, прекрасно понимая, что терять нечего, и не желая поэтому терпеть унижений.

— Ты тоже не подарок! — не скрыл правды Калачев.

— А зачем вам жениться в таком возрасте? — с подковыркой заметила Алевтина. — Домработница нужна, что ли?

— А ты на другое и не годишься! — не остался в долгу Калачев.

Алевтина поглядела на него печально:

— Вот вы думаете, Иван Степанович, некрасивая я. А это не так. Просто у меня денег не хватает. Вот если бы я могла купить туфли на шпильках, ажурные чулки, платье-джерси и модное пальто, меня бы любой в жены взял! И не ходила бы я с

таким охламоном, как вы!

Высказав все, Алевтина повернулась и ушла, не оглядываясь.

Иван Степанович посмотрел ей вслед и озадаченно подумал: «А может, действительно, если ее приодеть, сойдет».

Пока Калачев смотрел вслед Алевтине, мимо него проскользнул Орешников с дерзким проектом в голове и с общественными деньгами в кармане для выполнения этого проекта.

Владимир Антонович подошел к сберкассе № 5288/0331 и толкнул входную дверь, не зная, что этот поступок повернет его судьбу самым крутым образом.

Контролер сберкассы Оля была маленького роста, и, чтобы посетители сберкассы могли ее разглядеть, подкладывала под себя два тома Большой советской энциклопедии. А разглядеть Олю стоило. Хотя она всю сознательную жизнь считала и пересчитывала чужие деньги, отпечаток зависти не лег на ее славную физиономию. Хорошенькие девушки в магазинах, парикмахерских или сберкассах раньше ждали сказочного принца или, на худой конец, миллионера. Теперь они ждут космонавта или, на худой конец, киноартиста. Оля надеялась, что откроется дверь и в

сберкассу, чтобы разменять сторублевую купюру, случайно зайдет живой Рыбников, увидит ее, Олю, и скажет:

«Отказываюсь от жены своей, киноактрисы Аллы Ларионовой, — тебя я всю жизнь ждал!»

Но шли дни, превращались в месяцы и годы, а Рыбников все не заходил.

Зато перед самым закрытием в сберкассе появился Владимир Антонович Орешников, просунул в окошко незаурядную голову, увидел Олю, тихо ахнул и спросил:

— Почему у меня никогда не было сберкнижки?

Оля встретилась с ним глазами и поняла, что принц наконец пришел!

— Вы хотите завести сберегательную книжку? — спросила Оля дрогнувшим голосом.

— Нет! — ответил Орешников, не сводя с нее глаз.

— А зачем же вы пришли? — сказала Оля, влюбляясь.

— Я пришел, — сказал Орешников, тоже влюбляясь, — купить одну облигацию трехпроцентного займа.

— Пожалуйста! — сказала Оля.

— Только дайте мне, пожалуйста, ту, которая

выиграет десять тысяч! — протягивая украденные деньги, сказал Орешников.

— Возьмите! — Оля счастливой рукой вытащила из пачки облигацию и отдала Орешникову.

— Подумать только! — патетически воскликнул Владимир Антонович. — Если бы я не ограбил сегодня сейф, мы бы никогда не встретились!

Оля улыбнулась, и ее улыбка доконала хранителя кассы взаимопомощи.

— Вас зовут Оля, — сказал вдруг Орешников.

— Откуда вы знаете? — удивилась девушка.

— Наверно, телепатия. Вы ведь тоже знаете мое имя?

— Володя… — неуверенно сказала Оля.

— Правильно! — подтвердил Орешников. — И пойдем отсюда!

Оля послушно надела пальтишко и пошла за Орешниковым.

На улице современная Золушка робко спросила:

— А куда мы пойдем, Володя?

— Хотелось бы пойти туда, где побольше тепла и поменьше людей, — поеживаясь от холода, ответил современный принц. — Чтобы попасть в кафе, надо стоять в очереди, в кино не достать билетов, музеи уже закрыты, в церквах не топят,

а метро в нашем городе нет. И все-таки, Оля, вам повезло, что вы встретились со мной! Пошли!

В искусстве, как в спорте, главное не рекорды, а массовость. Важно, чтобы спортом занимались все — от академика до колхозника. И так же важно, чтобы пьесы писали все — от колхозника до академика. Подлинный расцвет драматургии наступит тогда, когда пьесы начнут сочинять массы, а не отдельные выскочки. На пути развития драматургии, как и на остальных путях, уже имеются достижения. С каждым годом количество авторов растет. Пьес столько же, сколько, например, министерств, то есть очень много, просто не сосчитать. А ставить театрам нечего!

Орешников и Оля успели к городскому театру как раз к началу спектакля. Шла пьеса, которую сварганил для выполнения плана местный графоман.

Билеты в кассе были. Но Орешников подошел к окошку администратора и поздоровался:

— Добрый вечер, Марк Яковлевич!

— Здравствуй, Володя! — улыбнулся ему администратор. — Как отец?

— Выздоравливает и завтра явится на репетицию. Вы мне не дадите два места в партер?

Марк Яковлевич охотно выписал ему места в

девятом ряду.

По мраморной лестнице они поднялись в фойе, где висели портреты артистов, снятых в их ранней молодости. По навощенному паркету Орешников подвел Олю к буфетной стойке, они выпили шампанского, закусили пирожным «эклер», и еще Орешников купил несколько конфет, чтобы есть их по ходу представления.

— Вы знаете, Оля, я тоже играл в этом театре, — рассказывал он. — Я сделал гигантскую карьеру. Я начинал с восьмого солдата, а доигрался до того, что у меня была реплика: «Наши взяли город!» Это было вершиной моего творчества!

Оля рассмеялась.

Прозвенел третий звонок. Орешников и Оля устремились в зрительный зал.

— Здесь тепло, — сказала Оля, усаживаясь, — и кресла мягкие…

— А главное, мы, можно сказать, одни! — заметил Орешников, тоже усаживаясь. — Оглянитесь по сторонам!

Оля огляделась. По партеру, кроме них, было разбросано шесть парочек. Две парочки укрылись в бельэтаже. А еще одна парочка на балконе уже целовалась, не дожидаясь, пока погаснет свет.

Но вот огромная хрустальная люстра перестала

сверкать. Оркестр из семи грустных музыкантов сыграл торжественную увертюру. Раздвинулся занавес. Декорация изображала сегодняшнюю пятиэтажную деревню. Толпа колхозников, одетых по последней моде, заимствованной из французского журнала «Вог», смотрела на героя и героиню. Причем артистов на сцене было значительно больше, чем зрителей в зале.

— Ты смотри, не бросай родную деревню! — сразу начал разрабатывать конфликт герой.

— Деревня не удовлетворяет мои духовные устремления! — заартачилась героиня.

— Мы скоро троллейбус по главной улице запузырим! — пообещал герой. — И высотный коровник отгрохаем, в двадцать семь этажей!

— А как же коровы будут лазить на такую высоту? — ехидно спросила героиня. Артисты дружно рассмеялись, потому что по замыслу автора это была юмористическая реплика, на которую следовало смеяться.

— Мы их на лифте будем подымать! Не уезжай ты, зорька ясная, не ломай золотую любовь… — речитативом заканючил герой.

Орешников и Оля не сводили глаз друг с друга. Им было очень хорошо. Мешали только артисты, потому что говорили громко.

28 декабря

Назавтра сотрудники фотографии приносили себя в жертву, вдохновленные решением общего собрания. Как один человек, пришли шестнадцать Полотенцевых, дружно пошумели, внесли вклад, вгоняя при этом в пот обоих фотографов, и разбежались по городу.

Когда Алевтина приступила к выполнению долга, ее охватил энтузиазм.

— Опустите голову! — попросил Владимир Антонович, не предполагая, что наносит смертельный удар по священному порыву.

Вложив свой кирпич в здание годового плана, Алевтина возвратилась на рабочее место. Здесь ее поджидал незваный посетитель. Он сидел в распахнутом пальто, под которым виднелся выходной костюм, белая рубашка и галстук, вывязанный узлом величиной с диетическое яйцо высшей категории. В одной руке посетитель держал шапку, в другой — цветок.

Увидев этого человека, Алевтина покраснела.

— Здравствуй, Аля! — сказал Иван Степанович Калачев.

— Вы зачем пришли? — нелюбезно встретила

его приемщица.

— Фотографироваться, — улыбнулся Калачев.

— А что, в городе другой фотографии нет?

— Ваша самая лучшая.

— Вы с цветком будете сниматься? — не удержалась от шпильки Алевтина.

— А ты не язви! — с укором сказал Иван Степанович. — Цветок тебе! А зимой цветы очень дороги!

— А с чего это вы так расщедрились?

Тут Калачев решил, что настал удобный момент, хватит тянуть резину, пора брать быка за рога:

— Ты пойми, Алевтина! Я целую ночь не спал, думал, взвешивал! Более подходящей жены мне не найти. Сам-то я немолодой уже, малопривлекательный, живот растет, а на голове наоборот! С тобой мы два сапога пара! Обманывать я тебя не буду, и ты меня не будешь — кто на тебя польстится?

Такого Алевтине еще никто и никогда не говорил. По сути дела Калачев установил рекорд!

— Это как же понять? — беззащитно прошептала Алевтина. — Вы мне в любви изъясняетесь, что ли?

Иван Степанович понял, что переборщил.

— А что я такого сказал? — стал оправдываться жених, переполненный серьезными намерениями. — Я тебя любить буду и получку обещаю отдавать всю, до копейки! А другая за меня и не пойдет.

Терпение Алевтины лопнуло.

— Иван Степанович! Я хочу выйти замуж! Все время про это думаю! Но лучше умереть старой девой, чем жить с человеком, который тебя унижает!

— Чего ты кипятишься? — с максимальной нежностью, доступной его сердцу, сказал Иван Степанович. — Я к тебе с открытой душой. И характер твой мне нравится — правдивая ты! А я, понимаешь, вдовец. Не могу жить без хозяйки. Давай вечером в кино пойдем? Ну как? — закончил он с надеждой. — По рукам?

Алевтина нашла спасительный выход:

— Владимир Антонович! Гражданин пришел фотографироваться! Займитесь им, пожалуйста! — И вышла.

Увидев Ивана Степановича с цветком в руке, Орешников задумался и поглядел на модель творческим взглядом.

— Мы сделаем композицию, — вдохновенно сказал он. — Мужчина и роза!

— Этого не надо! — отказался Калачев.

— Вы уж доверьтесь художнику!

— Ни в коем разе! Кому-кому, а художнику нельзя доверять!

Иван Степанович сел и уставился в объектив:

— Ты давай без фокусов, без абстракций!

Тут к Орешникову подошел ретушер Петя и провел языком по страждущему нёбу:

— Володя, извини, дай три рубля!

Петя был человек бедный и поэтому всегда возвращал долги.

— У меня денег нет!

— А ты мне выдай трешку из кассы взаимопомощи, в официальном порядке. — Жажда сделала Петю сообразительным.

— А я эти деньги уже потратил! — сказал правду Орешников, но Петя не поверил, обиделся и ушел.

Чтобы больше не встречаться с Калачевым, Алевтина отсиживалась в кабинете директора. Коротая время, она советовалась с Кириллом Ивановичем по важному поводу.

— Денег ни у кого нет. Под Новый год все растратились, — уныло сетовал Полотенцев.

— Мы не можем ломать традицию. Мы живем дружно, такие мероприятия сплачивают коллек-

тив, — настаивала председатель месткома.

— Я не против, — сдался Кирилл Иванович. — Но где взять деньги?

— В кассе взаимопомощи.

Полотенцев распахнул дверь и позвал Орешникова:

— Володя, открывай сундук и неси взносы.

— Зачем? — нахмурился Владимир Антонович.

— Нужны! — сказала Алевтина.

— Вы все сговорились, что ли? — вдруг взбунтовался Орешников.

Он выскочил из кабинета, хлопнул дверью, промчался по комнатам, со злостью открыл сейф, достал из него бумажку, которую он положил туда вместо денег, вернулся обратно и сунул эту бумажку под нос директора:

— Эти взносы я первый одолжил! Вот расписка!

Полотенцев и Алевтина с удивлением воззрились на невиданный документ.

— Что же нам делать? — искренне огорчилась Алевтина. — Мы каждый раз под Новый год собираемся…

Орешников тоже расстроился:

— Если бы я знал, что это для такого святого дела, как междусобойчик, я бы ни за что их не

потратил.

— Ну ладно, Володя, — примирительно сказал директор, возвращая расписку Орешникову, — придумаем что-нибудь.

— А на что вы их потратили? — Алевтиной двигало не женское любопытство, а чувство общественного долга.

— Купил облигацию, — оптимистично сообщил Орешников. — Мне нужно выиграть четыреста двадцать рублей.

— Почему четыреста двадцать? — весело осведомился Полотенцев. — Почему не десять тысяч?

— Хочу купить фотоаппарат «Зенит-112».

Полотенцев рассмеялся. Но Алевтина насторожилась.

— Завтра я этот долг погашу! — объяснил Орешников. — С выигрыша.

При этих словах Кирилл Иванович засмеялся еще громче.

Алевтина по-прежнему не видела в поведении Орешникова ничего смешного.

— Это антиобщественный поступок! Коллектив вам доверил деньги, а вы их истратили на себя!

— Это ведь на несколько дней, — стал оправдываться Владимир Антонович. — Если не повезет — я допускаю такую возможность, — тогда я сдаю

облигацию, возвращаю деньги и больше в эту азартную игру не играю!

— У меня жена в тиражной комиссии, — вспомнил Полотенцев, все еще смеясь. — Ты сходи, Володя, посмотри, как это там выигрывают другие. Ради такого важного дела я тебя отпускаю с работы. Желаю тебе удачи! Ты давай там сорви куш побольше…

В этот день в фотографии больше ничего интересного не произошло.

Интересное случилось после работы, когда Лидия Сергеевна, включившись в общую сутолоку, направилась по магазинам.

Сегодня ей особенно досталось.

Несмотря на то что трудовой год кончался, у людей еще оставалось много нерастраченных сил. Нестриженые толпы трудящихся штурмовали парикмахерские, словно в течение года у них не было времени сделать себе прическу. Немытые толпы атаковали бани, словно у них не было времени помыться раньше. Трезвые толпы осаждали винные магазины, словно за весь год у них не было предлога выпить.

На елочном базаре, где неистовые горожане отнимали друг у друга худосочные стволы, Лидия Сергеевна потратила два часа, пытаясь купить

елку. Наконец она с бою взяла хвойное дерево, которое правильно срубили, так как оно уже давно не украшало лес.

Закончив покупки, Лидия Сергеевна доплелась до своей двери. Достать ключ из сумочки у нее не хватило сил, да и руки были заняты. Она постучала в дверь ногами. Муж не открывал. Тогда Лидия Сергеевна прислонила к стенке тощую елочку-палочку, поставила на пол сумки, достала ключ и открыла дверь.

— Милый! — позвала Лидия Сергеевна. — Я елку достала и твой любимый рокфор!

Муж не прибежал даже на запах рокфора.

Лидия Сергеевна забеспокоилась. Муж давно должен был быть дома. Волоча ствол, Лидия Сергеевна вошла в комнату.

В комнате не было ничего!

У Лидии Сергеевны стало такое выражение лица, которое обычно появляется у женщины, когда ее остригли под ноль.

Вряд ли кому понравится прийти домой и увидеть обчищенную квартиру.

Когда к Лидии Сергеевне вернулось сознание, она заметила, что вор действовал странно. Он вывез всю мебель, кроме трельяжа. И забрал все вещи, кроме женских! Прежде чем украсть

шкаф, он вынул из него платья и, чтобы их не помять, на плечиках развесил по шпингалетам окон. Белье Лидии Сергеевны он сложил на пол стопкой, но подстелил газету, а туфли стояли у стены, выстроенные в ряд. Женскими вещами жулик явно побрезговал. Очевидно, он был женоненавистником. Более того, вор оставил записку. Записка лежала на паркете в центре комнаты, придавленная черной лаковой туфелькой.

Текст письма был лаконичен:

«Твоего я ничего не взял!»

Лидия Сергеевна все поняла и зарыдала. Из-за кражи она не стала бы так отчаиваться. Как все женщины мира, она предпочла бы, чтоб ее обокрали, нежели бросил муж! О том, что она вскоре полюбит Орешникова, Лидия Сергеевна еще не знала и поэтому рыдала безутешно.

А жизнь тем временем шла своим чередом. На ночь глядя Орешников вел Олю к фотографии «Твой портрет». Они зашли во двор. Владимир Антонович открыл окно и галантно сказал:

— Пожалуйста!

Оля доверяла любимому и полезла в окно, не думая о том, что поступает неосторожно. Орешников прыгнул за ней, затворил окно, чтобы не влез еще кто-нибудь и не помешал им, и они с

Олей остались в полной темноте. Но Орешников повел себя не так, как ведет себя в подобных ситуациях бо`льшая, но худшая часть мужского населения планеты. Он не воспользовался обстоятельствами и не стал приставать к девушке. Он взял ее за руку, пригласил в фотопавильон и включил полный свет.

— Слушай, Оля! — сказал Орешников. — Я большой художник, а все большие художники оставляют потомкам портреты любимых. Сядь на этот стул, я тебя буду фотографировать! — И он накрыл голову пыльной черной тряпкой.

Оля была потрясена благородством своего избранника. Она полюбила его еще больше, хотя уже вчера любила изо всех сил.

— Голову чуть левее! — попросил Орешников.

Оля повернула голову левее.

— Нет, не так! — сказал Орешников. Он вылез из-под тряпки и, ласково прикоснувшись руками к Олиной голове, повернул ее в нужном для искусства направлении. Затем вернулся к аппарату, поправил осветительный прибор, поглядел на Олю сквозь матовое стекло и, как взыскательный мастер, опять остался недоволен.

Он вторично прикоснулся руками к Олиной голове, придавая ей нужный ракурс. На этот раз

данная процедура длилась несколько дольше, и Орешников уже менее охотно отошел к аппарату.

Когда он подходил к Оле в шестой раз, у него не хватило силы покинуть ее. Совершенно непонятно, как это случилось, но они поцеловались.

Это произошло стихийно. Орешников на самом деле мечтал снять Олин портрет, но он не был виноват, что ничего не вышло.

Любовь оказалась сильнее искусства.

— Отверни аппарат! — попросила Оля. — Он на нас смотрит!

29 декабря, день

Тираж разыгрывался на сцене городского театра и успешно заменил дневной спектакль. В городе розыгрыш проводился впервые, и зал был битком набит желающими выиграть. В глубине сцены за столом восседала тиражная комиссия, составленная исключительно из честных людей. Среди них заслуженно находилась мать-героиня Вера Фоминична Полотенцева. На просцениуме установили два вертящихся барабана, заполненных бумажками. Бумажки, туго свернутые в трубки, скрывали номера облигаций и номера серий. Высокая честь вытаскивать счастливые номера была по традиции оказана пионерам. Взрослым никогда этого не доверяют. Взрослые могут смухлевать, в нужный момент изловчиться и добыть из тысячи бумажек именно ту, которую им надо. А в данном случае руками ребенка так же, как устами, глаголет истина.

Орешников явился к самому началу официальной процедуры.

Уходя из фотографии, он обошел всех сотрудников и уговаривал каждого составить ему компанию. Но никто не держал облигаций. Все

желали Орешникову успеха, только Алевтина Васильевна промолчала. Потом она позвала лаборантку Иру, попросила подменить ее, надела пальто и устремилась вдогонку за Владимиром Антоновичем.

Орешников сел в седьмом ряду на тринадцатое место, в ужасе подскочил и перепрыгнул на соседнее, четырнадцатое. Если бы он этого не сделал, облигация наверняка бы не выиграла.

Люди с детства играют в азартные игры. «Что наша жизнь?» — спрашивают в популярной опере и тут же отвечают: «Игра!» В другой, не менее популярной опере утверждают: «Люди гибнут за металл!»

Владимир Антонович Орешников как раз находился на краю гибели.

— Разыгрывается выигрыш в десять тысяч рублей! — объявил в микрофон председатель тиражной комиссии.

Барабан завертелся. А когда остановился, пионерка с лицом ангела вынула свернутую бумажку и отдала председателю. Тот развернул ее и огласил номер облигации:

— Два ноля тридцать пять сорок три!

Орешников полез в карман, достал облигацию и поглядел на нее. Номер совпадал.

У Орешникова на секунду остановилось сердце.

Пионер с лицом архангела извлек из другого барабана другую бумажку и тоже передал председателю. Председатель опять развернул и зачитал номер серии:

— Ноль один!

У Орешникова еще раз остановилось сердце, но, к счастью, не навсегда. Номер серии тоже совпадал.

На месте Орешникова нормальный человек поступил бы так: воровато огляделся бы по сторонам, надежно спрятал облигацию и, стараясь не привлекать внимания, на цыпочках скрылся.

— Я здесь! — заорал на весь театр Орешников и кинулся на сцену. — Вот облигация!

Тихое течение тиража было нарушено.

Зал встал и начал завистливо аплодировать.

Члены тиражной комиссии по очереди пожимали счастливчику руку.

Вера Фоминична Полотенцева узнала фотографа и пододвинула к себе микрофон.

— Дорогие товарищи! — сказала она поднаторевшим голосом. — Крупный выигрыш пал на облигацию, которая принадлежит жителю нашего города, скромному труженику, фотографу,

товарищу Орешникову! Поприветствуем его!

Зал захлопал пуще прежнего. Орешникову было хорошо. Он понял, что рожден для славы и для денег. Он не стеснялся, он кланялся, как прима-балерина. Ему хотелось плясать, но не было музыки.

В партер вбежала Алевтина и увидала на сцене фотографа, которому рукоплескала толпа.

Алевтина ничего не понимала, но нехорошее предчувствие закралось в ее душу.

— Переходим к следующему выигрышу — в пять тысяч рублей! — утихомирил возбужденных игроков председатель комиссии.

Но главный игрок не унимался:

— Извините, а как же я?

— Что вы? — переспросил председатель.

— Я жду.

— Чего?

— Денег! — просто сказал Орешников.

Настырность героя зал встретил одобрительно. И тут Алевтина все поняла.

— Уважаемый товарищ! — вежливо сказал Орешникову председатель. — Я понимаю, что радость переполняет вас. Мы ее разделяем. Искренне, — на всякий случай добавил он. — Вы можете получить выигрыш в государственных

сберегательных кассах.

— Ура! — издал счастливый вопль победитель тиража. Он вспомнил, что Оля работает как раз в сберкассе.

Председатель слегка перетрусил:

— Но сейчас вы туда не идите. Выплата выигрышей производится после опубликования таблицы розыгрыша в газетах.

Орешников подскочил к пионерке и поцеловал ее в щечку. Потом подлетел к пионеру и чмокнул его в лобик. Потом вернулся к председателю и обошелся с ним, как с грудным младенцем: сложил из пальцев «козу рогатую» и игриво пощекотал председателю грудку, издавая губами сюсюкающий звук.

Тиражная комиссия веселилась вместе с публикой. В театре еще ни разу не было так весело.

Орешников вприпрыжку сбежал со сцены и увидал Алевтину. Как все счастливые люди, он был занят собой и не уловил ее дурного настроения.

— Алевтина Васильевна, поздравьте меня! Я выиграл десять тысяч!

Но она не поздравила его, а Орешников даже не заметил.

— Это та самая облигация, помните? — продол-

жал болтать неосторожный богач. — Посмотрите! — И он сунул облигацию Алевтине.

Вокруг Орешникова и Алевтины стали собираться люди. Число их все возрастало, и вскоре образовался гигантский волнующийся круг, где эпицентром была облигация. И это закономерно. Никто из этих людей, из их родственников, друзей или знакомых никогда и нигде не видел клочок бумаги, который можно обменять на такие бешеные деньги.

Орешников представил Алевтину окружающим:

— Друзья мои! Это наш председатель месткома. Славная женщина. Пришла за меня поболеть. Поприветствуем и ее тоже!

Захлопал, правда, один Орешников. Вокруг рассмеялись. Но Алевтина стерпела и это. Никто уже не обращал внимания на такую мелочь, как розыгрыш пяти тысяч рублей.

— Этот человек мешает проводить мероприятие! — обратился председатель к членам комиссии.

Спасла положение Вера Фоминична Полотенцева. Она подозвала милиционера:

— Пожалуйста, выпроводите отсюда выигравшего товарища и доставьте его куда ему нужно, а

то у этого чудака отнимут его облигацию!

Милиционер растолкал любопытных, подошел к Орешникову, увидел, что облигация в руках Алевтины, и приказал:

— Верните ему! Ишь вы какая!

Алевтина была вынуждена подчиниться представителю власти.

Милиционер повел Орешникова к выходу, а тот размахивал облигацией и призывал:

— Дамы и господа, приобретайте облигации трехпроцентного выигрышного займа! Благодарю за внимание! Храните деньги в сберегательной кассе! Пейте томатный сок! Страхуйте свою жизнь! Своевременно вносите членские взносы!

Орешников утих только на морозе.

— Куда сопровождать? — спросил его милиционер.

— В фотографию «Твой портрет». Рабочий день еще не кончился, а меня отпустили только на розыгрыш! — Орешникову не терпелось поделиться радостью с товарищами.

Маленький отряд тронулся пешком. Чтобы чего-нибудь не приключилось, милиционер держал Владимира Антоновича под руку. Алевтина плелась на шаг сзади в виде бесплатного приложения.

Увидев Орешникова под конвоем, сотрудники побросали работу и гурьбой столпились в приемной.

— Кто начальник? — спросил конвоир.

— Я! — ответил Полотенцев. — А что он натворил?

— Такое, что вам и не снилось! — туманно сказал милиционер. — Вручаю его вам в целости и сохранности, со всем его содержимым!

Исполнив долг, милиционер направился к выходу. Стук его подкованных сапог четко разнесся в наступившей тишине.

Орешников обвел сослуживцев горделивым взглядом. Когда за милиционером захлопнулась дверь, на первый план выступила Алевтина. Именно ее особенно горячо приглашал Орешников пойти с ним на розыгрыш, именно ей показал он счастливую облигацию, именно ее так тепло представлял публике.

Алевтина сказала недобрым голосом:

— Этот тип выиграл десять тысяч на наши членские взносы!

В фотографии повис траур. Один Орешников держал хвост морковкой. Он ко всем приставал. Он не понимал, что его назойливость сейчас неуместна.

Мировая литература всегда выступала против тлетворного влияния денег. Но, увы, мало чего достигла. Распространенное мнение, что искусство влияет на умы, сильно преувеличено!

Для невыигравших сотрудников время тянулось медленно. Каждый носил горе в себе.

В разгар печали пришла старушка, вся в заботах о загробном будущем.

— Ну что? Готово? — спросила она у Алевтины, предъявляя квитанцию. — Мне ждать некогда. А то, знаете, неровен час…

Приемщица молча отдала керамический овал с изображением клиентки.

— Это кто же здесь такая хорошенькая? — обрадовалась старушка. Она расселась на стуле, явно не торопясь уйти. — Неужто я? Молодая… Эдак я еще долго продержусь! Передай спасибо фотографу. Вот придут на кладбище люди, поглядят на меня и скажут: какая молодая померла! До чего ж ее жалко, бедненькую…

Алевтина не проронила ни слова.

Старушка достала из сумки заранее припасенное полотенце, бережно завернула в него портрет и наконец поднялась.

— Теперь бы не разбить до похорон! — сказала она на прощание. — Примета плохая!

Возле Алевтины возник Орешников:

— Алевтина Васильевна, подумать только: я выиграл десять тысяч!

Наглость Орешникова, который не желал понимать, что разбогател за чужой счет, взбесила приемщицу.

— Я видела это собственными глазами!

— Первым делом я куплю «Зенит-112». Из фотографии уйду. Стану корреспондентом. Придется приобрести машину. Как вы думаете, взять «Волгу» или обождать «фиат»?

— Купите грузовик!

Орешникову понравилась идея, что он может себе позволить купить грузовик:

— А сколько он стоит, дороже, чем легковая?

— Не знаю, не приценялась!

— Как вы смотрите на то, — продолжал сорить деньгами Орешников, — если я куплю яхту? Правда, в городе нет моря и поблизости тоже. Переехать в Крым, что ли, и купить там заодно виллу? Нет, крыша будет течь, ремонты замучают. Это не в моем стиле — возиться с ремонтами…

То, что Орешников может, но не хочет купить виллу на берегу Черного моря, доконало Алевтину. Она выскочила на мороз без пальто.

Владимир Антонович проводил ее недоуменным взглядом и стал выискивать следующую мишень. Ему подвернулся ретушер Петя.

— Петя, я выиграл десять тысяч и не знаю, что купить. Я как-то к этому не подготовлен!

— Я за тебя рад! — искренне сказал Петя. — И я уже все подсчитал. Ты можешь купить три тысячи четыреста восемьдесят четыре пол-литра, и еще останется девяносто две копейки на закусь! Если ты будешь пить по литру в день…

— По литру? — растерянно переспросил Орешников.

— То тебе хватит на пять лет. А если еще сдать посуду…

— Эта свежая мысль не приходила мне в голову. Я подумаю. Спасибо! — поблагодарил Орешников и перекочевал в лабораторию к Ире и Юре, которые были настолько потрясены случившимся, что даже не целовались.

— Дети! Я выиграл десять тысяч и теперь собираюсь жениться!

Юная пара не пожелала его поздравить. В лаборатории тускло светила красная лампа, и выражения лиц не было видно.

— Если я подарю невесте «Волгу» и квартиру двухкомнатную, — разглагольствовал Орешни-

ков, не заботясь об окружающих, — а в свадебное путешествие мы поедем вокруг Европы на белом пароходе…

— Прикажете мне кричать «ура»? — вспылил Юра.

— Вы нам засветите пленку! — заплакала Ира.

И Орешников выкатился из лаборатории, не понимая, что зрелище его незаконного счастья не доставляет удовольствия.

Владимир Антонович возвратился в павильон, где возле большого фотоаппарата образца 1915 года пригорюнилась Лидия Сергеевна:

— Примадонна! — сказал Орешников фамильярно. — Я уже почти миллионер!

Лидия Сергеевна посмотрела на коллегу, с которым работала бок о бок целый год, и вдруг обнаружила, что коллега недурен собой! И умен, и обаятелен, и остроумен, и вообще замечательный человек. Тем более что от нее ушел муж, а коллега выиграл десять тысяч!

— Володя! — сказала она зазывно. — Я вас поздравляю! И вы меня тоже можете поздравить — я с мужем расплевалась, выгнала его к чертям! Знаете, он полное ничтожество, скандалист…

Орешников видел, что начинает нравиться Лидии Сергеевне, и это ему льстило.

— Вам, Володя, надо кончать с холостой жизнью! — решительно заявила Лидия Сергеевна. — Ваши шансы возросли.

— Лидия Сергеевна, вы играете с огнем! — предостерег Орешников.

— Мы с вами родственные души! — Лидия Сергеевна не боялась обжечься. — Только мы с вами здесь творческие люди…

— А Петя? — некстати заступился за товарища Орешников.

— Петя — третий лишний! — отмела ретушера Лидия Сергеевна. — Нам с вами нужно отметить ваш выигрыш. Мы можем это сделать у меня. Я вам сейчас запишу адрес…

— Дату встречи мы уточним позднее, — Орешников положил в карман записку с адресом и ушел независимой походкой покорителя женских сердец.

— Кирилл Иванович! — со вздохом сказал Орешников, без стука ввалившись в кабинет директора. — Если вдуматься, десять тысяч — совсем небольшие деньги. «Зенит-112» стоит четыреста двадцать рублей. Это мне по средствам. Но «Волга», к примеру, пять с половиной тысяч, — это откровенный грабеж. Машина, квартира, на мебель уже придется одалживать!

— Володя, не дразни гусей! — Полотенцев поглядел на него с упреком. — В данном случае гусь — это я!

29 декабря, вечер

Орешников ждал Олю у входа в городской парк. В парке шумела, клокотала и бурлила новогодняя ярмарка.

Оля опаздывала. Орешников изнемогал. Радость выпирала из него, и ее не на кого было выплеснуть.

Когда показалась Оля, Орешников ощутил небывалый прилив сил. Он одним прыжком оказался возле нее, наклонился к Олиному уху и радостно закричал:

— Угадай, что со мной случилось!

— Как я могу угадать? — улыбнулась Оля.

— Я тебе буду подсказывать. У меня одна облигация. Помнишь, я ее купил у тебя и просил подобрать мне счастливый номер! Сегодня разыгрывался тираж. Ну, догадалась?

— Ты выиграл сорок рублей!

— Больше!

— Сто? — повысила ставку Оля.

— Больше!

— Пятьсот рублей! — озорно выкрикнула Оля.

Орешников интригующе повторил:

— Больше!

— Неужели тысячу?

— Больше!

— Ты выиграл две с половиной тысячи! — шепотом произнесла Оля.

Орешников снисходительно усмехнулся:

— Больше!

— Пять тысяч! — У Оли закружилась голова.

Орешников ласково сказал:

— Оля, не мелочись!

Наступила роковая пауза. Оля не решалась назвать следующую сумму.

— Ну! — подбадривал Орешников. — Смелее!

— Не может быть! — наконец отважилась Оля. — Неужели ты выиграл десять тысяч?

— Как одну копеечку! — триумфально произнес Орешников, будто в этом была его личная заслуга.

Оля засияла.

— Володя, я так счастлива за тебя! — И она поцеловала его на виду у всей ярмарки.

Орешников воодушевился.

— Теперь я понял, в чем смысл жизни! Будничная обстановка меня гнетет! До сих пор мне не везло. Максимум, чего я достиг, — ассистент режиссера в областной студии телевидения. Но тут я выпустил в эфир что-то не то, и вот я фотограф.

— Ты много успел, Володя. — Оля смотрела на него влюбленными глазами.

— Ты хочешь сказать, я многого не успел. Мне уже двадцать восемь. Я должен наверстывать. Оля, мы переедем с тобой в Москву!

— С тобой хоть на край света!

— По-моему, мы украсим этот город…

— Все-таки ты отъявленный хвастун!

— В этом моя неповторимость! — не унимался Орешников, которому деньги вскружили голову. — В Москве меня возьмут фотокорреспондентом в журнал «Огонек»!

— Откуда ты знаешь?

— Телепатия, — напомнил Орешников.

Они засмеялись, вошли в парк и окунулись в толчею базара. На открытой эстраде шло новогоднее представление. Его возглавлял Дед Мороз, одетый в многопудовый костюм. Вокруг него буйно веселились юные горожане, которые пока еще верили сказкам.

— Это мой отец! — с нежностью сказал Владимир Антонович.

— Ты сын артиста Орешникова? — удивилась Оля. — Я его много раз видела в театре.

Они затесались в детский хоровод, стали прыгать и петь вместе со всеми.

— От подставки до макушки — Сто четырнадцать огней, На ветвях висят хлопушки, И звезда горит на ней! —

увлеченно пели Оля и Орешников.

Среди множества чужих детей Дед Мороз увидел своего ребенка и забеспокоился, несмотря на то что его ребенок давно уже перешел границу детского возраста.

Сын указал глазами на Олю, и они с отцом обменялись дружескими взглядами.

— Разноцветные флажки, Золотые петушки, А под елкой Дед Мороз, Ватный снег его занес, —

пел хоровод.

— А теперь под этой аркой, — указал направление Дед Мороз, — вас, ребята, ждут подарки!

И все дети, кроме Оли и Орешникова, устремились за гостинцами.

Орешников прощально помахал отцу. Отец-Мороз скрылся за кулисами, а Орешников повел Олю в торговый ряд, чтобы преподнести ей новогодний подарок, достойный его богатства.

Владимир Антонович держался как ухарь-купец.

— Значит, так, квартиру будем строить двухкомнатную и внесем все сразу, чтобы потом над нами не висело! Ты случайно машину водить

не умеешь?

— Нет! — огорчилась Оля.

— Научишься! — покровительственно сказал Орешников.

— Конечно, научусь!

Они протискивались по узкому проходу мимо торговых павильонов.

— Сейчас, Оля, мы будем с тобой транжирить деньги. Правда, я их еще не получил. Но это не имеет значения. Это будет у нас вроде генеральной репетиции. Мы все присмотрим, прикинем, рассчитаем... А ну-ка, войдем сюда! — Орешников потащил Олю в фанерный балаган, на котором красовалась вывеска «Меха». — А то пальтишко у тебя невзрачное. У вас есть что-нибудь приличное? — спросил Орешников. — Мне шубу для жены.

Оля благодарно улыбнулась.

— И не какой-нибудь дрянной нейлон, — разошелся Орешников, — а из натурального меха!

— Норка есть! — сказала продавщица.

— А ну-ка померь!

Оля надела шубку из норки, стала дивно хороша и, покраснев, шепнула:

— Какая прелесть!

— Сколько стоит? — поинтересовался Ореш-

ников.

— Две тысячи четыреста! — спокойно сообщила продавщица.

Орешников опешил.

— Это в старых деньгах или в новых?

— В новых!

— Двадцать четыре тысячи за водяную крысу?

— Водяная крыса — это одно, а норка — совсем другое, — возмутилась продавщица, снимая с Оли шубу.

— Да, это нам не по средствам! — погрустнела Оля.

— А эта почем? — Орешников показал на каракулевую шубу.

— Тысяча двести!

— А по нормальной цене у вас есть что-нибудь?

— Есть! — продавщица уже потеряла интерес к покупателям. — Нейлоновая цигейка.

— Эту дрянь нам и задаром не надо!

Орешников подал Оле ее потрепанное пальто и сказал:

— Ты мне и в нем нравишься!

Одному бывает трудно перенести испытание славой, другому испытание властью, третьему — богатством. Но слава проходит, власти можно

лишиться, деньги уплывают… Некоторые люди так и не возвращаются в нормальное состояние, а некоторым это удается. Что-то будет с Орешниковым?..

Орешников и Оля покинули магазин.

— А еще называется новогодняя торговля! — возмущался Владимир Антонович. — Просто нечего подарить к Новому году!

Оля сдерживала слезы. Из-за шубы она не стала бы плакать, но ей разонравился Орешников. Ее кумир сам спихнул себя с постамента и разбился вдребезги на мелкобуржуазные осколки.

— Пойдем выберем мебель! — по-хозяйски предложил Владимир Антонович, даже не подозревая, что обидел невесту. — Это для нашей будущей квартиры.

— Не хочу! — сказала Оля.

— Ты права! — обрадовался Орешников. — На мебель тратиться рано!

Они проходили мимо лотка с мороженым.

— Дайте одно эскимо! — решился наконец на покупку Владимир Антонович и преподнес Оле мороженое:

— Ты не обижайся, Оля, я не жадный, я хозяйственный!

Оля бросила эскимо в снег.

— Не хочу я тебя больше видеть! Никогда! — и убежала.

Орешников обиделся.

— Подумаешь! — сказал он вдогонку, не трогаясь с места. — Свет на тебе клином не сошелся. Не такая уж ты красавица!

Он нагнулся, поднял эскимо, развернул серебряную обертку и съел мороженое сам.

Покончив с Олей и с мороженым, Орешников отправился ужинать. Мест в кафе не оказалось. Орешников с подносом в руках мыкался среди столиков. Сесть было некуда, а есть, когда обе руки держат поднос с яичницей и кефиром, неудобно. Наконец в углу зала освободилось место, и Орешников заметил это первым. Он сгрузил на стол ужин, избавился от подноса и сел.

Судьба уготовила для него место за столиком, где мрачно жевала сардельки унылая серая личность, которая до вчерашнего дня считалась мужем Лидии Сергеевны.

Орешников никогда его не видел, а муж Лидии Сергеевны ни разу не встречал Орешникова. Каждому из них было чем поделиться с незнакомым человеком, с которым делиться значительно легче, чем со знакомым.

— Вот, ушел от жены, — начал бывший муж. —

Вроде бы хорошо, только вынужден есть эти кошмарные сардельки.

— А что, жена вкусно готовила? — поддержал разговор Орешников.

— Нет, я сам готовил!

— А я своей хотел сегодня шубу купить, так ей подавай только норковую.

— Они все такие! — поддакнул бывший муж, и они с Орешниковым почувствовали друг к другу симпатию.

— Вот моя, — продолжал искать сочувствия бывший муж, — никогда вовремя не приходила. Шлялась неизвестно где. На днях заявилась поздно, я ее спросил: где задержалась? А она мне нагло наврала: ходила по парикмахерским…

— А я своей сегодня эскимо купил, — изливался Орешников, — так она его в снег выкинула! Ест только пломбир!

— Они все такие! — уныло повторил свежий холостяк.

— И вообще, я тебе так скажу, — по-приятельски заговорил Орешников. — Мне жена знаешь какая нужна? Вот иду я с ней по улице, и все оборачиваются.

— Я, наоборот, предпочел бы тихую, скромную женщину, — сказал рентгенолог, который уже

вдоволь натерпелся от неслыханной красоты своей жены.

— Чего мы тут будем рассиживаться? У меня знакомая есть, потрясающая женщина. Между прочим, мужа выгнала! — сообщил существенную деталь Орешников. — Он у нее ничтожество и скандалист!

— Это тоже бывает, — признал собеседник.

— Адрес у меня имеется. Давай пойдем к ней! — предложил Владимир Антонович. — Я тебя познакомлю.

— Пойдем! — охотно согласился новый знакомый Орешникова. — Только я прихвачу вина.

Орешников не стал возражать. Бывший муж забежал в «Гастроном», взял бутылку портвейна «Три семерки», и Орешников повел компаньона к его бывшей жене, о чем тот пока не догадывался.

Первое смутное беспокойство закралось в его тоскующую душу, когда они оказались на улице, с которой он вчера увозил мебель. Потом они подошли к дому, где он был прописан, и беспокойство усилилось. Хотя в этом доме было четыре подъезда, они вошли в тот самый подъезд. Бывший муж все еще надеялся, что они поднимутся на другой этаж. Надежда рухнула. Бывший муж порядком занервничал. Однако на лестничную площадку

выходило четыре квартиры. Несчастный ждал чуда, но чуда не произошло.

Бесчувственный Орешников, который ничего не подозревал, нахально позвонил в ту самую дверь. Дверь распахнулась. На пороге стояла родная жена бывшего мужа.

Сначала Лидия Сергеевна увидела только Орешникова.

— Здравствуйте, Володя! — обрадовалась она. — Это хорошо, что вы… — и осеклась, потому что приметила второго человека, который ей тоже был знаком.

— Лидия Сергеевна, извините, что так поздно, я к вам с приятелем! — беспечно пропел Орешников.

— Кто это? — спросил бывший муж, показывая на соперника. — Кто этот Володя? Почему он к тебе по ночам приятелей водит?

Лидия Сергеевна не нашлась что ответить. А Орешников с ужасом понял, кого он привел.

— Не будем устраивать семейных сцен на лестничной площадке! — Владимир Антонович пытался выиграть время, чтобы найти выход из идиотского положения.

Они вошли в квартиру, в которой было все, кроме мебели.

— А на чем здесь сидят? — Орешников удивленно озирался по сторонам.

— Ты куда мебель дел? — Лидия Сергеевна грозно повернулась к похитителю гарнитура.

— Это моя мебель! — непреклонно ответил рентгенолог. — Твоего я ничего не взял. И ты не увиливай, ты мне скажи, кто это такой! — И он опять указал на Орешникова.

— Я сослуживец! — поспешно сказал Владимир Антонович, опасаясь, что муж может полезть в драку. А Орешникову не улыбалось бить человека в его собственной квартире на глазах жены. — Как вас зовут? — вдруг решил познакомиться Орешников.

— Это не важно! — отрезал муж.

— Дорогой мой! Я выиграл десять тысяч! Мы с Лидией Сергеевной хотели это отметить, и я пригласил за компанию вас!

— Ты десять тысяч выиграл, а я за портвейн платил! — взорвался рентгенолог.

— Перестань орать! — осадила его Лидия Сергеевна. — Ты где находишься?

— Дома! — машинально ответил ревнивец и, свирепея, продолжал: — Я в том самом доме, из которого ты меня выгнала, потому что я ничтожество и скандалист, как сообщил мне твой

хахаль!

— Я не хахаль, — возразил Орешников, — я сослуживец!

— Вы не сослуживец, вы не хахаль, вы сплетник! — в ярости выкрикнула Лидия Сергеевна, схватила шубу и выбежала вон.

Соперники остались наедине.

— Ты зачем сюда ночью приперся? — не унимался хозяин дома.

— Я же не один, — примирительно сказал Орешников, — я же тебя привел! Ты подумай, если у меня свидание, зачем мне ты?

Гора ревности скатилась с плеч бывшего мужа, и он глупо заулыбался:

— Это верно!

— Тебе надо с ней помириться! — посоветовал Владимир Антонович. — Где ты лучше найдешь?

— Лучше ее нету! — с вызовом заявил человек, имени которого Орешников так и не узнал. — Давай выпьем за нее!

— Давай! — согласился Орешников.

Лидии Сергеевне было невдомек, что Орешников пьет за ее здоровье. Сейчас она его ненавидела, а ненависть, как известно, первая ступенька на лестнице любви. Лидия Сергеевна хотела отомстить Орешникову. Она придумала такое, что

может придумать только современная женщина. Она не собиралась убивать его кинжалом, травить ядом, подсылать дуэлянтов. Нет, ее месть была в духе времени, ей требовались сообщники.

Поздно вечером Лидия Сергеевна ворвалась в квартиру Алевтины:

— Алевтина Васильевна! Я пришла к вам как к председателю месткома!

30 декабря, день

Не в деньгах счастье, но без денег плохо. Нет человека, который стремился бы получать зарплату поменьше, хотя он работает, как известно, не ради нее. Деньги, конечно, не главное. Но человек без копейки в кармане подобен птице без полета, то есть курице. Это относится, разумеется, к не нашему человеку, потому что наш человек всегда в полете.

Тяжело сознавать, что на человека, который ничем не лучше тебя, а может, даже похуже, свалилось богатство! У баловня судьбы нет никаких смягчающих обстоятельств вроде ума или таланта. Несправедливость, когда куш срывает недостойный, может свести с ума даже хорошего человека.

Когда Орешников явился утром на работу, там уже висело объявление, написанное неизвестно кем:

30 декабря в фотопавильоне состоится профсоюзное собрание.

Повестка дня:

1. Соревнование с фотографией «Буревестник».

2. Персональное дело В. А. Орешникова.
Начало в 12 часов утра.
Явка не обязательна.

Главное, чем люди отличаются от животных, — это любовью к собраниям. Именно способность утверждать повестку дня, выступать в прениях, укладываться в регламент, выбирать счетную комиссию, кричать с места, принимать резолюцию и заранее знать, во время какого из выступлений надо бежать в зал, а во время какого — в буфет, возвышает человеческое существо над остальным животным миром. У животных есть только стада, табуны, стаи, рои и косяки, но никогда не бывает собраний.

Горько думать, что случилось бы с цивилизацией и была бы она вообще, если бы собрания своевременно не вошли в наш повседневный быт. Тайная вечеря, круглый стол короля Артура, новгородское вече — все это предшественники наших нынешних совещаний. Все лучшие решения в истории человечества принимались, как известно, коллективно. И это мудро, потому что отдельную выдающуюся личность может занести черт-те куда, и там она может натворить черт-те что!

Несомненно, что решение общего форума вдох-

новляло Нерона, когда он поджигал город Рим. По принятой католиками резолюции провернули такое благотворительное мероприятие, как Варфоломеевская ночь. В свое время единогласно решили воздвигнуть на берегу Москвы-реки храм Христа-спасителя. Потом так же единогласно решили снести его.

Да, собрания — великая сила. Особенно хороши они тем, что любой присутствующий может выйти на трибуну и под стенограмму, где записывается каждое слово, сказать все, что он думает. И ничего за это не будет!..

Алевтина достала из ящика письменного стола табличку «Закрыто на учет», укрепила ее на входной двери и изнутри заперла дверь на ключ.

Все было готово.

С первым вопросом — о соревновании с «Буревестником» — расправились в два счета.

— Переходим ко второму вопросу повестки дня, — объявила Алевтина.

Но вдруг, нарушив тишину, кто-то забарабанил в дверь. Ретушер Петя — он сидел ближе других к выходу — отправился на разведку.

— У нас учет! — вежливо объяснил он незнакомцу, который высаживал дверь. — Для чего вывеску-то повесили?

— А мне плевать! — ответил грубиян. — Я снимался, отдайте карточки!

— Минуточку! — сказал ему Петя и пошел советоваться. — Какой-то бандит явился за фотографиями!

— Перерыв на десять минут! — нашелся Кирилл Иванович. — Разойдись!

Сотрудники разбежались.

Алевтина открыла дверь и увидела нареченного.

— Что у тебя тут за порядки? — сказал Калачев вместо приветствия. — Не достучишься к вам.

— У нас учет! — растерялась Алевтина.

— Непохоже! — Иван Степанович с видом знатока огляделся по сторонам. — Когда учет, кругом беспорядок! Я за карточками пришел и на тебя поглядеть заодно.

— Ваша квитанция! — сухо попросила Алевтина.

— Держи!

Алевтина порылась в ящике, где лежали готовые снимки, достала нужный конверт и протянула его Ивану Степановичу.

— Пожалуйста! — сказала Алевтина. — Все?

— Дай рассмотреть-то. — Иван Степанович раскрыл конверт и вынул фотографии. — А что?

Фотогеничный я… В кино могу сниматься, — пошутил он, и сам рассмеялся. — Очень даже я симпатичный на карточке…

— Может быть, вы полюбуетесь дома, мне очень некогда!

— Вот ты мне грубишь! — укоризненно сказал Калачев. — А я тебе фотографию собираюсь подарить. С надписью!

— В другой раз! Ну, например, вечером! — только для того, чтобы сплавить ухажера, Алевтина приносила себя в жертву. — Я согласна встретиться.

— Авторучку давай! — приказал Калачев.

В приемной, как бы невзначай, появились сотрудники и недвусмысленно смотрели на докучливого посетителя.

— Что это они на меня уставились? — удивился Калачев, держа в руках перо и собираясь надписать фотографию. — Ага, вон оно в чем дело! — Надо бы случиться тому, что в этот момент он увидел объявление. — Соревнование! — прочел Иван Степанович. — Это хорошо, правильно! Второй вопрос — персоналка… Это кто же такой Орешников?

— Фотограф, — Алевтина отвечала сквозь зубы.

— А что он натворил?

— Какое вам дело! — вмешалась Лидия Сергеевна, у которой сдали нервы. — Вы нам мешаете, товарищ! Вы получили фотографии? Претензий нет? И не задерживайте нас!

Калачев даже привстал:

— А ты кто такая есть?

На подмогу к Лидии Сергеевне бросился Юра:

— Товарищ, не безобразничайте! Уходите отсюда, а то мы вызовем милицию!

— А ну-ка, дайте мне жалобную книгу! — не растерялся Иван Степанович. — Ишь вы какие!

— Иван Степанович! — на линию огня снова вышла Алевтина. — У нас закрыто! Я обслужила вас из любезности!

— Хороша любезность! Я вас выведу на чистую воду! Где директор?

— Когда закрыто, жалобную книгу не выдают! — сказал ретушер Петя.

— А собрание в рабочее время устраивают? — ехидно спросил Иван Степанович.

На шум в приемную заглянул Орешников.

— А я тебя узнал! — обрадовался Калачев. — Ты меня фотографировал.

— Вы довольны снимками? — с профессиональной вежливостью спросил Владимир Антонович.

— Блеск! — похвалил Калачев. — Ты скажи,

кому тут шьют персоналку?

— Мне, — радостно поделился Орешников. — Я десять тысяч выиграл, а им завидно.

— Деньги у тебя хотят отобрать, что ли? — мигом сообразил Иван Степанович. — А ты не отдавай.

— А я и не отдам!

— В чем дело, гражданин? — В приемной появился Кирилл Иванович.

— Дело в том, — четко ответил Иван Степанович, — что я тоже хочу участвовать в собрании! — и обвел всех торжествующим взглядом. — Я тоже член профсоюза!

— Невозможно! — возразил директор. — Это внутреннее дело нашего коллектива!

— У профсоюза, — продолжал куражиться Калачев, — нет секретов от трудящихся! Ты директор, что ли?

— Правильно! — вдруг подал голос Орешников. — Пусть товарищ примет участие!

— Глупости говорите! — сказала Алевтина.

— Алевтина, помолчи! — как муж, прикрикнул на нее Калачев. — Я никому не позволю никаких махинаций! Вывеску повесили «Закрыто на учет», посетителей обманываете, над парнем, — он показал на Орешникова, — измываетесь!

— Они все против меня, — пожаловался Владимир Антонович.

— Все на одного, это не по-честному! — поддержал его Калачев. — Где у вас собрание, ты меня проводи!

И Орешников, взяв под руку нежданного защитника, повел его в павильон.

— Садитесь рядом со мной! — пригласил он.

— Я тебя в обиду не дам, — пообещал Калачев, усаживаясь.

В приемной ошеломленно молчали.

— Их нельзя оставлять наедине! — нервно заговорила Алевтина.

Полотенцев почесал затылок. Ситуация была дурацкая — совсем не хотелось при постороннем человеке проводить весьма деликатное мероприятие.

Но… в это время Лидия Сергеевна решительно шагнула к павильону.

— Лидия Сергеевна, обождите! — попыталась остановить ее Алевтина.

— Чего ждать? — огрызнулась красивая женщина и скрылась за портьерой.

Это послужило сигналом. Калачев приветливо встретил вошедших:

— Все на месте? Можно начинать?

Ничего другого не оставалось.

— Дорогие товарищи! — бодро приступил Полотенцев, покосился на Калачева и покатил по наезженному пути. — Мы живем в такое прекрасное время, когда весь наш город, как один человек, готовится достойно встретить Новый год. На фоне успехов, с которыми мы пришли к этой знаменательной дате, особенно позорным является поведение некоторых ренегатов и двурушников, агентов мелкособственнической идеологии! Они, эти агенты, марают наши ряды.

Полотенцев сел. Орешников многозначительно толкнул Калачева в бок:

— Это он про меня!

— Товарищи! — вскочила с места Лидия Сергеевна. — В своем ярком и содержательном докладе товарищ Полотенцев пригвоздил к позорному столбу тех, кто оскверняет мораль нашего общества, тех, кто продался… — Тут она запнулась, так как не знала точно, кому продался Орешников, но вскоре вывернулась. — Одним словом, мы не позволим! — выкрикнула в заключение Лидия Сергеевна.

— Ну, вот что, ребята, — внушительно потребовал Калачев. — Хватит валять дурака! Я же свой человек! Я Алевтинин жених. Я, можно сказать,

ее люблю!..

Все посмотрели на Алевтину.

Она зарделась и потупилась. Ей было очень приятно. Впервые в жизни ей признавались в любви, да еще при всем честном народе.

— Алевтина Васильевна, я искренне рад за вас, — поздравил ее Орешников. — И за вас тоже, — обернулся он к Калачеву. Тут ему почему-то вспомнилась Оля, и слегка защемило сердце.

— Ну, если он свой человек, — сказал Полотенцев, и вздох облегчения пронесся по павильону, — не будем церемониться!

Петя поднялся с места и взволнованно заговорил:

— Ты понимаешь, что ты наделал, Володя? Как тебе не стыдно! Мы все тебя любим.

— А что я такого сделал? — защищался Владимир Антонович. — Я же не виноват, что эта счастливая мысль пришла в голову мне, а не вам. Если бы я попросил официально, вы бы дали мне эти деньги! Я же их не украл, я расписку оставил.

— У Кирилла Ивановича десять детей, — пыталась усовестить Орешникова Алевтина. — Петя кругом в долгах, Ире с Юрой квартира нужна. Вы эгоист, Орешников.

— Вам даже в голову не пришло, что не вы

один, а мы все выиграли! — укоризненно произнес Юра.

Полотенцев прекратил прения:

— Володя, отдавай облигацию! Этот выигрыш принадлежит всем!

— Не отдам! — внятно сказал Орешников.

— Это общая облигация! — закричал коллектив.

— Нет, моя.

Собрание зашло в тупик.

Калачев с интересом следил за происходящим. Он еще не разобрался в сути дела. В этих критических обстоятельствах поразительную находчивость проявила Лидия Сергеевна.

— Я знаю, что вы рыцарь, Володя, — она поднялась с места. — И не посмеете обидеть женщину.

Орешников забеспокоился. Обольстительно улыбаясь, Лидия Сергеевна приближалась к нему. Орешников вскочил со стула и попятился. Лидия Сергеевна надвигалась неумолимо. Орешников ощутил спиной стену. Дальше отступать было некуда. Лидия Сергеевна подошла вплотную, засучила рукава и стала расстегивать на Орешникове пиджак.

— Что вы делаете! — в панике закричал Владимир Антонович.

Все с замиранием сердца следили за операцией.

— Сильна баба! — восхищенно гаркнул Калачев.

Лидия Сергеевна забралась в левый внутренний карман пиджака и достала оттуда расческу, пуговицу и шариковую ручку.

— Лазить по чужим карманам некрасиво, — пристыдил Орешников. — Детей отучают от этого с малолетства!

— Когда в интересах общества, это совсем другое дело. — Лидия Сергеевна положила на место расческу, пуговицу и шариковую ручку и перешла к исследованию правого кармана.

Близость Лидии Сергеевны пьянила Орешникова.

— Караул! Грабят! — нежно сказал он и добавил: — Я бы предпочел, чтобы вы обыскивали меня тет-а-тет, то есть наедине.

Калачев заржал.

Длинными тонкими пальцами, созданными для ласки и белых клавиш, Лидия Сергеевна извлекла из правого кармана заветную облигацию. Калачев отобрал ее и спрятал в карман:

— Пусть она пока здесь полежит…

— Спасибо. — Орешников протянул руку за

облигацией, считая, что Калачев его союзник.

Но тот остановил Владимира Антоновича и поглядел на него с подозрением:

— Ты не торопись. Я еще не во всем разобрался. Но уже начинаю кое-что понимать…

И это было переломным моментом в поведении Орешникова. Он понял, что надо спасать хоть то, что еще можно спасти.

— Дайте мне слово! — попросил Владимир Антонович. — Друзья мои! Я был не прав, и коллектив меня поправил. Конечно, надо поделить этот выигрыш на всех. И хоть я выдумал затею с облигацией, я не требую дополнительного вознаграждения. И предлагаю делить поровну!

— У меня другое предложение! — воскликнул Петя, лицо его было одухотворенным. — Давайте ничего не делить, устроим гигантский сабантуй и пропьем эти шальные деньги. Зато потом будет что вспомнить!

На его выходку никто не обратил внимания.

— То есть как это поровну? — зашлась Лидия Сергеевна. — Я получаю зарплату больше, чем, скажем, Алевтина. И вношу в кассу взаимопомощи тоже больше. Вносим-то мы один процент от нашей зарплаты. Значит, мне причитается сумма подороже!

Лидия Сергеевна не понимала, что сама роет себе яму, в которую скоро упадет. Красивые женщины всегда глупы. Во всяком случае, так думают все некрасивые женщины, и это служит им утешением.

Алевтина ловко использовала промашку красавицы.

— Владимир Антонович, — сказала она елейно. — Когда вы собирали взносы, я у вас одалживала, возьмите, пожалуйста, — и со значением вернула Орешникову долг.

— Почему вы так торопитесь? — спросил Владимир Антонович, не догадываясь, к чему клонит Алевтина. Она улыбнулась ему и повернула к Лидии Сергеевне торжествующее лицо:

— Значит, вы получаете больше меня, Лидочка! Но вы позабыли, Лидочка, что уже четыре месяца не платили взносы. И здесь вашей доли нет! За неуплату взносов я предлагаю исключить Лидию Сергеевну из членов кассы взаимопомощи! Кто «за», прошу поднять руки!

Тотчас взметнулось девять рук — голосовали Полотенцев, Алевтина, Ира, Юра и еще пять безымянных сотрудников, имена которых история не сохраняла.

— Кто против?

Орешников одиноко поднял руку.

— Кто воздержался?

Теперь руку поднял Петя.

— Принято единогласно! — привычно подытожила Алевтина.

— Это нехорошо, неправильно! — попытался повернуть колесо фортуны Владимир Антонович. — Надо делить на всех и обязательно поровну. Так будет справедливо!

Теперь он уже на самом деле думал так. Потеряв большую часть состояния, он снова становился человеком.

В это мгновение Петю посетила свежая идея.

— Товарищи! — закричал он, и опять его лицо стало вдохновенным. — Если вы не хотите сабантуй, давайте все вместе возьмем отпуск за свой счет, махнем на Кавказ, в горы есть шашлык и пить вино.

— Петя, помолчи! — устало остановил его Полотенцев.

— Лидия Сергеевна! — Алевтина вернула собрание в русло. — Прошу покинуть помещение!

Так бог, если он есть, покарал Лидию Сергеевну за то, что вчерашней ночью она сочинила заговор.

Лидия Сергеевна поднялась со стула и на но-

гах, которые ее плохо слушались, поплелась к выходу.

— Не уходите! — закричал Орешников. — Люди, что вы делаете! Вы же проходили в школе: человек — это звучит гордо!

— Вы лучше на себя поглядите! — дал ему отпор Юра, а Ира добавила:

— Вы вообще один пытались все заграбастать!

— Мне стыдно об этом вспоминать! — сознался Орешников. — Я был некрасив, как вы некрасивы сейчас.

Лидия Сергеевна была потрясена. Мужчина, которого она предала, оказался единственным, кто за нее заступился.

Держась за плюшевую занавеску, которая отделяла фотопавильон от мира, Лидия Сергеевна смотрела на Орешникова, и взгляд ее говорил, что любовь дороже денег. Да, в трагическую минуту ненависть переродилась в любовь!

Лидия Сергеевна с усилием оторвала от Орешникова проникновенный взгляд и ушла.

А Калачев наконец-то раскрыл смысл событий.

— Вот ты, оказывается, какой прохиндей! — обозвал он Орешникова. — На общественные деньги спекулируешь! А я-то, наивный, за тебя заступался! Товарищи! — обратился он с воззва-

нием. — Его тоже надо прижучить и исключить!

Все знали арифметику. И совсем не трудно догадаться, какая участь постигла Орешникова.

Деньги портят человека и будут портить еще долго. Конечно, сотрудники «Твоего портрета» повели себя непорядочно. Из славных, добрых они превратились в непривлекательных людей. Но не надо судить их слишком строго. Говоря по-честному, без ханжества и лицемерия, трудно удержаться и не обалдеть, когда перед глазами маячит круглая сумма. И все-таки сотрудники фотографии должны были держать себя иначе. Их поведение недостойно, а следовательно, нетипично, хотя бы потому, что на человека не так уж часто сваливаются большие деньги.

Исключенный Орешников уходил с собрания эффектно, не так, как Лидия Сергеевна. Он умел проигрывать. По прямой мужской линии он происходил от д'Артаньяна, Жерара Филипа и старшиновской тройки из хоккейной команды «Спартак».

Орешников поднялся и заговорил, как будто ничего не случилось:

— Друзья мои! Покидая собрание, я позволю себе дать несколько практических советов. Первое: не забудьте, пожалуйста, когда получите деньги,

вернуть в кассу взаимопомощи двадцать рублей, как бы это сделал я.

Второе: когда вас спросят, где вы приобретали облигацию, знайте, что вы купили ее в сберкассе № 5288/0331. Вы меня выкинули из игры, мне очень грустно, но Киплинг сказал: «И будешь тверд в удаче и в несчастье, которым, в сущности, цена одна!..»

Закончив выступление, немножко высокопарное, Орешников двинулся к выходу.

Нервы у слушателей сдали.

— Старик, мне тебя жалко! — расчувствовался ретушер Петя. — У меня есть предложение, которое всех устроит. — Лицо его стало лучезарным. — Вам не хочется сабантуй, вам не нравятся горы, тогда давайте купим вскладчину автобус, будем по воскресеньям ездить за город, ловить рыбу, пить вино…

— Петя! — с укором сказала Ира. — Вы можете подумать о чем-нибудь другом?

— Нет! — честно признался Петя и виновато посмотрел на Орешникова. — Старик, я хотел, чтоб всем было хорошо…

— Володя, извините нас! — сказал Полотенцев. — Но вы сами во всем виноваты.

— Володя, мы вас очень любим! — заверила

Алевтина и поглядела на Калачева.

— Приходите к нам на новоселье! — пригласили Ира и Юра, которые в мечтах уже купили квартиру.

А Калачев встал с председательского места и пожал Орешникову руку.

Все сочувствовали Орешникову, жалели его, но это была бесплатная жалость.

Отодвинув шпингалет на окне, Орешников открыл его, вылез на улицу и растворился в снежной мгле.

Он вынырнул из снежной мглы возле сберкассы № 5288/0331. У Олиного окошка стояло несколько человек. Орешников занял очередь. Оля его не замечала. Когда голова Орешникова просунулась в окно, Оля растерялась от неожиданности.

— Добрый день, — дерзко сказал Орешников, делая вид, словно они никогда не ссорились. — Как жизнь?

— Спасибо, хорошо, — Оля быстро взяла себя в руки. Когда молодые люди говорят друг с другом излишне вежливо, это означает, что они в разладе.

— До чего же отдельные девушки обидчивы! — пренебрежительно сказал Орешников. Он и не думал извиняться и в разговоре старательно

избегал обращения как на «ты», так и на «вы».

— Я нахожусь на работе, — сухо ответила Оля. — И не имею возможности вести посторонние разговоры с клиентами.

Орешников обернулся — сзади очереди не было.

— Я никого не задерживаю.

— Все равно!

— Это верно, — холодно согласился фотограф. — Я пришел по делу!

— Слушаю, — сказала Оля.

— Вот когда я принесу облигацию, ну, ту самую, сберкасса сразу же сможет выдать мне деньги?

— Поскольку речь идет о крупной сумме, облигацию полагается послать на экспертизу.

— Это длинная история?

— Придется потерпеть целые сутки! — не удержалась Оля.

— Это меня устраивает.

Задержка в выдаче денег действительно устраивала Орешникова.

— Сейчас у меня нет при себе облигации, так что я зайду попозже.

— Если облигация не окажется такой фальшивой, как некоторые, сберкасса выдаст десять тысяч, — ледяным тоном объяснила Оля.

— Если человек на работе, он не имеет права оскорблять посетителя. — Орешников пытался обратить все в шутку.

Но Оля не была расположена шутить.

— Можно написать на меня жалобу!

— Должен тебе сказать, Оля, — не выдержал Орешников и первый раз обратился к ней на «ты», — что твое поведение меня огорчает, хотя я сам не могу понять почему.

С этими словами он ушел. Оля не побежала за ним вдогонку, но расплакалась. Правда, Орешников об этом не знал.

Он уже не думал об Оле. Его мысли были заняты планом, для осуществления которого требовался помощник. Единственной кандидатурой могла быть Лидия Сергеевна, которую тоже исключили из дележа. Владимир Антонович хотел было зайти к ней домой, но побоялся напороться на ревнивого рентгенолога, который закатит сцену и все испортит.

Обездоленная Лидия Сергеевна тоже думала об Орешникове. Пока она шла от «Твоего портрета» до дома, ее чувство к Владимиру Антоновичу росло, росло и выросло до невиданных размеров.

Лидия Сергеевна машинально достала ключи, открыла дверь, сняла пальто, повесила его на

вешалку, перешла в комнату, села на диван и заплакала. Она плакала потому, что ее лишили денег, а рядом не было Орешникова, который мог бы ее утешить. Она не замечала, что в комнате вновь появились диван, шкаф, стол и остальная мебель во главе с мужем.

Рентгенолог стоял у окна и ждал, когда Лидия Сергеевна начнет радоваться. Но не дождался и вспылил:

— Я возвратился! Привез обстановку! А ты ревешь! Значит, ты недовольна моим возвращением!

Услышав мужской голос, Лидия Сергеевна вздрогнула.

— Ах, это ты! — пробормотала она, узнав мужа.

— Да, это я! — Муж сразу дал почувствовать, что он вернулся. — Почему ты явилась так рано?

— У нас было собрание.

— Собрание! — заорал муж. — Ты бы думала, прежде чем врать!

— Меня исключили из кассы взаимопомощи…

— И поэтому ты плачешь? Так я и поверил!

Но Лидии Сергеевне было сейчас не до семейных сцен. Она набрала номер телефона. Орешников сразу поднял трубку. Он как раз собирался звонить Лидии Сергеевне.

— Володя, это вы? — услышал он ее голос. — Сейчас я к вам приду…

Муж Лидии Сергеевны тоже услышал ее слова и затопал от негодования.

Лидия Сергеевна повесила трубку:

— Позже я тебе все объясню. Сейчас некогда.

Она оделась и ушла к Орешникову.

Муж перестал топать. Он принял решение. Он действовал энергично. Он выскочил на улицу и остановил первый попавшийся грузовик.

— Товарищ водитель! — сказал ревнивец. — Вы мне не поможете срочно перевезти мебель?

Тем временем события нарастали. Держатели облигации отправились менять ее на живые деньги.

Впереди шел Калачев под руку с Алевтиной.

Они двигались медленно, потому что у них происходил любовный разговор. А о любви не говорят на бегу.

— Ты учти, Алевтина, что я тебя не за деньги полюбил. Ты мне раньше приглянулась, когда я еще не знал про выигрыш.

— Я учитываю! Только я вас еще не полюбила, хотя уже меняю о вас мнение в лучшую сторону.

— Ты давай побыстрей меняй! — продолжал ухаживать Калачев. — Тебе давно замуж пора!

— Вот я теперь приоденусь, — кокетничала Алевтина, — так буду не хуже, чем Лидия Сергеевна.

— Я к тебе и в таком виде привык! — ласково прошептал ей на ухо Калачев.

Алевтина благодарно улыбнулась.

В сберкассе Иван Степанович достал облигацию, протянул ее в окошко контролеру и сказал:

— Девушка! Вот они, которых я привел, выиграли десять тысяч! Денег-то у тебя хватит?

В то время как Оля сверяла облигацию с таблицей, Калачев собрался уходить:

— Я вам больше не нужен!

Все были признательны Ивану Степановичу, восхищаясь его бескорыстием и благородством.

— А к тебе я вечером загляну! — интимно сказал он Алевтине.

— Буду ждать! — шепнула в ответ возлюбленная.

Тем временем Оля убедилась, что это та облигация, которая выиграла десять тысяч! Оля помнила, что главный выигрыш достался именно этому билету, который она вытащила для Орешникова любящей рукой. Поэтому ему и повезло.

Страшное подозрение мелькнуло в ее голове: «Шайка бандитов напала на моего Володю, хотя я

его уже не люблю, и, безусловно, убила его!»

— Где вы взяли эту облигацию? — спросила Оля убийц, мучительно размышляя, как ей поступить: звать милицию, обратиться за помощью к кассирше или расправиться самой?

— Мы купили облигацию здесь, в вашей сберкассе № 5288/0331, — ответил хор голосов.

Подозрения Оли перешли в уверенность.

— Следовательно, вы ее купили у меня. Когда же?

Все помнили день, когда Орешников собирал взносы:

— Три дня назад!

«Они пытали его перед смертью и выведали подробности!» — подумала Оля в ужасе.

— Ваши паспорта! — потребовала храбрая девушка, убежденная, что преступники наведут на нее пистолеты. Когда гангстеры послушно полезли в карманы, Оля подавила в себе крик.

Паспорта собрал Полотенцев и протянул контролеру. Оля взяла документы и сразу придумала гениальный план.

— Значит, так, облигацию я пошлю на экспертизу. Может, она фальшивая. Заодно проверим ваши паспорта. Может, они тоже ненастоящие!

— Мы согласны! — ответил хор.

— Приходите завтра! — продолжала хитрая Оля. — Я закажу деньги и вооруженную охрану, — добавила она многозначительно.

— Большое спасибо! — сказали уголовники и безропотно ушли.

Оля спрятала облигацию в надежное место, уложила паспорта в сумочку и напугала кассиршу:

— Я ухожу в связи с грабежом и убийством!

Она надела старенькое пальто, на цыпочках подкралась к выходу, осторожно приоткрыла дверь и выглянула. Злодеев поблизости не было. Оля метнулась в сторону и скрылась, унося с собой их паспорта…

30 декабря, вечер

Тот, кто думает, что благородный человек — это такой человек, который совершает благородные поступки, жестоко ошибается. Благородный человек — это такой человек, который не совершает неблагородных поступков.

Легко быть принципиальным и бескомпромиссным в крупных, масштабных вопросах: как развивать добрососедские отношения с Новой Зеландией, когда проводить перепись населения и куда лететь раньше — на Уран или Нептун. Значительно труднее быть молодцом в случаях мелких, житейских, обыденных.

Если, к примеру, кто-то из мужчин, сидя в вагоне метро, увидел женщину и не уткнулся в газету, а встал и уступил женщине место, этот человек необыкновенный, он достоин того, чтобы его показывали как экспонат на Выставке достижений народного хозяйства.

Если кто-то, допустим, за всю свою жизнь не написал ни одной анонимки, а, наоборот, устоял, то этот человек образец порядочности и публично заслуживает одобрения и подражания.

Если кто-то, кому повезло, — нашел чужой ко-

шелек и не прикарманил его содержимое — это честный человек, и о нем следует написать в газете под рубрикой: «Так поступают советские люди».

Вера Фоминична Полотенцева была женщиной твердых устоев. Ее нельзя было сбить с панталыку ни за какие деньги.

— Вы потеряли моральный облик! — выговаривала мужу Вера Фоминична, после того как они закончили ужинать и уединились в маленькой комнатке, переделанной из лишней кухни.

— В нашем бюджете столько дыр, — оборонялся Кирилл Иванович. — Их нужно затыкать деньгами!

— Мы не станем поступаться нашими принципами! — железобетонным голосом сказала мать-героиня. — Мне стыдно за ваш коллектив. Вы не должны были их исключать!

— А что мы должны были делать? — спросил затурканный Полотенцев.

— Взять их на поруки и перевоспитать! Да, у нас плохо с деньгами. Да, дети — бездонная бочка, но мы не будем торговать нашими убеждениями!

Вера Фоминична была прекрасна цельностью натуры.

— Вера, я тебя люблю! — не удержался Поло-

тенцев.

— И я тебя люблю! — призналась она.

— Что же нам конкретно делать? Я имею в виду историю с выигрышем. — И Полотенцев склонил усталую голову на крепкое плечо жены.

— Решайте сами! — сказала подруга жизни и погладила мужа по голове.

Полотенцев решительно подошел к двери и запер ее на ключ, чтобы не помешал никто из детей…

Лидия Сергеевна направлялась к Орешникову с серьезными намерениями. Когда красотка в волнении страсти вышла из лифта, ее сердце стучало так сильно, что Орешников услышал стук и открыл дверь.

— Володя, — сказала Лидия Сергеевна прерывающимся голосом, — я так перед вами виновата. Ведь я все организовала…

— Не будем вспоминать об этом. Заходите!

— Я не смею переступить порог вашего дома!

— Переступайте! — великодушно разрешил Владимир Антонович. — Мы теперь с вами друзья по несчастью. Меня тоже исключили!

Поняв, какой финансовый удар нанесла она дорогому человеку, интриганка обмякла и начала терять сознание. Орешников подхватил

прелестный груз и доставил в комнату. Пока он надрывался от тяжести, Лидия Сергеевна пропадала от счастья.

— Володя, — произнесла она любимое имя и приоткрыла веки. — Я пришла сделать вам предложение!

Орешников усадил ее на стул и спросил:

— Какое?

Его недогадливость делала ему честь.

— То самое!

— Делайте!

Женщина встала и церемонно поклонилась:

— Я прошу вашей руки!

— В каком смысле? — изумился Орешников.

— В прямом! — намекнула Лидия Сергеевна. — Я хочу, чтобы вы стали моим мужем!

Владимир Антонович не нашелся что ответить. В это время прозвенел звонок. Орешников и Лидия Сергеевна не обратили на него внимания. Входную дверь отворил отец.

— Здесь квартира артиста Орешникова? — трагически спросила Оля.

— Да, это я! — осторожно признался артист, опасаясь, что перед ним поклонница-психопатка. Лицо Оли показалось ему знакомым, но он не помнил, где ее видел.

— Где ваш сын?

Отец не знал, что к сыну пришла Лидия Сергеевна.

— Только что валялся на диване.

— Мертвый? — выкрикнула Оля. — Они его убили и отняли облигацию, я так и думала.

На всякий случай, от греха подальше, отец отступил на шаг и посмотрел на Олю с испугом.

— По-моему, нет… Даже наверняка нет. Он живой! Может, даже чересчур!

— Это все, что я хотела узнать! — сказала Оля загадочно и побежала вниз по лестнице.

Орешников-младший, поглощенный обороной, так и не узнал, что к нему приходила Оля.

— Но вы же замужем, — сопротивлялся Владимир Антонович.

— Разве это муж? — горько вздохнула красавица.

— Но я не могу жениться на вас. Я бы с удовольствием, но у меня уже есть невеста. Ее зовут Оля.

— Дайте ей отставку! — умоляла Лидия Сергеевна, переполненная любовью по самую лебединую шею. — Вы сделаете непоправимую ошибку, если женитесь не на мне! Я вас полюбила, Володя, это случилось со мной в первый раз в жизни. Для вас я пойду на любые жертвы. Я буду мотаться

по магазинам и рынкам, варить обед и мыть посуду. Я сама буду относить белье в прачечную, я научусь чинить электричество, гладить брюки и натирать полы. Когда вы пойдете со мной по улице, все будут на вас оборачиваться. Женитесь на мне, ну пожалуйста!

Орешников был растроган. Людям нравится, когда им объясняются в любви.

— Но я собирался жениться на Оле! — тупо повторил свой довод Орешников.

— Где ваша Оля, я не знаю, но я-то здесь, совсем рядом, вы только протяните руку… — тихо произнесла красавица.

Сопротивление Орешникова слабело, и он жалобно попросил:

— Не надо, Лида…

Напор атакующей стороны оказался настолько пленительным, что Владимир Антонович был готов к сдаче в плен. Орешников напоминал беднягу кролика, который добровольно идет в объятия удава. А удав, как везде написано, самая красивая змея на свете, и поэтому задыхаться в его объятиях приятней, чем в любых других…

Был мягкий зимний вечер. Чистый рождественский снег падал на грешную землю.

Оля быстро шла по улице. Подойдя к старинно-

му дому со львами у подъезда, достала из сумки один из конфискованных паспортов и сверила адрес. Затем она вошла в парадное и позвонила в квартиру на первом этаже. Дверь открыл Петя. Увидев девушку из сберкассы, он перепугался:

— Что случилось? Неужели облигация поддельная?

— Нет, я думаю, что настоящая. Мне надо с вами поговорить.

Петя пригласил Олю в комнату и помог снять пальто.

— Давайте примем по маленькой. Вам с мороза полезно, — обрадовался Петя, который не любил выпивать в одиночку.

— Скажите, ведь эта облигация принадлежала Володе?..

Петя уже доставал из буфета графин и рюмки.

— Володе, — согласился он, удивленно взглянув на девушку. — А вы его знаете?

— Знала… А как эта облигация попала ко всем вам?

— Значит, вам известно, что он выиграл десять тысяч?

— Мне про него все известно, — горько сказала Оля.

Петя внимательно посмотрел на нее.

— Значит, вы поссорились, — догадался он.

Оля не удержалась и всхлипнула:

— Да!

— Выпьем за то, чтобы вы помирились! — поднял тост Петя.

— Я никогда с ним не помирюсь. — И Оля решительно выпила.

— Вы закусывайте, — угощал Петя. — Володя — хороший парень. Только лоботряс. И знаете, — заверил Петя, считая, что приводит самый важный довод в пользу друга, — он непьющий, не то что я.

— Но все-таки, — попросила Оля, — почему вы отобрали у него облигацию?

И Петя, смущаясь, рассказал Оле все.

Теперь Оля на самом деле знала об Орешникове всю правду, кроме того, что он находился сейчас во власти соблазнительницы.

Лидия Сергеевна лежала на диване, укрытая пледом, Владимир Антонович расположился у нее в ногах.

— Лида, уже поздно. Пойдем, я тебя провожу! — Орешников с некоторым опозданием корил себя за капитуляцию.

— А чего я дома не видела? — лениво ответила Лидия Сергеевна.

— Нехорошо, муж будет беспокоиться… — гнул свою линию любовник.

— Не выпроваживай меня! Я тебя люблю и остаюсь здесь навсегда!

Орешников понял, что попал в безвыходное положение и заслужил это. Надо было выпутываться.

— Иди ко мне! — позвала Лидия Сергеевна.

— Обожди! Я думаю!

— О чем, милый?

Орешников поднялся и зашагал взад и вперед по комнате.

— Разве это справедливо, — с пафосом воскликнул он, — что они лишили нас доли?

— Не хочу я сейчас об этом думать…

— Не бросайся такими деньгами! — продолжал заманивать в ловушку Владимир Антонович.

— Я ими не бросаюсь. У меня их нет. — Лидия Сергеевна довольно быстро клюнула на приманку. — Но это безобразие! Это произвол!

— Ты права! — раздувал пламень ее обиды Орешников. — Мы должны добыть нашу законную долю. И ты мне поможешь. Одевайся!

Вскоре Орешников и Лидия Сергеевна шли по главной улице. Все мужчины оборачивались и завидовали Орешникову. Но он не испытывал

от этого радости. Он высвободил руку, желая обрести свободу, но это расходилось с интересами Лидии Сергеевны.

Она сама взяла Орешников под локоть, и он почувствовал, что она держит его мертвой хваткой.

Навстречу им, по той же улице, шли Оля и Петя. Увидев Орешникова с Лидией Сергеевной, Оля мгновенно взяла Петю под руку.

Две пары остановились друг перед другом. Орешников виновато поглядел на Олю. Лидия Сергеевна перехватила этот взгляд и поняла, кто перед ней. Она торжествующе улыбнулась. Оля посмотрела на Лидию Сергеевну презрительно, а на Орешникова она старалась вовсе не глядеть.

Петя взирал на всех по очереди, пытаясь понять, что здесь происходит.

Женским чутьем Лидия Сергеевна ощутила опасность и поволокла Орешникова за собой. Оля немедленно поволокла за собой Петю. Пары разошлись в разные стороны.

Орешников не выдержал и обернулся. Оля тоже не выдержала и тоже обернулась.

И хотя расстояние между ними увеличивалось, они все еще смотрели друг на друга.

В любви, как в лотерее, никогда заранее не

известно, кто выиграет. Вот, например, Алевтина долго ждала и наконец вытащила счастливый билет в образе Ивана Степановича.

Сдержав обещание, Калачев заявился к невесте с огромным девятирублевым тортом в руках.

Алевтина провела Калачева в столовую.

— Добрый вечер, Василий Александрович и Мария Петровна, — сердечно поприветствовал будущих родителей Иван Степанович и водрузил торт на стол.

— Зачем он пришел? — поразился Василий Александрович, обращаясь к дочери, которая тоже вырядилась в лучшее платье. — Если мне не изменяет память, он утверждал, что ноги его здесь не будет!

— Погорячился я, Василий Александрович! — признался Калачев.

— Чего его сюда привело? — по-прежнему не замечая Калачева и разговаривая только с дочерью, продолжал отец.

— Я на вашей Алевтине жениться задумал! — огорошил родителя Иван Степанович. — Прошу вашего согласия, дорогие и уважаемые Василий Александрович и Мария Петровна!

— Я согласна! — поспешно ответила мать, боясь, что жених передумает.

Василий Александрович упрямо делал вид, что Калачева нет в комнате.

— Какой он жених, Аля? Ему же на пенсию пора!

— Это вы преувеличиваете! — Иван Степанович понимал, что отец берет реванш за первую встречу, и решился терпеть унижение до победного конца.

— Ну, а ты-то согласна? — в упор спросил у дочери Василий Александрович.

— Она согласна! — заверил Калачев.

— Она согласна! — подтвердила мать.

— Я тебя спрашиваю, Алевтина! — строго сказал отец.

— Я согласна! — призналась Алевтина.

Жених застеснялся.

— Зачем тебе этот мухомор? — искренне удивился отец, который души не чаял в дочке.

Мать заспешила на выручку:

— Не слушайте его, Иван Степанович!

— Я его теперь должен слушать, я его теперь уважать должен, хочешь не хочешь! — по-сыновнему сказал Калачев.

Алевтина смотрела на отца умоляющими глазами, и он наконец сдался:

— Делайте что хотите!

— Вот и договорились! — обрадовался Иван Степанович. — Спасибо, папа!

И, прежде чем Василий Александрович успел опомниться, Калачев навалился на него и расцеловал.

31 декабря

Трудно понять, почему все люди дружно радуются приходу Нового года и даже празднуют это, вместо того чтобы плакать.

Если вдуматься, то новогодний праздник — печальное событие в скоротечной жизни. Ведь люди еще на один шаг приближаются к роковой черте. А сама процедура встречи Нового года еще более ускоряет процесс приближения.

Вместо того чтобы спать, сохраняя здоровье, люди всю ночь нарушают режим и безобразничают на деньги, собранные вскладчину: пляшут, поют, орут, едят, пьют, беснуются и ухаживают.

В новогоднюю ночь останавливается прогресс. Ученые не выдумывают порох, поэты не рифмуют, воры не воруют, педагоги не учат, парикмахеры не бреют, могильщики не роют, книг никто не читает, воюющие стороны не стреляют друг в друга, потому что руки у всех заняты бокалами.

Но все-таки есть еще доблестные люди, которые и новогоднюю ночь не предают интересов общества и смело двигают прогресс. Это водители транспорта, официанты, гардеробщики,

музыканты, врачи «скорой помощи» и повара. Их руки заняты не праздными рюмками, а трудовыми рулями, подносами, шубами, аккордеонами, шприцами и половниками.

В новогоднюю ночь работает также и телевидение. Но оно прогресса не двигает.

Итак, наступил последний день старого года — 31 декабря!

Перед закрытием сберкассы сотрудники фотографии толпились у Олиного окошечка. Орешникова и Лидии Сергеевны среди них не было. Деньги получал Калачев как лицо нейтральное и оправдавшее доверие.

Оля обратилась к присутствующим с маленькой речью, мстя этим как Орешникову, так и Лидии Сергеевне:

— Уважаемые товарищи! Поздравляю вас с наступающим Новым годом и с выигрышем. Надеюсь, что вы и дальше будете покупать облигации трехпроцентного займа!

— Большое спасибо! Мы вас тоже поздравляем! — весело откликнулись богачи.

На улице Алевтине не удалось идти рядом с женихом. Калачева бережно поддерживали с обеих сторон Кирилл Иванович и Петя, чтобы Калачев, не дай бог, не споткнулся, не упал, не

попал под машину.

— Слушайте, — сказал Петя, не выпуская локтя Ивана Степановича. — Это дело надо отметить.

— Это наша традиция, — согласился Полотенцев.

— Я «за», — сказал Калачев.

Процессия остановилась около «Гастронома».

Пока счастливчики опустошали магазин, Лидия Сергеевна одна, в пустой квартире, вела себя более чем странно.

Часы показывали уже девять вечера. Все женщины города лихорадочно надевали бальные платья, а Лидия Сергеевна надевала лыжный костюм. Можно было подумать, что она собирается провести новогоднюю ночь на лыжне.

Послышался стук открываемой двери. Лидия Сергеевна устремилась в переднюю посмотреть, кого это черт принес.

В дверях, с бутылкой шампанского, робко стоял муж, по лестнице с мебелью поднимались грузчики. Увидев жену, муж пустился в объяснения:

— Я вернулся навсегда! Ты рада, я знаю. Я тоже очень рад. Мы будем вместе встречать Новый год!

Лидия Сергеевна отмолчалась. Муж появился явно некстати.

— Я был не прав! — признал супруг. — Я не буду больше тебя ревновать. Я тебе верю. Я знаю: ты меня любишь! Почему ты в лыжном костюме?

Лидия Сергеевна поняла, что все начинается сначала, и пожалела, что у нее в руках нет лыжных палок. Хотя бы одной.

Грузчики оттеснили хозяйку в сторону и внесли в комнату шкаф.

— Ты даже не представляешь, как дорого обходится перевозка мебели! — пожаловался ревнивец. — И полировку всю поцарапали…

Телефонный звонок раздался ровно в половине десятого, как и было договорено. Лидия Сергеевна опередила мужа и поспешно схватила трубку.

— Да, это я, — сказала эффектная лыжница. — Хорошо. Иду!

— Это куда же ты направляешься под самый праздник? — поразился муж. — Я тебя спрашиваю!

— Ты доигрался со своей мебелью! — наконец-то удостоила его ответом Лидия Сергеевна. — Я полюбила другого человека!

— Лида! — заплакал муж. — Если ты от меня уйдешь, я выброшусь из открытого окна!..

— Не говори глупостей! — отмахнулась Лидия Сергеевна и по-спортивному выбежала на

лестницу.

Муж затрусил вдогонку и закричал угрожающе:

— Лида! Мы живем на шестом этаже!

— Я это знаю! — отозвалась жена снизу.

Рентгенолог заспешил обратно в комнату и настежь распахнул окно. В комнату ворвался морозный воздух.

Брошенный муж проворно взобрался на подоконник и стал дожидаться, когда жена выйдет из подъезда.

— Лида! — завопил несчастный, увидев свою мучительницу на тротуаре. — Смотри, я сейчас выкинусь!

Лидия Сергеевна вскинула голову.

— Не стой на окне — простудишься! — проявила заботу жена и ушла к другому.

Кто-то тронул рентгенолога за ногу. Он испуганно откинулся назад, чтобы действительно не выпасть.

— Прежде чем из окна сигать, — сказал грузчик, — ты, хозяин, деньги плати. Мы закончили.

— Везите всё обратно, я заплачу! — простонал рентгенолог, слезая с подоконника.

— Нет уж, дудки. Нам к женам пора, Новый год встречать!

Было уже десять часов вечера. Город садился за праздничный стол провожать старый год. Город веселился и чокался.

Только бедная Золушка Оля со своими мамой и папой не ждала гостей. В маленькой квартирке, расположенной на верхнем этаже, под самой крышей, стол был накрыт на троих.

Золушке было грустно. Она наряжала маленькую полиэтиленовую елочку, достать которую было легче, чем настоящую.

— От подставки до макушки, — заунывно пела Оля на мотив похоронного марша, в то время как папа и мама смотрели телевизор, — сто четырнадцать огней. На ветвях висят хлопушки, и звезда горит на ней!..

А город произносил тосты, выпивал, закусывал. Город слегка опьянел.

В фотопавильоне тоже был накрыт стол. В центре, рядом с шампанским, в ванночке для проявки негативов, лежали десять тысяч рублей, как одна копеечка. За столом восседало десять соискателей и Калачев.

Банкет был в разгаре. Иван Степанович держал речь:

— Я поднимаю этот бокал за вашу дружную фотографию, которая успешно выполнила годо-

вой план. Я приглашаю всех вас на нашу свадьбу, на которую мой коллектив автобазы номер три придет в полном составе.

Все закричали: «Спасибо!» — и выпили.

Алевтина взглянула на часы и испуганно сказала:

— Пора делить, а то не поспеем домой Новый год встретить.

Тут поднялся ретушер Петя и прочувственно сказал:

— Я по-прежнему настаиваю делить на всех поровну, включая Орешникова и Лидию Сергеевну. Иначе как мы завтра будем смотреть им в глаза?

— Петя прав, — согласился Кирилл Иванович. — Исключив наших товарищей, мы потеряли моральный облик, — повторил он слова жены.

— Хорошо, — пошла на уступку Ира, — примем Орешникова обратно!

— А ее? — спросила Алевтина.

— Мы не согласны! — мгновенно возмутилась Ира, а Юра добавил:

— Она не вносила в кассу взаимопомощи.

Алевтина величественно поднялась.

— Друзья! Надо ее принять, — заговорила она, чувствуя на себе одобрительный взгляд Калаче-

ва. — Надо ее пожалеть. Она женщина одинокая. Ее муж бросил. А когда женщину никто не любит, ей одной очень трудно. А членские взносы она внесет.

Алевтина была сейчас привлекательна. Как известно, любовь облагораживает женщину, делает ее красивой и даже доброй.

Но главное, Алевтина чувствовала себя победительницей. Наконец-то она, которую все почему-то считали дурнушкой, могла покровительствовать женщине, которую все почему-то считали красавицей.

— Алевтина, безусловно, права, — сказал растроганный Полотенцев. — Ну, обалдели вначале от этих денег. Пора уж в себя прийти! Я горжусь, что наш коллектив не торгует убеждениями. Давайте голосовать обе кандидатуры вместе.

Но проголосовать не удалось.

Занавеска раздвинулась, и в фотопавильон степенно вплыл Дед Мороз в полном параде, с жезлом в руке и мешком за спиной, в котором, скорее всего, лежали подарки.

— С наступающим вас, передовики фотографического производства! — поздравил он оторопевших сослуживцев. — Это ценная инициатива городских организаций, чтобы я самолично

разносил подарки по предприятиям, перевыполнившим план! Ура!

— Ура! — неуверенно ответили собравшиеся.

— Здорово придумано! — одобрил Калачев инициативу.

— От имени и по поручению… — продолжал Дед Мороз, — я поздравляю вас с перевыполнением годового плана на две десятых процента. Мы знаем, что эти две десятых обошлись вам дорого. Мы любим ваш коллектив за энтузиазм, за самоотверженность и дружбу, за то, что у вас при любых обстоятельствах один за всех и все за одного!.. А теперь… становитесь за подарками!

И он скинул с плеч мешок.

Выходить из-за праздничного стола никому почему-то не хотелось.

— Надо — так надо! — строго наказал Калачев. — Идите! Я тут покараулю.

К Деду Морозу выстроилась очередь.

— И вы, товарищ, идите сюда! — позвал Калачева хозяин зимы.

— Я не из этой фотографии!

— Но вы же, товарищ Калачев, директор лучшей автобазы города! — проявил поразительную осведомленность Дед Мороз.

Польщенный Калачев покинул боевой пост. К

ужасу присутствующих, волшебник погасил свет и полез в мешок за подарками в полной темноте.

— Иди домой, обрадуй жинку. Ты получаешь четвертинку! — Дед Мороз вручил Полотенцеву первый гостинец.

Пока шла церемония вручения, красивая тень в лыжном костюме скользнула в окно и подбежала к столу. Раздался грохот. Это упала бутылка с шампанским.

Тень метнулась обратно и ловко выпрыгнула.

Кто-то догадался зажечь свет. Денег, конечно, не было.

— Караул! Ограбили!

Началась суматоха.

Через двор убегала фигура, чем-то похожая на Лидию Сергеевну.

— Этот Дед Мороз жулик! — первым догадался Калачев.

— Они сообщники! — закричала Алевтина.

— Вот вы несправедливо лишили нас доли! — Дед Мороз снял бороду, и все узнали Орешникова. — И мы вынуждены были совершить этот некрасивый поступок.

Владимир Антонович оставил мешок с подарками на произвол судьбы, подобрал полы халата и пустился наутек.

Давно известно, что деньги портят человека. Но отсутствие денег портит его еще больше. Как быть с решением этой проблемы ну совершенно непонятно!

На улице Орешников догнал Лидию Сергеевну, и они помчались вместе, обгоняя прохожих, которые тоже бежали, так как до Нового года оставались считаные минуты.

Из фотографии «Твой портрет» вывалилась гурьба ограбленных и пустилась в погоню.

Они не кричали «Держите вора!». Они не хотели огласки и бежали молча. Впереди несся руководитель предприятия, а замыкал группу бегунов Иван Степанович Калачев, принимавший участие в погоне на добровольных началах.

— Володя, ты гений, — говорила Лидия Сергеевна набегу. — Я тебя обожаю!

— Давайте сюда деньги, — приказал Орешников, не снижая темпа. — А то вас они могут догнать, а схватить меня не так просто.

В мыслях Владимир Антонович уже держал в руках заветную фотокамеру «Зенит-112».

Не переставая мчаться, Лидия Сергеевна вручила ему сверток. Орешников удивился толщине пачки.

— Зачем вы взяли все деньги? Вы с ума со-

шли! — Орешников даже остановился.

— У меня не было времени отсчитывать, — оправдывалась бегунья, увлекая сообщника в подворотню.

Погоня промчалась мимо.

— Мы спасены! — сказала Лидия Сергеевна.

Орешников отсчитал из пачки долю, которая причиталась ему и Лидии Сергеевне, выскочил из подворотни на улицу и закричал:

— Вы не туда бежите! Мы здесь!

Погоня молча развернулась на сто восемьдесят градусов.

— Зачем ты это сделал? — спросила Лидия Сергеевна.

— Так надо!

Орешников положил сверток с деньгами на тротуар и придавил кирпичом.

— Возьмите сдачу! — крикнул он и отбежал на несколько шагов, следя за тем, чтобы деньги не взял кто-нибудь посторонний.

Полотенцев нагнулся и поднял сокровище:

— Сколько здесь?

— То, что вам причитается! — ответил Орешников.

— Что будем делать, товарищи? — спросил Полотенцев.

— Догонять! — предложил Юра. — Они же не все отдали!

Погоня возобновилась. Кирилл Иванович стал отставать первым. У него началась одышка. Теперь он семенил рядом с Калачевым.

— Подумать только, — пожаловался Полотенцев. — А мы их только что собирались принять обратно.

— Теперь ни за что не примем! — отозвался Юра, бежавший в авангарде.

— Но они не знали, что мы их собирались принять, — вступился Петя за беглецов. — И объясните мне, пожалуйста, зачем мы за ними бежим, когда они взяли только свою долю!

— Петя прав! — воскликнул Полотенцев.

— Надо закончить собрание, — предложила Алевтина.

— Давайте оформим это по всем правилам. Как решит народ, так и будет! Я прошу всех проголосовать «за» и прекратить беготню, пока у меня еще нет инфаркта, — взмолился Полотенцев. — Кто «за»?

Голосование происходило тоже на бегу. Все подняли руки.

— Принято единогласно! — подытожила председатель месткома.

— Володя! Лида! Остановитесь! — закричал Петя. — Мы вас приняли обратно. Идите к нам.

Обе группы — преследуемые и преследователи — опять остановились, тяжело дыша, и приступили к мирным переговорам.

Все это происходило на пустынной центральной площади. В это время город уже открывал шампанское. Пробки стреляли.

— Зачем вы все это затеяли? — тяжело дыша, спросил Полотенцев у фотографов. — Как вам не стыдно, вы устроили этот грабеж именно тогда, когда мы все договорились принять вас обратно.

— Я вам не верю! — воскликнула Лидия Сергеевна. — Это вы сейчас нарочно говорите!

Петя посмотрел Орешникову в глаза и сказал ему жестокие слова:

— Мне хочется выпить, Володя, но я не стану этого делать с тобой!

Орешников изменился в лице. Он понял, что недооценил прекрасных качеств коллектива. Он печально улыбнулся:

— Пожалуй, это не лучший поступок в моей жизни. Извините меня…

Человек, который считает себя благородней других, как правило, ошибается. Владимир Антонович осознал глубину своего ничтожества, и это

стало началом его спасения.

Городские часы начали отбивать полночь, возвещая приход Нового года. Все замолчали, понимая важность момента. Когда часы закончили работу, все закричали: «С Новым годом, с новым счастьем! Ура!»

— Очевидно, я должен еще раз извиниться и признать свое моральное поражение, — тихо сказал Орешников. — Вы оказались лучше меня. Ну что же! Я рад этому.

— Кирилл Иванович, раздайте деньги! — нарушил молчание Калачев, которому надоела эта история. — И кончайте базар!

— Ну что ж, приступим! — согласился Полотенцев, и люди стали делить богатство в центре площади. Новый год для них начался совсем недурно.

А Орешников и Лидия Сергеевна ушли, и их ухода никто не заметил.

— Володя, мы идем к тебе! Ко мне нельзя, потому что вернулся мой рентгенолог.

— Это прекрасно! — обрадовался Орешников. — Я провожу вас к нему и, кстати, заберите свою долю!

— Пусть она останется у тебя! В нашей семье ты будешь всем распоряжаться! Мы ведь пойдем

по жизни рядом!

— Мы пойдем порознь!

— Володя, ты хочешь меня оставить? — Голос Лидии Сергеевны дрогнул.

— Пожалуйста, — попросил Владимир Антонович. — Отпустите меня к Оле. Пожалуйста! Я вас очень прошу!

— Я тебя люблю и буду за тебя бороться! — Такие женщины, как Лидия Сергеевна, никогда не сдаются без боя.

Орешников молча протянул ей деньги. Лидия Сергеевна взяла их. Они постояли рядом и разошлись. Лыжница поплелась к рентгенологу, Дед Мороз заторопился к Золушке.

Выскочив из лифта, Дед Мороз позвонил в дверь.

Оля вышла в переднюю и спросила, не открывая:

— Кто там?

— Дед Мороз! — ответил знакомый голос. — С Новым годом.

— Зачем ты пришел?

— Я был свиньей! Прости меня, пожалуйста, и впусти!

— И не подумаю! — сказала принципиальная Золушка, которая, однако, обрадовалась приходу

Орешникова.

— Тогда вынеси чего-нибудь поесть! — жалостливо попросил Дед Мороз.

— Ну да! — без труда раскусила его Оля. — Ты хочешь, чтобы я открыла дверь!

— Хочу! — признался Орешников.

Оля улыбнулась:

— Если я открою, ты ведь войдешь!

— Войду!

— Потом тебя до утра не выставишь!

— Не выставишь! — согласился Орешников. — Ну, открывай!

Оля открыла дверь и засмеялась, увидев его в облачении Деда Мороза.

— Видишь, я действительно из новогодней сказки!

— Я рада, что ты пришел, дедушка! — откровенно сказала Оля.

— Между прочим, — Орешников все еще стоял на лестничной площадке, — я должен тебе сообщить, что больше всех по этой облигации выиграл я!

— Дурачок, что ты выиграл?

— Я выиграл, тебя, Оля!

И Орешников переступил порог, отделявший его от счастья.

Новогодние сказки всегда кончаются хорошо. Иначе их не печатают!

Январь

Добыть деньги — это только полдела, потратить их с толком не менее высокое искусство…

Кирилл Иванович и Вера Фоминична сидели в столовой за большим обеденным столом. Стол был завален заявками детей на приобретение инвентаря.

Вера Фоминична взяла очередное прошение и прочла:

— «Прошу мольберт. Коля».

— Надо удовлетворить! — предложил Кирилл Иванович, который возлагал на Колю большие надежды.

Вера Фоминична кивнула, наложила на прошение положительную резолюцию и огласила следующее заявление: «Прошу гоночный велосипед. Леша».

— Гоночный велосипед — это разврат! — возмутился отец.

— Мальчик хочет стать чемпионом! — попыталась защитить его мать, но отец встал на дыбы:

— На велосипед я денег не дам! Ты позабыла, что всем надо приобрести теплые ботинки!

— Ты прав! — согласилась Вера Фоминич-

на. — А может быть, вообще вместо всех этих мольбертов записать Севу и Музу в кооператив на однокомнатную квартиру?

— Почему им все, а другим ничего? Нет, это тоже не годится… — Кирилл Иванович огорчился. — Казалось, я выиграл уйму денег, а их ни на что не хватает!

— Не надо было заводить десять детей! — как обычно, пошутила Вера Фоминична.

Дверь отворилась, в комнате появился ребенок лет семи, настроенный агрессивно:

— Папа и мама, купите мне барабан!

— Витя! — приказал отец. — Выйди отсюда и закрой дверь!

— Я не Витя, я Валерик! — обиделся сын…

Ира и Юра, в отличие от Полотенцевых, не намеревались расходовать деньги по мелочам. У них была ясная цель — квартира.

Они гуляли по улице, мысленно расставляя мебель в будущих комнатах. Они проходили мимо универмага. И не собирались в него заходить. Им там нечего было делать.

— Давай зайдем. Просто так! — предложила Ира, которая, как всякая женщина, обожала толкаться в промтоварных магазинах.

— Я знаю твой характер. Ты не удержишься, мы

накупим всякой ерунды, и у нас не останется на квартиру! — возразил Юра.

— Мы только посмотрим, даю тебе слово…

Юра ее послушался, они переступили порог магазина. И это было их роковой ошибкой.

Сначала им подвернулся электроотдел, который, как нарочно, расположили у входа.

— Какой замечательный торшер! — восхитилась Ира. — Я таких никогда не видела!

— Пойдем, пойдем отсюда! — потянул ее за рукав бедолага, предчувствуя недоброе.

— Но если мы купим только торшер и больше ничего, нам же хватит! — взмолилась Ира.

— Сначала нужно купить квартиру, — резонно заметил Юра, — а потом уже ее обставлять!

— Да, но потом таких торшеров не будет!

Торшер был началом их грехопадения.

Юра с торшером под мышкой и Ира с абажуром в руках перешли в отдел телевизоров, который, как назло, находился рядом.

— Смотри, телевизор «Вечер»! — воскликнула транжира. — Его вообще никогда не бывает.

— Если мы сейчас купим телевизор, то о квартире надо забыть, — напомнил Юра.

Но было поздно. Они уже покатились по наклонной плоскости…

На улице, возле универмага, прохаживался Калачев, поджидая Алевтину, которая назначила ему свидание. Наконец она вынырнула из толпы покупателей и, сияя, кинулась навстречу жениху.

Калачев вздрогнул.

Дело в том, что Алевтина, наконец, осуществила мечту. В несусветной шубе с чернобурым воротником и чернобурым подолом она гордо подплыла к Ивану Степановичу. На голове ее торчала модная шляпка, которая вместе с шубой безобразила ее, как могла. Оказалось, что даже Алевтину можно изуродовать.

Алевтина прошла перед Калачевым, как манекенщица, расстегнула пальто и сказала:

— Обратите внимание на платье из цветных кружев. Верхняя часть бесформенная, нижняя — суженная…

Платье не доходило до колен и открывало ажурные чулки. Алевтина выставила ногу, слегка согнув ее.

Калачев покраснел в первый раз в жизни. Ему было стыдно перед окружающими. У Ивана Степановича появился повод сбежать от невесты раз и навсегда, но он доказал, что он настоящий мужчина и добрый, любящий человек.

— Тебе это очень идет, Аля! — произнес он отчаянно. — Да, очень!

— Лидия Сергеевна помрет от зависти! — победоносно заявила Алевтина.

— Конечно помрет!

Калачев мужественно взял Алевтину под руку и повел ее на виду у всех.

Алевтина была так счастлива, что не видела ничего вокруг. Иван Степанович старался не смотреть по сторонам, чтоб не встретиться взглядом с кем-нибудь из знакомых.

Именно поэтому они прошествовали мимо Иры и Юры, не заметив их.

Растратчики, убитые горем, расположились на двух новых креслах. Кресла стояли прямо на снегу. Рядом красовался торшер, а на журнальном столике высился картонный ящик с телевизором «Вечер».

— Куда мы это повезем? — безнадежно спросил Юра.

— Это я во всем виновата, — призналась Ира.

— Может, отвезем все это в камеру хранения? — искал выход Юра.

— И это будет лежать там до нашей смерти, — сказала Ира.

— И мы еще за это будем платить, — вздохнул

Юра.

— Я придумала! — вдруг осветилась светом надежды Ира. — Свезем в комиссионный магазин! Мы потеряем только семь процентов, но все-таки сможем вступить в кооператив…

В то время как коллеги Лидии Сергеевны проматывали состояние, она еще не истратила ни копейки. Она сохраняла материальные ресурсы для решающего броска.

Лидия Сергеевна пришла в сберкассу и сразу направилась к Оле, которая восседала на томах Большой советской энциклопедии. Лидия Сергеевна просунула в окошко голову и сказала недвусмысленно:

— Оля, отдайте мне Володю!

— Не отдам! — ответила Оля.

— Отдайте!

— Не отдам!

— Но я его люблю! — патетически воскликнула Лидия Сергеевна, но Оля только усмехнулась:

— Ну и что? Я сама его люблю!

Беседа зашла в тупик.

— Оля, вы еще молоды, у вас вся жизнь впереди, вы еще найдете свое счастье, другое…

Так как Оля молчала, Лидия Сергеевна спросила упавшим голосом:

— Значит, не отдадите?

— Ни за что!

Лидия Сергеевна обернулась, убедилась, что в сберкассе нет других посетителей, полезла в сумочку, достала оттуда увесистую пачку и протянула счастливой сопернице:

— Оля! Здесь восемьсот тридцать три рубля! Это очень большие деньги! Возьмите их и отдайте мне Володю!

— Вы что же, хотите его купить?

— Зачем так грубо, Оля! — попыталась ее пристыдить Лидия Сергеевна, но успеха не достигла. Она поняла, что жизнь кончена! — Ну, ладно! — сказала Лидия Сергеевна. — Тогда дайте мне на все деньги облигации трехпроцентного выигрышного займа!..

А человек, которого только что хотели купить, но не захотели продать, не избежал общей участи и тоже судорожно тратил деньги.

На новогодней ярмарке Владимир Антонович Орешников постоял у витрины магазина «Культтовары», где по-прежнему красовалась фотокамера «Зенит-112», и поглядел на нее тоскливым взглядом. Хотя у него в кармане лежали деньги, на которые можно было купить два аппарата, Орешников печально улыбнулся и

направился в павильон «Меховые изделия», где несколько дней назад опозорился перед Олей и самим собой.

— Здравствуйте, — сказал он продавщице. — Мне, пожалуйста, дамскую шубу. Сорок шестой размер, за восемьсот тридцать три рубля. Желательно хорошую.

— Будете брать без примерки? — удивилась продавщица.

— Уже примеряли. Хватит.

Эпилог

Прошло несколько дней. Кирилл Иванович Полотенцев сидел в кабинете на фоне переходящего вымпела, на котором было начертано: «Победителям в соревновании». Этот приз им только что вручили за успехи в выполнении годового плана.

— Надо вымпел отметить! — говорил Полотенцев Алевтине. — Такая у нас традиция!

— Надо-то надо! Но где взять деньги, ни у кого их уже нет!

— Возьмем у Орешникова из кассы взаимопомощи!

Орешников поспешил на зов начальства. По дороге его перехватил Петя. Он провел языком по пересохшим губам:

— Володя, дай три рубля!

— Уже? — сочувственно спросил Владимир Антонович.

— Уже, — вздохнул Петя.

— Денег у меня нет! — И Орешников вошел в кабинет Полотенцева.

Кирилл Иванович показал ему на вымпел:

— Надо устроить междусобойчик! Открывай

свою взаимопомощь!

— Что вы все сговорились, что ли? — вспыхнул Орешников. — Нет денег! Я их опять растратил. — Владимир Антонович полез в карман и достал из него облигацию трехпроцентного займа. — Может, опять повезет. Нам повезет, — уточнил он.

Все-таки жизнь людей чему-то учит.

P. S. Больше они ни разу не выиграли.

P. P. S. Повесть написана не по заказу Министерства финансов.